

Джордж Р.Р. Мартин

БУРЯ МЕЧЕЙ

Тот, кто играет в престолы,
либо погибает, либо побеждает. Середины не бывает!

Перед вами — третья летопись цикла «Песнь льда и огня». Эпическая, чеканная сага о мире Семи Королевств. О мире суровых земель вечного холода и радостных земель вечного лета. Море лордов и героев, воинов и магов, чернокнижников и убийц — всех, кого свела воедино Судьба во исполнение древнего пророчества. О мире опасных приключений, великих деяний и тончайших политических интриг.

Сотрясается в борьбе Железный Трон Семи Королевств. Предают друг друга недавние союзники, злейшими врагами становятся хорошие друзья.

В неприступном замке плетет сети изощренного заговора могущественная чернокнижница...

В далеких, холодных землях собирает силы юный властитель Севера Робб от Дома Старк...

Новые и новые воины сходятся под знаменами Даэнерис Бурерожденной, правящей последними из оставшихся в мире драконов...

Но ныне в разгорающийся пожар сражений вступают еще и Иные — армия живых мертвецов, коих не остановить ни властью оружия, ни властью магии.

БУРЯ МЕЧЕЙ грянет в Семи Королевствах — и многие падут в этой буре...

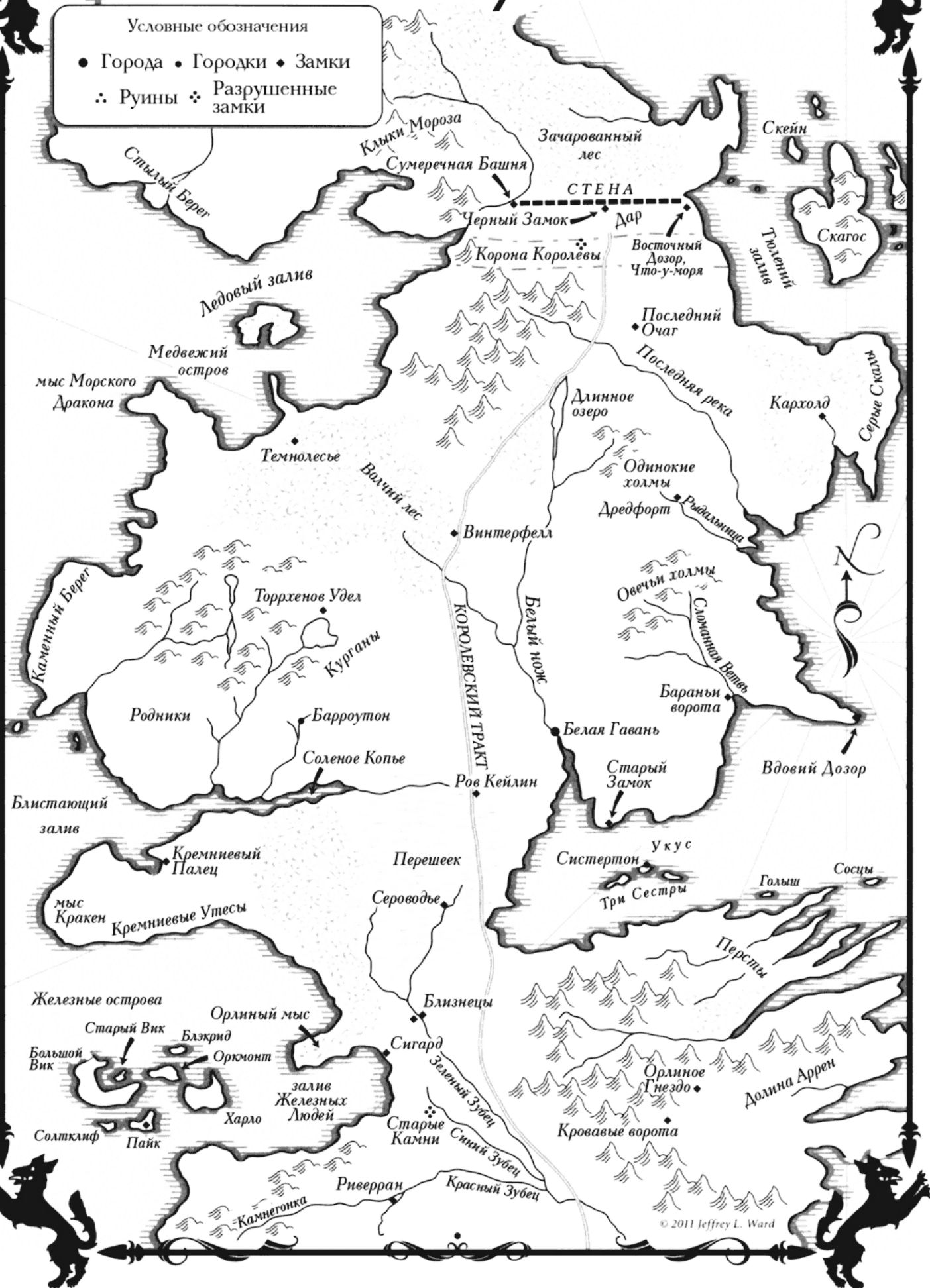

Север

Условные обозначения

- Города • Городки • Замки
- ∴ Руины ∄ Разрушенные замки

Условные обозначения

- Города • Городки ♦ Замки
- ⋯ Руины ✧ Разрушенные замки

Железные острова

Условные обозначения

- Селения ♦ Замки
✧ Разрушенные замки

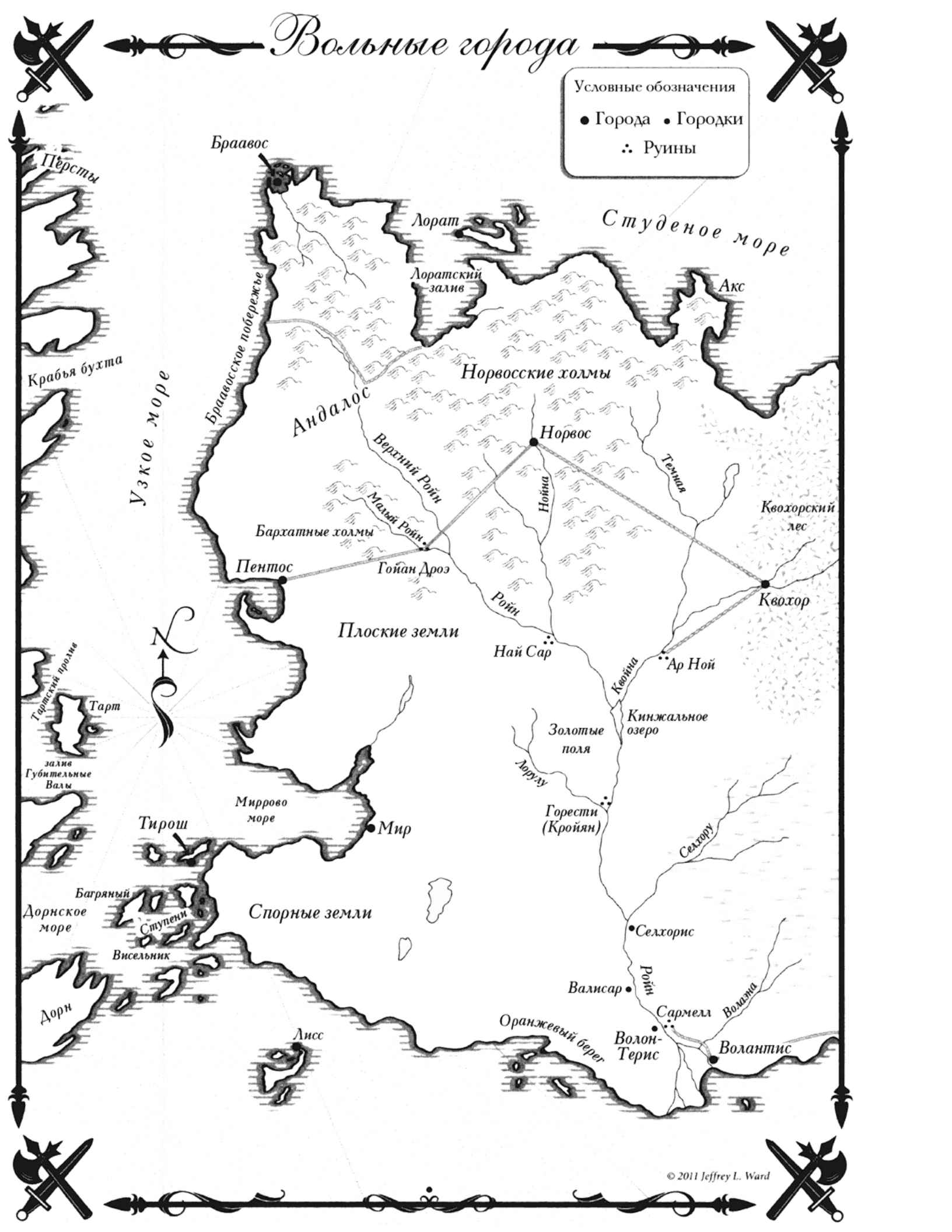

Вольные города

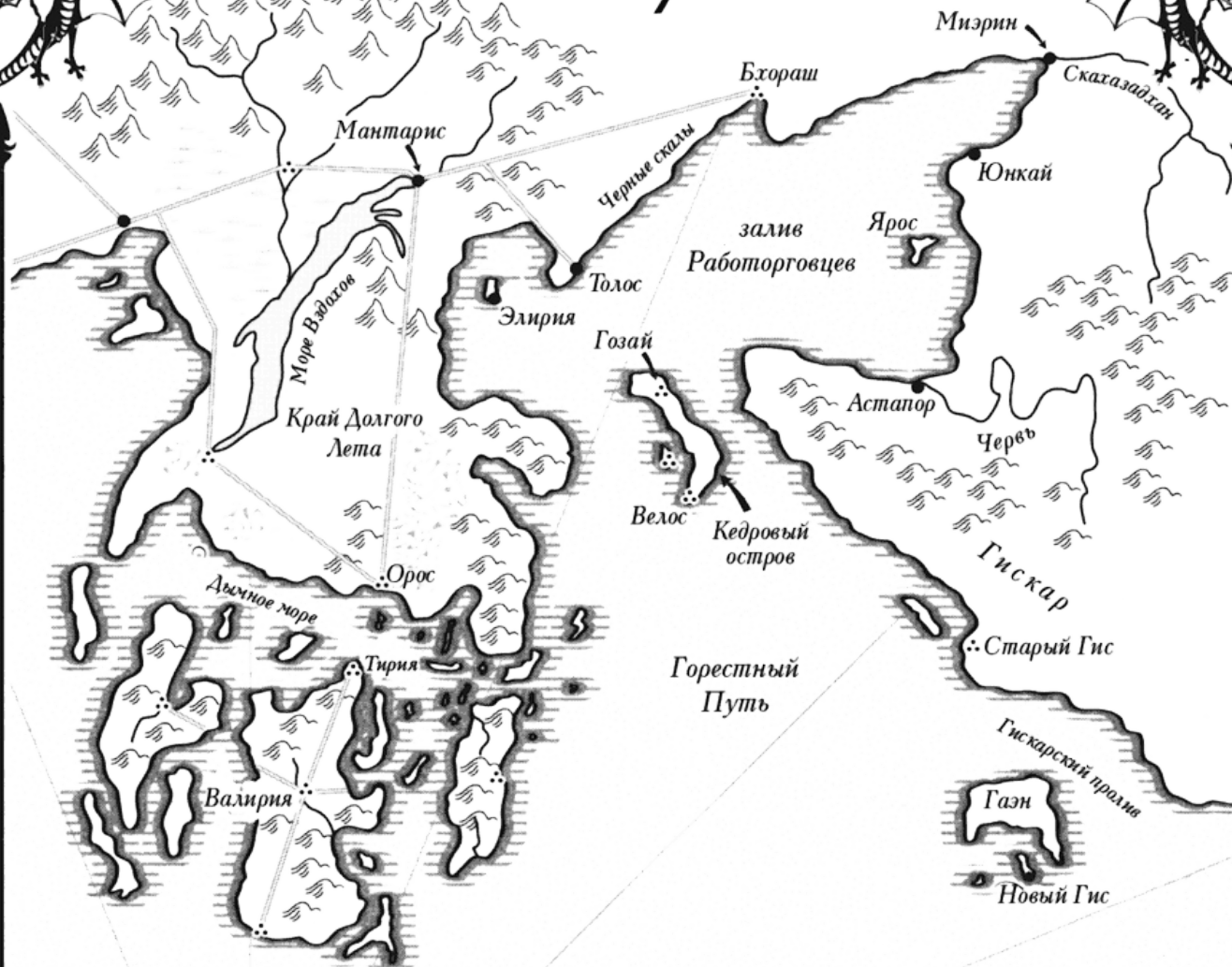
Условные обозначения

- Города
- Городки
- ∴ Руины

Валирия

Вестерос и Летние острова ← Летнее море → Кварт и Яшмовое море

Условные обозначения
● Города
∴ Руины

По поводу хронологии

Мое повествование ведется от лица разных персонажей, которых порой разделяют сотни и тысячи миль. Период действия разных глав тоже различен: в одном случае это сутки, в другом — только час, в третьем — неделя, месяц или полгода. При такой структуре повествование не может быть строго последовательным, и важные события иногда происходят одновременно за тысячу лиг друг от друга.

Открыв настоящую книгу, читатель убедится, что первые главы «Стальной Бури» не столько продолжают заключительные главы «Битвы королей», сколько накладываются на них. Я начинаю книгу рассказом о том, что происходило на Кулаке Первых Людей, в Риверране, Харренхолле и на Трезубце во время битвы на Черноводной и сразу же после нее.

Джордж Мартин

День был серый, стоял жестокий холод, и собаки не хотели брать след.

Большая черная сука, понюхав отпечатки медвежьих лап, поджала хвост и отошла к сбившейся в кучу стае. Собаки жались друг к дружке на берегу реки под натиском свирепого ветра. Этот ветер пробирал и Четта сквозь все слои черной шерсти и вареной кожи. Слишком холодно и для человека, и для зверя, но они тут, и деваться некуда. Четт скривил рот, прямо-таки чувствуя, как наливаются кровью прыщи на лице и шее. Сидел бы он сейчас за Стеной, обихаживал воронов да разводил огонь для старого мастера Эймона. Это ублюдок Джон Сноу лишил его этой завидной доли — Сноу и его жирный дружок Сэм Тарли. Это из-за них он морозит себе яйца вместе со сворой псов в самой чаще заколдованного леса.

— Семь преисподних! — Он рванул поводки, призывая собак к порядку. — А ну искать, ублюдки. Это медведь — мяса-то пожрать небось охота? Искать! — Но гончие только еще плотнее сбились в кучу, поскуливая. Четт щелкнул над ними плеткой, и черная сука огрызнулась на него. — Собачатина в котле будет не хуже медвежатины, — заверил ее Четт, выдыхая пар при каждом слове.

Ларк Сестринец стоял, обхватив себя руками и засунув ладони под мышки. Он всегда жаловался, что у него пальцы стынют, несмотря на черные шерстяные перчатки.

— Больно уж холодно для охоты, — сказал он. — Пропади он, этот медведь, — не хватало еще обморозиться из-за него.

— Негоже возвращаться с пустыми руками, Парк, — пробубнил Малыш Паул сквозь свои бурые кустистые баки. — Лорду-командующему это не понравится. — Под широким носом Малыша застыли сопли, ручища в меховой рукавице сжимала копьё.

— Пусть Старый Медведь провалится заодно с этим, — отрезал Сестринец, тощий, с острыми чертами лица и беспокойными глазами. — Мормонт помрет еще до рассвета, забыл? Так не все ли равно, что он скажет?

Малыш заморгал своими черными глазками. Может, он и впрямь забыл — удивляться нечему при его-то уме.

— Зачем нам убивать Старого Медведя? Почему бы просто не уйти и не оставить его в покое?

— Думаешь, он даст нам уйти? — сказал Ларк. — Он нас мигом догонит. Хочешь, чтобы за тобой снарядили погоню, башка баранья?

— Ну нет, этого я не хочу.

— Так стало быть, убьешь его, да?

— Угу. — Громадный Малыш Паул стукнул древком копьё по замерзшей земле. — Ясное дело, убью. Погоня нам ни к чему.

Ларк вынул руки из-под мышек и сказал Четту:

— Говорю тебе, надо всех офицеров перебить.

Четту обрыдло это слышать.

— Мы уж об этом не раз толковали. Надо убрать Старого Медведя, Елейна из Сумеречной Башни, а в придачу Граббса и Эйетана, раз уж им выпало в карауле стоять. Прикончим еще Дайвина и Баннена, чтобы нас не выследили, и сира Хрюшку из-за воронов. И все! Укокошим их тихо, во сне — ведь стоит кому-то завопить, и мы все пойдем на корм червям. — Прыщи у Четта побагровели от злости. — Делай свое дело и проследи, чтобы

твои родители сделали свое. А ты, Паул, постарайся запомнить: не вторая стража, а третья.

— Третья, — согласно пробубнил тот сквозь бурую поросль и замерзшие сопли. — Мы с Мягколапым. Я помню, Четт.

Ночь будет безлунная, и они подгадали так, что на карауле будут стоять восемь их людей и еще двое у лошадиного загона, лучшего случая не дождешься, да и одичалые того и гляди нагрянут. Четт был заинтересован оказаться как можно дальше отсюда, когда это случится. Он не хотел умирать.

Триста братьев Ночного Дозора выступили на север — двести из Черного Замка и сто из Сумеречной Башни. Самый большой поход на памяти ныне живущих, вобравший в себя почти треть всех сил Дозора. Они намеревались отыскать Бена Старка, сира Уэймара Ройса и других пропавших разведчиков, а также выяснить, почему одичалые покидают свои деревни. В итоге Старка и Ройса они так и не нашли, зато узнали, куда подевались одичалые — те ушли к ледяным высотам забытых богами Клыков Мороза. Четта вполне устроило бы, если б они сидели там до конца времен — так ведь нет, они двинулись вниз и теперь идут вдоль Молочной.

Вот она, Молочная, прямо перед ним. Каменные берега покрыты льдом, бледные воды струятся от самых Клыков Мороза. Теперь оттуда потекли еще и одичалые с Мансом-Разбойником во главе. Три дня назад в лагерь, весь в мыле, вернулся Торен Смолвуд. Пока он рассказывал Старому Медведю, что они обнаружили, его разведчик, Медж Белоглазый, рассказал то же самое остальным.

— Они еще в предгорьях, но движутся вниз, — сказал он, грея руки над костром. — Впереди идет рябая сука Харма Собачья Голова. Гоуди подкрался к самому ее лагерю и видел ее у костра. Этот дурень Тумберджон хотел снять ее из лука, но у Смолвуда хватило ума ему запретить.

— Можешь ты сказать, сколько их там? — сплюнув, спросил его Четт.

— Тьма-тьмушая. Тысяч двадцать или тридцать — мы их по головам не считали. У Хармы в авангарде пятьсот, и все конные.

Люди у костра переглянулись. Даже дюжину конных одичалых редко встретишь, а уж чтобы пятьсот?

— Смолвуд послал нас с Банненом в обход авангарда взглянуть на главное войско, — продолжал Медж. — Им конца нет. Ползут они медленно, как стынущая река, по четыре-пять миль в день, но не похоже, что они собираются вернуться в свои деревни. Больше половины у них — женщины с ребятами, и скотину с собой гонят, коз и овец. Даже зубры есть — эти тащат сани, а в санях-то шкуры, мясные туши, клетки с курами, бочонки с маслом, прялки, чего только нет. Мулы и лошади до того навьючены — как у них только хребты не ломаются, и бабы тоже.

— И они идут вдоль по Молочной? — спросил Ларк Сестринец.

— А я тебе о чем толкую?

Дорога вдоль Молочной приведет их к Кулаку Первых Людей, древнему укреплению, где стали лагерем братья Ночного Дозора. Всякий, у кого есть хоть капля рассудка, понял бы, что пора сворачиваться и мотать обратно к Стене. Старый Медведь укрепил Кулак кольями, нарыл вокруг ям и накидал шипов, но против такого войска это все бесполезно. Если они останутся здесь, одичалые их раздавят.

А Торен Смолвуд еще и атаковать надумал. Милашка Доннел Хилл, оруженосец сира Малладора Локе, сообщил, что позавчерашней ночью Смолвуд явился к Локе в палатку. Сир

Малладор держался того же мнения, что и старый сир Оттин Уитерс, и стоял за возвращение к Стене, но Смолвуд попытался его переубедить. «Этот самый Король за Стеной не ждет, что встретит нас так далеко на севере, — сказал он, по словам Милашки Доннела. — Все его хваленое войско — просто беспорядочная орда, где полно лишних ртов, не знающих, каким концом меч держать. Один-единственный удар вышибет из них всю охоту драться, и они уползут обратно в свои хибары еще на пятьдесят лет».

Триста человек против тридцати тысяч! На взгляд Четта это было чистой воды безумием, однако сир Малладор дал себя уговорить, и они вдвоем со Смолвудом собрались уговаривать Старого Медведя. «Если мы будем медлить, то упустим свой случай навсегда», — твердил Смолвуд всем, кто соглашался его слушать. «Мы щит, оберегающий царство человека, — сказал ему сир Оттин Уитерс, — а щит без веской причины не бросают». На это Смолвуд ответил: «В бою самая надежная защита — это поскорее прикончить врага, а не прятаться за щитом».

Но командовали здесь не Смолвуд и не Уитерс, а лорд Мормонт, который ждал других разведчиков: Джармена Баквела с Лестницы Гигантов и Куорена Полурукого и с ним Джона Сноу, пошедших через Воющий перевал. Баквел и Полурукий запаздывали — скорее всего они уже мертвы. Четт воображал себе Сноу, синего и застывшего, на какой-нибудь голой вершине, с копьем одичалого в бастардовой заднице. Эта картина вызывала у него улыбку. Хорошо бы и проклятого волка заодно убили.

— Нет тут медведя, — решил он внезапно. — След старый. Возвращаемся на Кулак. — Собаки чуть с ног его не сбили — им хотелось домой в лагерь не меньше, чем ему. Может, они думали, что их там накормят. Смех да и только. Четт их уже три дня не кормил, чтобы оголодали как следует. Ночью, прежде чем уйти, он напустит их на лошадей, которых, в свою очередь, отвяжут Милашка Доннел и Колченогий Карл. Озверевшие псы и перепуганные лошади начнут метаться по всему лагерю, прыгать через костры и загородки, топтать палатки. Четырнадцать пропавших братьев хватятся разве что через несколько часов.

Ларк хотел, чтобы их было вдвое больше. Чего еще ждать от глупого Сестринцарыбоеда? Шепнешь словечко не в то ухо, и тебя мигом укоротят на голову. Четырнадцать — хорошее число, достаточно, чтобы сделать необходимое, и в то же время не так много, чтобы разболтать секрет. Почти всех их Четт отбирал сам. Малыша Паула тоже — он самый сильный парень на Стене, хотя и поворачивается с быстротой дохлой улитки. Однажды он сломал одичалому хребет, просто обняв его. Еще у них есть Нож, прозванный так в честь своего любимого оружия, и маленький серый человечек по кличке Мягколапый — в молодости он изнасиловал сотню женщин и хвастался, что ни одна его не видала и не слыхала, пока он не оказывался на ней.

Придумал все Четт как самый умный — не зря же он добрых четыре года прослужил стюардом у старого мастера Эймона, пока бастард Джон Сноу не лишил его работы в пользу своего жирного дружка. Нынче ночью он непременно шепнет Сэму Тарли: передавай, мол, привет лорду Сноу, — а уж потом полоснет сира Хрюшу по горлу, чтобы добраться до крови через все слои сала. С воронами Четт обращаться умеет, и хлопот с ними будет не больше, чем с Тарли. Этого труса только ножом кольнуть — он сразу намочит штаны и будет молить, чтобы ему сохранили жизнь. Пусть себе молит, это ему не поможет.

Перерезав ему глотку, Четт откроет клетки и распугает птиц, чтобы ни одна весть не дошла до Стены. Тем временем Малыш Паул и Мягколапый убьют Старого Медведя, Нож разделается с Елейном, Ларк и его двоюродные братья утихомирят следопытов Баннена и

Дайвина, чтобы затруднить погоню. Еды у беглецов запасено на неделю, лошадей Милашка Доннел и Колченогий Карл будут держать наготове. После смерти Мормонта командование перейдет к сиру Оттину Уитерсу, старому, хворому и боязливому. Этот побежит обратно к Стене еще до рассвета и не станет посылать лишних людей вдогонку за беглыми.

Собаки тянули поводки что есть мочи. Впереди над верхушками леса торчал Кулак. День выдался такой ненастный, что Старый Медведь велел зажечь факелы, и они пылали вдоль всей круговой стены, венчающей вершину каменного холма. Охотники перешли через ручей, где плавало ледяное сало.

— Мы с братьями пойдем к побережью, — сообщил Ларк Сестринец. — Построим лодку и поплывем домой к Трем Сестрам.

Где все будут знать, что вы дезертиры, и отрубят вам ваши дурные головы, добавил про себя Четт. Из Ночного Дозора, если ты уже принес присягу, обратной дороги нет. Дезертиров во всех Семи Королевствах хватают и предают казни.

Олло Культяпый собирается плыть в Тирош, где, по его словам, человеку не отрубают руки за честный воровской промысел и не посылают морозить сопли, если застукают в постели с женой рыцаря. Четт подумывал о том, чтобы отправиться с ним — вот только поихнему он лопотать не умеет. И что ему делать в Тироше? Никаким ремеслом Четт не владеет. Вырос он на Ведьмином болоте, где отец всю свою жизнь обрабатывал чужие поля и ловил пиявок. Отец раздевался догола, оставляя только плотный кожаный лоскут между ног, и залезал по шею в мутную воду, а выходил весь обвешанный пиявками. Четт иногда помогал обирать их. Одна как-то присосалась к ладони, и Четт с отвращением ее раздавил. Отец за это избил его в кровь. За дюжину пиявок мастера давали грош.

Пусть себе Четт отправляется домой и проклятый тирошиец тоже — Четт сделает по-другому. Он вовсе не рвется увидеть снова Ведьмино болото, а вот Замок Крастера пришелся ему по душе. Крастер живет там как лорд — почему бы и Четту не поступить так же? Вот смеху-то будет: Четт, сын пиявочника, — лорд и владелец замка! Со своим знаменем: дюжина пиявок на розовом поле. И почему, собственно, только лорд? Может, он еще и королем будет. Манс-Разбойник тоже начинал в воронах — Четт мог бы стать королем, как и он, и завести себе целую кучу жен. У Крастера их девятнадцать, не считая младших дочек, которых он еще не брал к себе в постель. Половина из них такие же старые и уродливые, как сам Крастер, но это ничего. Старухи у Четта будут работать — стряпать, убирать, дергать морковку и ходить за свиньями, а молодые будут спать с Четтом и рожать ему детей. Крастер не станет возражать после того, как Малыш Паул его обнимет.

Единственные женщины, с которыми Четт имел дело, были шлюхи из Кротового Городка. В молодости деревенские девчонки, поглядев на его прыщ и жировые шишки, сразу нос воротили, а пуще всех эта потаскушка Бесса. Она ложилась со всеми парнями на Ведьмином болоте — что бы ей стоило и Четту тоже дать? Он все утро ухлопал, чтобы нарвать ей цветов — он слышал, что она их любит, — а она только посмеялась над ним и сказала, что скорее ляжет в постель с пиявками его папаши, чем с ним. Когда он пырнул ее ножом, она перестала смеяться. Надо было видеть ее лицо, когда он вытащил нож и воткнул в нее снова. Его поймали у Семи Ручьев, и старый лорд Уолдер Фрей даже суд назначить не потрудились. Послал одного из своих бастардов, Уолдера Риверса, и тот мигом наладил Четта на Стену под охраной черного вонючего дьявола Йорена. За один сладкий миг у него отняли целую жизнь.

Теперь он отберет ее обратно, и женщин у Крастера тоже заберет. Этот старый одичалый

скот все делает правильно. Если хочешь женщину в жены, бери ее, и никаких там цветочков, чтобы прикрыть ими свою прыщавую рожу. Больше Четт этой ошибки не повторит.

Все получится, в сотый раз говорил он себе. Главное — уйти отсюда. Сир Оттин двинется на юг к Сумеречной Башне — это самый короткий путь к Стене. Ему до беглецов никакого дела не будет: самому бы живым уйти. Торен Смолвуд, конечно, будет приставать к нему со своей атакой, но сир Оттин для этого слишком осторожен, и он старше. А впрочем, какое Четту дело? Когда он со своими уберется прочь, пусть себе атакуют сколько влезет. Если никто из них не вернется на Стену, беглецов вообще искать не будут — подумают, что они погибли вместе со всеми. Эта новая мысль какое-то время занимала Четта. Но для того, чтобы командиром стал Смолвуд, пришлось бы убить еще сира Оттина и сира Малладора Локе, а их и днем, и ночью хорошо охраняют... нет, риск слишком велик.

— Четт, — сказал Малыш Паул, шагая рядом по каменистой тропе среди страж-деревьев и сосен, — а птица как же?

— Какая еще птица? — Недоставало ему только разговоров с этим тупицей.

— Ворон Старого Медведя. Кто птицу-то кормить будет, если мы его убьем?

— Да кому она нужна? Прибей и ворона, если охота.

— Нет, совсем неохота. Но ведь он говорящий — возьмет да и расскажет про нас.

— У Малыша башка, как крепостная стена, — засмеялся Ларк.

— А ты не насмехайся, — угрожающе произнес тот.

— Паул, — вмешался Четт, пока великан не слишком распалился, — когда старика найдут в луже крови с перерезанной глоткой, птица уже не понадобится — все и так поймут, что его убили.

— И то верно, — пораздумав, согласился Паул. — Можно я тогда возьму птицу себе? Она мне нравится.

— Бери, — разрешил Четт, чтобы заткнуть его.

— Мы всегда сможем съесть его, если проголодаемся, — вставил Ларк.

— Попробуй только тронь моего ворона, Ларк, — снова набылчился Паул. Из-за деревьев уже доносились голоса.

— Заткнитесь, вы оба. Мы почти на месте.

Они вышли из леса у западного склона и двинулись в обход к южному, более пологому. На опушке около дюжины человек упражнялись в стрельбе из лука, пуская стрелы в нарисованные на деревьях мишени.

— Глядите, — сказал Парк. — Свинья с луком.

И впрямь, среди лучников был сам сир Хрюшка, отнявший у Четта место при мейстере Эйемоне. При одном взгляде на Сэма Тарли Четта обуяла злость. Служба у мейстера Эйемона была лучшим, что он изведal в жизни. Слепой старец не отличался требовательностью, и для услуг ему хватало одного Клидаса. Четт только прибирался у воронов, разводил огонь и подавал еду... и мейстер ни разу его не ударил. Этот жирный боров думает, что Четта можно вот так запросто отпихнуть в сторону, потому как он, Хрюшка, из благородных и к тому же грамотный. Ничего, Четт ему и без грамоты глотку располосует.

— Вы ступайте, — сказал Четт своим, — а я погляжу. — Собаки тянули его за собой, воображая, что наверху их накормят. Четт пнул черную суку и немного отвел душу.

Толстяк возился с длинным луком ростом с него самого, сморщив от усердия свою круглую красную рожу. В земле перед ним торчали три стрелы. Тарли взял одну, натянул

тетиву, долго целился и наконец выстрелил. Стрела ушла в лес, и Четт злорадно заржал.

— Теперь ее уж не найти, а ругать меня будут, — пожаловался Эдд Толлетт, унылый оруженосец, известный всем как Скорбный Эдд. — Как что пропадет, все сразу на меня смотрят, с тех самых пор, как я коня потерял. Только я не виноват. Конь был белый, а в ту пору снег шел — чего же и ждать было.

— Ее ветром унесло, — сказал Гренн, еще один дружок лорда Сноу. — Держи лук ровно, Сэм.

— Он тяжелый, — сказал толстяк, однако взял вторую стрелу. Эта исчезла в ветвях футов на десять выше мишени.

— Мне сдается, ты сбил листок с этого дерева, — сказал Скорбный Эдд. — Осенью они и так падают почем зря — незачем им помогать. — Он вздохнул. — Все мы знаем, что бывает вслед за осенью. Боги, ну и замерз же я. Пускай последнюю стрелу, Сэмвел, а то у меня уже язык к небу примерзает.

Сир Хрюшка опустил лук, и Четту показалось, что он сейчас заревет.

— Он слишком тяжелый.

— Давай целься, — сказал Гренн.

Толстяк послушно выдернул из земли третью стрелу, пристроил ее на лук и выстрелил. Сделал он это быстро, не щуря глаз, как делал первые два раза. Стрела попала намалеванной углем фигуре в грудь.

— Попал, — изумленно молвил сир Хрюшка, глядя, как она дрожит в стволе. — Видел, Гренн? Эдд, смотри, я попал!

— Прямо промеж ребер, — подтвердил Гренн.

— Я его убил? — допытывался толстяк.

— Ты угодил бы в легкое, будь у него легкие, — пожал плечами Эдд, — но у деревьев их, как правило, нет. — Он взял у Сэма лук. — Скажу, однако, что я видал выстрелы и похуже. Мне самому такое не всегда удается.

Сир Хрюшка прямо сиял — можно было подумать, что он и впрямь невесть что сотворил. Но при виде Четта с собаками его улыбка увяла на корню.

— Ты попал в дерево, — сказал Четт. — Поглядим, что будет, как дело дойдет до ребят Манса-Разбойника. Они-то не стоят на месте и не шуршат листочками. Они прут прямо на тебя и так вопят, что ты сразу штаны намочишь. Кто-нибудь засадит топор прямо между твоих поросячьих глазок, и последним, что ты услышишь, будет «ух», когда он раскроит твою башку.

Толстяк весь затрясся, и Скорбный Эдд положил руку ему на плечо.

— Брат, — проникновенно сказал он Четту, — если это приключилось с тобой, то почему и с Сэмвелом непременно должно приключиться?

— О чем ты толкуешь, Толлетт?

— Да о топоре, который раскроил тебе башку. Правда ли, что половина твоих мозгов тогда вытекла и собаки их слопали?

Здоровенный дубина Гренн заржал, и даже Тарли выдавил из себя улыбочку.

Четт пнул ближайшего пса, сгреб покрепче поводки и стал взбираться на холм. Улыбайся себе на здоровье, сир Хрюшка. Поглядим, кто из нас посмеется нынче ночью. Жаль, что у него не будет времени убить заодно и Толлетта. Дурак, нытик, морда лошадиная.

Подъем был крут даже с этой, самой отлогой, стороны Кулака. Поначалу собаки гавкали и тащили его вверх, надеясь на кормежку. Он дал им отведать своего сапога и вытянул

плеткой большого зверюгу, который на него рывкнул. Добравшись до лагеря, он привязал их и пошел докладываться.

— След там точно есть, Великан верно сказал, только собаки его не взяли, — сообщил он Мормонту перед его большим черным шатром. — Старый, поди, да притом у реки, вот запах и выветрился.

— Жаль, — проронил лорд-командующий, лысый, с косматой седой бородой. Голос у него был таким же усталым, как и взгляд. — Свежее мясо нам всем пошло бы на пользу. — Ворон у него на плече закивал и повторил:

— Мясо. Мясо. Мясо.

Можно собак съесть, подумал Четт, но промолчал и добавил про себя, когда Старый Медведь его отпустил: этому я уж больше кланяться не буду. Ему показалось, что стало еще холоднее, хотя он мог бы поклясться, что это невозможно. Собаки на привязи скулили, сбившись в кучу, и Четту тоже захотелось к ним — погреться. Вместо этого он обмотал нижнюю часть лица черным шарфом, оставив только щель для рта. На ходу ему было теплее, и он обошел вокруг лагеря, заложив за щеку кислolist. Часовым он тоже дал пожевать и потолковал с ними. Среди дневных караульчиков его людей не было, однако невредно было узнать, что у кого на уме.

На уме у всех большей частью был проклятый холод.

К вечеру ветер усилился и стал выть в трещинах кольцевой стены.

— Не выношу этого звука, — сказал маленький разведчик по прозвищу Великан. — Точно ребенок плачет, молока просит.

Закончив свой обход и вернувшись к собакам, Четт увидел поджидающего его Ларка.

— Офицеры опять собрались у Старого Медведя и спорят о чем-то с пеной у рта, — сказал тот.

— А чего им еще-то делать? Они все из благородных, кроме Блейна, и слова у них вместо выпивки.

Ларк подошел поближе.

— Баранья башка все толкует про птицу, — сказал он, убедившись, что поблизости никого нет. — Теперь он допытывается, запасли мы зерна для этой поганой твари или нет.

— Да ведь это ворон — он мертвечину клюет.

— Может, и его склюет? — ухмыльнулся Ларк.

Или тебя. По мнению Четта, в силаче Пауле они нуждались больше, чем в Ларке.

— Ты за Малыша не беспокойся. Делай свое дело, а он сделает свое.

Сумерки уже заволокли лес, когда Четт, избавившись наконец от Сестринца, сел точить меч. В перчатках заниматься этим было трудновато, но снимать их Четт не желал. На таком холоде надо быть дураком, чтобы хвататься за сталь голыми руками — мигом кожу сорвешь.

На закате собаки стали скулить как одержимые. Он дал им воды и обругал их.

— Вот уж ночью сами пойдете искать себе жратву. — В воздухе уже пахло ужином.

Дайвин держал речь у костра, пока Четт получал у повара Хаке свою краюху хлеба и похлебку из бобов с салом.

— Больно уж тихо в лесу, — говорил старый следопыт. — Ни тебе лягушек, ни сов по ночам. Мертвый лес.

— Как твои зубы, — ввернул Хаке. Дайвин клацнул деревянными зубами.

— И волков не слышать. Раньше были, а теперь пропали. Куда они, по-вашему, подевались?

— Ушли туда, где потеплее, — сказал Четт.

Из дюжины братьев, сидящих у огня, четверо были его люди. Он оглядел их всех исподтишка, пока ел, проверяя, не дрогнул ли кто. Нож, вроде бы спокойный, точил кинжал, как делал каждый вечер, а Милашка Доннел трещал и отпускал шуточки. Белозубый, с пухлыми красными губами и спутанными желтыми локонами, небрежно спадающими на плечи, Доннел хвастался тем, что он бастард кого-то из Ланнистеров. Может, так оно и было. Четт недолго любил смазливых парней, а заодно и бастардов, но на попятный Милашка Доннел идти как будто не собирался.

В лесовике, которого прозвали Пилой за громкий храп, Четт был не столь уверен. Тот ерзал так, будто боялся, что больше уж ему храпеть не придется, а с Меслином дело обстояло и того хуже. По лицу у него струился пот, несмотря на ледяной ветер, и крупные капли сверкали при свете костра. Меслин ничего не ел и таращился в свою плоску так, словно его мутило от одного запаха. Четт решил, что за ним надо последить.

— Все сюда! — заорали вдруг по всему лагерю. — Люди Ночного Дозора! Собирайтесь все сюда, к среднему костру!

Четт, нахмурившись, доел свою похлебку и пошел вслед за остальными.

Старый Медведь стоял у костра вместе со Смолвудом, Локе, Уитерсом и Елейном. На Мормонте был плащ из толстого черного меха. Ворон сидел у него на плече и охорашивался. Добра не жди, подумал Четт, втиснувшись между Бурым Бернарром и дозорным из Сумеречной Башни. Когда собрались все, кроме лесных караульчиков и часовых у стены, Мормонт прочистил горло, сплюнул, и плевок застыл, еще не долетев до земли.

— Братья, — начал он, — люди Ночного Дозора!

— Братья! — подхватил ворон. — Братья! Братья!

— Одичалые выступили в поход. Они спустились с гор и идут вниз вдоль Молочной. Торен полагает, что их авангард дойдет до нас дней через десять. Там вместе с Хармой Собачьей Головой идут самые опытные их бойцы. Такие же люди должны сопровождать самого Манса-Разбойника, но в основном войске их не так много. У одичалых имеются волы, мулы и лошади, но тоже в достаточно малом количестве. Большей частью это войско пешее, плохо вооруженное и необученное. Да и то оружие, что у них есть, почти все сделано из камня и кости, а не из стали. Они обременены женщинами, детьми, скотом и тащат с собой все свои пожитки. Короче говоря, они хоть и многочисленны, но уязвимы... а главное, они не знают, что мы здесь. По крайней мере мы за это молимся.

Еще как знают, старый ты хрен, подумал Четт. Это ясно, как день. Куорен Полурукий не вернулся, так ведь? И Джармен Баквел тоже. И если одичалые взяли кого-то живым, то уж точно развязали ему язык.

Смолвуд вышел вперед.

— Манс-Разбойник собирается проломить Стену и дать бой Семи Королевствам. Но у этой игры две стороны, и завтра мы дадим бой ему самому.

Среди собравшихся прошел ропот, и Старый Медведь сказал:

— На рассвете мы выступим все сообща. Мы двинемся на север и отклонимся на запад. Когда мы повернем, авангард Хармы уже пройдет мимо Кулака. В предгорьях Клык Мороза полно узких извилистых долин, просто созданных для засад. Одичалые растянулись на много миль — мы нападём на них в нескольких местах сразу, и они будут клясться, что нас три тысячи, а не триста. Мы нанесем свой удар и уйдем, прежде чем их конница соберется нам ответить.

— Если они пустятся за нами в погоню, — сказал Торен Смолвуд, — мы проведем их по кругу и ударим по колонне в другом месте. Будем жечь их повозки, разгонять их скот и убивать, сколько сможем. Манса тоже убьем, если попадется. В случае, если они разбегутся и вернуться в свои деревни, победа будет за нами. Если нет, мы будем преследовать их до самой Стены, оставляя за ними след из мертвых тел.

— Их там тысячи, — подал голос кто-то позади Четта.

— Мы все умрем, — поддержал зеленый от страха Меслин.

— Умрем! — завопил ворон Мормонта, хлопая крыльями. — Умрем, умрем!

— Да, умрут многие, — сказал Старый Медведь, — а возможно, и все до единого. Но, как сказал другой лорд-командующий тысячу лет назад, потому мы и носим черное. Вспомните вашу клятву, братья. Мы — мечи во тьме, дозорные на стене...

— Огонь, который разгоняет холод. — Сир Малладор Локе обнажил свой длинный меч.

— Свет, который приносит зарю, — подхватили другие, и множество мечей вышло из ножен.

Почти триста клинков поднялось в воздух, и столько же голосов загремело:

— Рог, пробуждающий спящих, щит, защищающий царство человека.

Четту ничего не оставалось, кроме как присоединить свой голос к общему хору. От их дыхания в воздухе стоял туман, и сталь отражала пламя костров. Ларк, Колченогий и Милашка Доннел, к его удовольствию, произносили слова вместе со всеми. Это хорошо. Незачем привлекать к себе внимание, когда их час так близок.

Голоса смолкли, и вновь стал слышен ветер, воющий в трещинах стены. Огни костров дрожали и ежились, словно от холода. Ворон в наступившей тишине громко каркнул и еще раз сказал:

— Умрем.

Умная птица, подумал Четт. Офицеры отпустили их, наказав как следует поесть и хорошо выспаться ночью. Четт залез в свои шкуры рядом с собаками, думая о разных вещах, на которых они могли погореть. Вдруг из-за этой проклятой присяги кто-нибудь возьмет да передумает? Вдруг Малыш Паул опять все забудет и попытается убить Старого Медведя во вторую стражу вместо третьей? Вдруг Меслин сдрейфит, или кто-нибудь донесет, или...

Четт поймал себя на том, что прислушивается. Ветер и впрямь походил на плач ребенка. Кроме него, порой слышались голоса, лошадиное ржание, треск поленьев в костре. Больше ничего. Тихо.

Перед ним стояло лицо Бессы. Не нож хотел я достать тогда, мысленно говорил он ей. Я нарвал тебе цветов, диких роз, ромашек и колокольчиков — все утро их собирал. Сердце у него стучало как барабан — того и гляди разбудит весь лагерь. Борода вокруг рта обросла сосульками. Откуда у него такие мысли насчет Бессы? Прежде она всегда представлялась ему только умирающей. Что это с ним? Дышать трудно. Задремал он, что ли? Он встал на колени, и что-то мокрое задело его нос.

Пал снег.

Слезы полились у Четта из глаз, замерзая на щеках. Это нечестно, хотелось крикнуть ему. Снег погубит весь его замысел. Вон как густо он валит — как они теперь найдут свои тайники с провизией и тропу, по которой собирались двигаться на восток? Не понадобится ни Дайвина, ни Баннена, чтобы выследить их по свежему снегу. Снег все засыплет, и лошадь может сломать ногу, споткнувшись о корень или провалившись в яму. Пропали мы, понял Четт. Все кончилось, не успев и начаться. Не будет сын пиявочника жить как лорд, не будет у

него ни замка, ни жен, ни короны. Меч одичалого в брюхо да безымянная могила — вот и все, что его ждет. Снег все у него отнял... проклятый снег.

Все его беды от снега. От Сноу^[1] с его Хрюшкой.

Четт встал. Ноги у него застыли. Снег превращал далекие факелы в рыжие пятна. Точно рой бледных оводов жалил его щеки. Снег сыпался на плечи, на голову, залетал в нос и в глаза. Четт, выругавшись, стряхнул с лица хлопья. Ну, с сиром Хрюшкой по крайней мере он еще может разделаться. Четт снова обмотался шарфом, нахлобучил пониже капюшон и зашагал к месту, где ночевал Сэм Тарли.

Из-за снегопада он чуть не заблудился между палаток, но потом все-таки вышел к уютному закутку, который толстяк соорудил себе между скалой и вороньими клетками. Тарли, закопавшийся в кучу одеял и шкур, смахивал на сугроб. Сталь прошелестела по кожаным ножнам тихо, как надежда, — это Четт вынул кинжал.

— Снег, — крикнул один из воронов, глядя сквозь прутья черными глазами.

— Сноу, — добавил другой. Черт тихо прокрался мимо них. Он зажмет левой рукой рот толстяку, а потом...

Yyyyyyyyyyyooooooooooooooooo.

Четт остановился на полушаге, подавив проклятие. Звук был слабый и далекий, но ошибки быть не могло: это трубил рог. Только не теперь. Проклятие богам, НЕ ТЕПЕРЬ! Старый Медведь разместил наблюдателей в лесу вокруг Кулака, чтобы они оповещали лагерь обо всех, кто приближается. Как видно, это Джармен Баквел вернулся с Лестницы Гигантов или Куорен Полурукий с Воющего перевала. Один сигнал рога означает, что братья возвращаются. Если это Полурукий, то, может, и Сноу тоже с ним, живой.

Заспанный Тарли сел и растерянно уставился на снежные хлопья. Вороны раскричались, собаки Четта подняли лай. Теперь уж половина лагеря проснулась, не иначе... Четт, сжимая пальцами в перчатке рукоять ножа, ждал, когда умолкнет рог. И он умолк, но тут же затрубил опять, громче и дольше прежнего.

Yyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyoooooooooooooooooooooooooooo.

— Боги, — сказал Тарли жалобно и привстал на колени, путаясь в плаще и одеялах. Откинув их в сторону, он нашарил висящую на камне кольчугу, напялил ее на себя и только тогда заметил Четта. — Два раза или один? — спросил он. — Мне спросонья показалось, что два...

— Точно, два, — сказал Четт. — К оружию, враг близко. Где-то там дожидается топор, на котором написано «Хрюшка». Два раза — это одичалые, парень. — При виде этой перепуганной круглой рожи Четту стало смешно. — Провались они все в седьмое пекло. Паскуда Харма. Паскуда Манс. Паскуда Смолвуд — он сказал, что они доберутся до нас не раньше...

Yyyyyyyyyyyyyyyyyyoooooooooooooooooooooooooooo.

Звук длился и длился — казалось, что ему не будет конца. Вороны хлопали крыльями, кричали, порхали по клеткам и бились о прутья, а братья Ночного Дозора поднимались, надевали доспехи, пристегивали мечи, вооружались топорами и луками. Сэмвел Тарли стоял, весь дрожа, белый, как вихрящийся вокруг снег.

— Три... сигналов было три, я слышал. Такого не случалось уже сотни и тысячи лет. Три сигнала — это...

— ...Иные. — У Четта вырвалось нечто среднее между смехом и рыданием. Его подштанники внезапно намокли, моча потекла по ноге, и от ширинки повалил пар.

Восточный ветер шевелил его спутанные волосы, легкий и душистый, как пальцы Серсеи. Пели птицы, и река несла подгоняемую веслами лодку навстречу бледно-розовой заре. Мир после долгого пребывания во мраке был так сладок, что у Джейме Ланнистера кружилась голова. Он был жив и пьян от света. Смех сорвался с его губ неожиданно, как вспорхнувшая из травы перепелка.

— Тише, — хмуро буркнула женщина. Хмурость шла ее широкому простому лицу больше, чем улыбка — впрочем, Джейме еще ни разу не видел, как она улыбается. Он развлекался, представляя ее себе в шелковом платье Серсеи вместо кожаного камзола с заклепками. С тем же успехом можно нарядить в шелка корову.

Однако грести эта корова умела. Под ее домоткаными бурыми бриджами скрывались дубовые икры, и мускулы на руках вздувались при каждом ударе весел. Она гребла уже половину ночи, но не выказывала усталости, чего нельзя было сказать о кузене Джейме сире Клеосе, сидевшем на другой паре весел. По виду она крестьянка, здоровенная и сильная, но говорит как благородная дама, а на поясе у нее длинный меч и кинжал. Вот только умеет ли она ими пользоваться? Джейме намеревался выяснить это, как только избавится от оков.

Его руки и лодыжки отягощали железные кандалы, соединенные цепью не более фута длиной. «Можно подумать, что слова Ланнистера вам недостаточно», — сострил он, когда его заковывали. Он был тогда пьян до изумления стараниями Кейтилин Старк и свой побег из Риверрана помнил только урывками. Были какие-то затруднения с тюремщиком, но женщина с мечом его уgomонила. После этого они долго поднимались витками по бесконечной лестнице, ноги у него были как соломенные, и пару раз он споткнулся — пришлось женщине подать ему руку. Некоторое время спустя его завернули в дорожный плащ и пихнули на дно ялика. Он помнил, как леди Кейтилин велела кому-то поднять решетку Водяных ворот. Тонем, не допускающим возражений, она заявила, что отправляет сира Клеоса Фрея обратно в Королевскую Гавань, чтобы предложить королеве новые условия мира.

Потом он, должно быть, задремал — вино нагоняло на него сон, и вытянуться во весь рост было приятно — в темнице он, закованный в цепи, такой роскоши не знал. Джейме давно научился дремать в седле во время похода, и спать в лодке было ничуть не труднее. Тирион будет смеяться до колик, узнав, как он проспал собственный побег. Но теперь Джейме проснулся, и оковы его раздражали.

— Миледи, — сказал он, — если вы освободите меня от цепей, я сменю вас на веслах.

Она снова нахмурилась с нескрываемым подозрением, выставив свои лошадиные зубы.

— Ты останешься в оковах, Цареубийца.

— Хочешь махать веслами до самой Королевской Гавани, женщина?

— Я тебе не женщина. Меня зовут Бриенна.

— Тогда и меня зови сиром Джейме, а не Цареубийцей.

— Ты будешь отрицать, что убил короля?

— Нет, не буду. А ты хочешь отречься от своего пола? Тогда развяжи свои бриджи и покажи, что там у тебя. Я попросил бы тебя расшнуровать корсаж, — с невинной улыбкой добавил Джейме, — но таким путем, похоже, мы ничего не докажем.

— Кузен, не будем забывать об учтивости, — суетливо вмешался сир Клеос.

В этом кровь Ланнистеров жидковата. Клеос — сын его тетки Дженны и тупицы Эммона Фрея, который жил в страхе перед лордом Тайвином Ланнистером с того самого дня, как женился на его сестре. Когда лорд Уолдер Фрей в этой войне принял сторону Риверрана, сир Эммон сохранил верность супруге, а не отцу. По мнению Джейме, Бобровый Утес мало что на этом выиграл. Сир Клеос похож на ласку, дерется, как гусь, а мужества в нем, как в овце. Леди Старк обещала освободить его, если он доставит Тириону ее послание, и он торжественно поклялся исполнить поручение.

Они все клялись почему зря там, в подземелье, а Джейме больше всех. Лишь такой ценой леди Кейтилин согласилась дать ему свободу. Она приставила острие меча большой женщины к его сердцу и сказала:

— Клянись никогда больше не поднимать оружия против Старков и Талли. Клянись, что заставите вашего брата сдержать свое слово и вернуть мне дочерей целыми и невредимыми. Клянись в этом честью рыцаря, честью Ланнистера, честью королевского гвардейца. Клянись жизнью своей сестры, отца и сына, старыми богами и новыми. Тогда я отправлю вас обратно к вашей сестре, в случае же отказа пролью вашу кровь. — Меч кольнул Джейме, пройдя сквозь его лохмотья.

Что бы сказал верховный септон относительно святости клятвы, которую человек дал пьяный, прикованный к стене и с мечом у груди? Впрочем, Джейме мало заботился как об этом жирном мошеннике, так и о богах, которым тот будто бы служил. Он помнил, как леди Кейтилин пнула вонючую кадку в его темнице. Странно же она поступает, доверяя судьбу своих девочек человеку, чью честь ценит не выше дерьма. Хотя о доверии тут говорить не приходится — свои надежды она возлагает на Тириона, а не на Джейме.

— Возможно, она не так уж и глупа, — сказал он вслух.

— Не глупа и не глуха, — откликнулась его конвоирша, приняв это на свой счет. Джейме не воспользовался случаем — насмеяться над этим созданием было так легко, что всякое удовольствие пропадало.

— Это я не вам. Я говорил с самим с собой — приобрел эту привычку в темнице.

Она бросила на него хмурый взгляд, усердно работая веслами. Столь же быстра на язык, как и хороша собой.

— Судя по вашей речи, вы благородная дама.

— Мой отец — Сельвин Тарт, милостью богов лорд Вечерней Звезды. — Даже это у нее прозвучало угрюмо.

— Тарт? Как же, помню. Есть такая скала в Узком море. А Вечерняя Звезда мигнула Штормовому Пределу — отчего же вы служите Роббу из Винтерфелла?

— Я служу леди Кейтилин, а не ему. Она приказала мне доставить тебя к твоему брату Тириону в Королевскую Гавань, а не ласы с тобой точить, так что помолчи.

— Я уже намолчался, женщина.

— Ну так говори с сиром Клеосом. Мне с демонами говорить не о чем.

— Тут водятся демоны? — вскричал Джейме. — Где же они — под водой? Или прячутся в ивах? А у меня даже меча нет!

— Человек, который спит со своей сестрой, убивает своего короля и бросает невинное дитя с башни, другого имени не заслуживает.

Далось им это невинное дитя! Мерзкий мальчишка за нами шпионил. Джейме хотелось одного: побыть часок наедине с Серсеей. Путешествие на север было для него сплошной пыткой: он видел ее, но не мог к ней притронуться и знал, что Роберт, напившись, каждую

ночь забирается к ней в постель в ее скрипучей кибитке. Тирион развлекал брата как мог, но мало преуспел в этом.

— Выбирай слова, когда говоришь о Серсее, женщина, — предупредил Джейме.

— Меня зовут Бриенна.

— Не все ли тебе равно, как демон тебя называет?

— Меня зовут Бриенна, — упрямо, как ослица, повторила она.

— Леди Бриенна? — Она так смутилась, что Джейме сразу угадал ее слабую струнку. —

Или «сир Бриенн» вам больше по вкусу? Увы. Можно нарядить корову в подбладник и наголовник и покрыть ее шелковой попоной, но боевым скакуном она от этого не станет.

— Пожалуйста, кузен, воздержись от грубостей. — Под плащом на сире Клеосе был камзол с двумя башнями Фреев и золотым львом Ланнистеров. — Перед нами долгий путь, и нам незачем ссориться.

— При ссорах я пускаю в дело меч, кузен. Сейчас я беседую с дамой, только и всего. Скажи, женщина, — у Тартов все женщины такие же уродины? Жаль мне в таком случае ваших мужчин. Может, они вообще не знают, что такое настоящая женщина, сидя на своей скале?

— Тарт — красивое место, — взъерепенилась Бриенна. — Его называют Сапфировым островом. Советую замолчать, демон, не то я заткну тебе рот.

— Вот видишь, кузен, — она тоже грубит. Впрочем, стержень в ней есть, отдаю ей должное. Немногие мужчины осмеливались обзывать меня демоном в лицо. — (Хотя за спиной у меня наверняка не стеснялись в выражениях.)

Сир Клеос сконфуженно кашлянул.

— Леди Бриенна, без сомнения, переняла это у Кейтилин Старк. Старки не надеются победить вас с помощью мечей и потому пускают в ход ядовитые слова.

Меня они победили, дуралей со срезанным подбородком, подумал Джейме с тонкой улыбкой. Из тонкой улыбки собеседник может извлечь все, что ему угодно. Любопытно знать, верит сам Клеос в это свое дерьмо или просто заискивает? Кто перед нами, честный болван или подлиза?

Сир Клеос между тем нес свое:

— Человек, способный поверить, что рыцарь Королевской Гвардии может обидеть ребенка, не знает, что такое честь.

Значит, подлиза. Джейме сам был не рад, что сбросил тогда с башни Брандона Старка. Мальчик в итоге остался жив, и Серсея не давала брату покоя.

— Ему всего семь лет, Джейме. Даже если он понял то, что видел, мы могли бы пригрозить ему и заставить молчать.

— Я не думал, что ты...

— Ты никогда не думаешь. Если мальчик очнется и расскажет отцу, что он видел...

— Если, если... — Он посадил ее к себе на колени. — Если он очнется, мы скажем, что он лжет, что ему это пригрезилось, а в самом худшем случае мне придется убить Неда Старка.

— А как, по-твоему, поступит Роберт?

— Пусть Роберт делает, что хочет. В крайнем случае я объявлю ему войну, которую певцы назовут Войной за лоно Серсеи.

— Пусти меня, Джейме! — вскричала она, вырываясь.

Вместо этого он ее поцеловал. Какой-то миг она еще противилась, но потом ее губы

раскрылись. Ему запомнился вкус вина и гвоздики на ее языке. По ее телу прошла дрожь. Он рванул ее шелковый корсаж, обнажив ее груди, и маленький Старк на время был забыт.

Неужели Серсея позднее вспомнила о нем и наняла человека, о котором говорила леди Кейтилин, чтобы мальчик уж никогда не очнулся? Если она хотела его смерти, надо было послать меня. Непохоже это на Серсею — полагаться на какого-то наемника, который, как и следовало ожидать, запорол все дело.

Ниже по течению восходящее солнце зажгло колеблемую ветром реку. Красный, глинистый южный берег был гладок, как наезженная дорога. С него в реку стекали большие и малые ручьи, и гниющие древесные стволы плавали у его кромки. На северном высились двадцатифутовые утесы, поросшие буком, дубняком и каштаном. Впереди показалась сторожевая башня, растущая с каждым ударом весел. Джейме задолго до того, как они поравнялись с ней, понял, что она заброшена — ее обветшалые стены обросли вьющимися розами.

Ветер переменялся, и сир Клеос помог женщине поставить парус — треугольный, в красную и голубую полоску. Цвета Талли — наживут они с ними хлопот, если встретят на реке какой-нибудь ланнистерский отряд, но другого паруса все равно нет. Бриенна села к рулю, Джейме, гремя цепями, переместился к подветренному борту, и они поплыли уже быстрее, подгоняемые ветром наряду с течением.

— Наш путь был бы намного короче, если бы ты отвезла меня к отцу, а не к брату, — заметил Джейме.

— Дочери леди Кейтилин находятся в Королевской Гавани. Я вернусь вместе с ними или не вернусь вовсе.

— Кузен, одолжи мне свой нож, — попросил Джейме.

— Ну уж нет, — насторожилась женщина. — Никакого оружия ты не получишь. (Она боится меня, даже скованного.)

— Тогда тебе, Клеос, придется самому меня побрить. Только голову — бороду оставь.

— Ты хочешь, чтобы я обрил тебя наголо?

— Все знают Джейме Ланнистера как безбородого рыцаря с длинными золотыми волосами. Лысый с грязной желтой бородой может проскользнуть незамеченным. Я предпочитаю быть неузнанным, пока нахожусь в железах.

Острота кинжала оставляла желать лучшего. Клеос отважно резал и пилил спутанные пряди, кидая волосы за борт. Золотые локоны плавали по реке, постепенно уходя за корму. По шее поползла вошь. Джейме поймал ее и раздавил на ногте большого пальца. Сир Клеос собрал и утопил еще нескольких, гулявших по оголившемуся черепу. Джейме смочил голову, Клеос окунул в воду нож и соскоблил остатки желтой щетины, а потом подровнял кузену бороду.

В воде отразился человек, незнакомый Джейме — не только лысый, но и состарившийся в тюрьме лет на пять, с похудевшим лицом, впалыми глазами и новоприобретенными морщинами.

К полудню сир Клеос заснул. Его храп напоминал брачную песню селезня. Джейме смотрел на проплывающий мимо мир — после тюрьмы каждая скала и каждое дерево казались ему чудом.

На берегу попадались хибарки на сваях, похожие на журавлей, но жителей не было видно. Птицы кричали на деревьях, кружили над рекой, и в воде порой мелькала серебристая рыба. Форель Талли. Джейме счел это дурным знаком, но потом увидел нечто худшее —

очередное плавающее бревно оказалось мертвецом, обескровленным и распухшим. Его плаш зацепился за корни упавшего дерева — багряный цвет Ланнистеров, его ни с чем нельзя спутать. Может, это труп человека, которого Джейме знал?

Водные зубцы Трезубца — самый легкий путь для перевозки товаров и людей через речные земли. В мирное время им то и дело встречались бы рыбацьи челноки, баржи с зерном, идущие на шестах по течению, плавающие лавки, продающие иголки и ткани — может, попался бы даже ярко расписанный скомороший баркас с клетчатыми парусами ста разных цветов, неспешно плывущий от деревни к деревне, от замка к замку.

Но война сделала свое дело. Во встречных деревнях не осталось больше поселян. О рыбаках напоминали только пустые изорванные сети, свисающие кое-где с прибрежных корней. Девушка, поившая в реке лошадь, ускакала прочь, увидев вдали их парус. Около дюжины крестьян, вскапывавших поле около сторевшей башни, проводили лодку тупыми взглядами и вернулись к работе, решив, что она не представляет для них угрозы.

Красный Зубец, широкий и медленный, петляющий среди множества лесистых островов, то и дело перегораживали песчаные мели, таящиеся под самой водой, но Бриенна своим наметанным глазом каждый раз выбирала обходной путь. Когда Джейме похвалил ее за отменное знание реки, она подозрительно глянула на него и сказала:

— Я эту реку не знаю. Я выросла на острове и научилась управляться с веслами и парусом еще до того, как впервые села на коня.

Сир Клеос сел и протер глаза.

— Боги, как руки болят. Хоть бы ветер продержался подольше. Чую дождь, — объявил он, понюхав воздух.

Хорошо бы. Подземелья Риверрана — не самое чистое место в Семи Королевствах, и Джейме чувствовал, что от него разит, как от залежалого сыра.

Клеос прищурился, глядя вниз по течению.

Тонкий серый палец манил их к себе, торча в нескольких милях впереди над южным берегом. Внизу Джейме различил обгорелый остов большого дома и живой дуб с развешанными на нем мертвыми женщинами.

Вороны едва начали клевать трупы. Тонкие веревки глубоко врезались в мягкие шеи, ветер раскачивал и крутил тела.

— Это не по-рыцарски, — сказала Бриенна, когда они подплыли поближе. — Ни один настоящий рыцарь не даст согласия на подобное зверство.

— Настоящие рыцари видят еще и не такое, когда выступают на войну, женщина. И делают еще и не то.

Бриенна повернула руль к берегу.

— Я не позволю, чтобы невинные жертвы стали пищей для ворон.

— Бессердечная. Воронам тоже кормиться надо. Оставайся на реке и оставь мертвых в покое.

Они причалили прямо под дубом. Бриенна спустила парус, и Джейме неуклюже вылез из лодки. Красный Зубец набрался ему в сапоги и промочил рваные бриджи. Смеясь, он опустился на колени, окунул голову в воду и потряс ею. Когда он отмыл свои покрытые грязью руки, они оказались тоньше и бледнее, чем ему помнилось. Ноги тоже исхудали и держали его не совсем твердо. Долго, дьявольски долго просидел он в темнице у Хостера Талли.

Бриенна и Клеос вытащили лодку на берег. Тела висели у них над головами, точно

зреющие в саду смерти зловещие плоды.

— Кому-то из нас придется их срезать, — сказала женщина.

— Я полезу. — Джейме вышел из воды, гремя цепями. — Только кандалы сними.

Женщина смотрела вверх, на одну из повешенных. Джейме подошел к ней мелкими шажками — шагать шире не позволяла цепь, соединявшая ножные кандалы с ручными. Он улыбнулся, разглядев на шее женщины, висевшей выше других, грубо намалеванную табличку. «Они спали со львами», — гласила надпись.

— О да, женщина, с ними поступили не по-рыцарски — только ваши, а не наши. Хотел бы я знать, кто эти красотки?

— Трактирные девки, — сказал Клеос Фрей. — Я вспомнил: тут раньше была таверна. Кое-кто из моих парней провел здесь ночь, когда мы возвращались в Риверран. — От здания не осталось ничего, кроме каменного фундамента и кучи обугленных стропил. Пепел еще дымился.

Шлюх Джейме оставлял на долю своего брата Тириона — единственной женщиной, которую когда-либо желал он сам, была Серсея.

— Как видно, эти девушки ублажали солдат моего лорда-отца. И заодно, наверно, подавали им еду и питье. Свои ошейники они заработали поцелуем и чашей эля. — Джейме бросил взгляд вверх и вниз по течению, желая удостовериться, что они одни. — Это земля Бракенов, вот лорд Джонос, видимо, и приказал их повесить. Отец сжег его замок, и он, боюсь, не слишком нас любит.

— Это мог быть и Марк Пайпер, — заметил Клеос. — Или этот молокосос Берик Дондаррион, хотя он, как я слышал, убивает только солдат. Или шайка северян Русе Болтона.

— Болтона отец разбил на Зеленом Зубце.

— Разбил, да не наголову. Он снова двинулся на юг, когда лорд Тайвин выступил к речным бродам. В Риверране говорят, что он отбил Харренхолл у сира Амори Лорха.

Джейме эта новость очень не понравилась.

— Бриенна, — сказал он, назвав ее по имени в надежде, что она его выслушает, — если лорд Болтон держит Харренхолл, то и Трезубец, и Королевский тракт скорее всего находятся под наблюдением.

Ему показалось, что он уловил неуверенность в ее больших голубых глазах.

— Вы под моей защитой. Им пришлось бы убить меня.

— Не думаю, что это вызовет у них затруднения.

— Боец из меня не хуже, чем из тебя, — заявила она. — Я была одним из семерых телохранителей короля Ренли. Своими руками он накинул на меня полосатый плащ своей Радужной Гвардии.

— Радужная Гвардия? Ты и еще шесть девиц, что ли? Один певец сказал, что в шелках все девы прекрасны, — но он, видимо, не встречался с тобой.

Женщина залилась краской.

— Надо вырыть могилы, — сказала она и полезла на дерево.

Нижние ветки дуба давали хорошую опору для ног. Бриенна расхаживала по ним среди листвы и резала своим кинжалом веревки. Над трупами вились мухи, и смрад становился сильнее с каждым упавшим телом.

— Слишком много чести для шлюх, — кисло произнес Клеос. — И чем мы будем копать? Лопат у нас нет, а свой меч я портить не стану...

Бриенна внезапно прыгнула вниз.

— К лодке, быстро. Парус на реке.

Они спешили, как могли, но Джейме передвигался с большим трудом, и в лодку его втащил Клеос. Бриенна оттолкнулась веслом и торопливо поставила парус.

— Сир Клеос, надо, чтобы и вы тоже гребли.

Он сел на весла, и лодка понеслась по воде еще быстрее, чем раньше. Джейме, глядя вверх по течению, видел только верхушку чужого паруса. Из-за извивов Красного Зубца казалось, будто он движется через поля на север, в то время как они плыли на юг, но Джейме понимал, что это просто обман зрения. Заслонив глаза руками, он пригляделся и объявил:

— Глинисто-красный и бледно-голубой.

Бриенна беззвучно шевельнула своим большим ртом, точно корова, жующая жвачку.

— Быстрее, сир.

Сгоревшая таверна исчезла позади и парус тоже, но это еще ничего не значило. Как только преследователи выйдут из-за поворота, они покажутся снова.

— Будем надеяться, что благородные Талли остановятся, чтобы похоронить шлюх. — Вернуться в темницу Джейме вовсе не улыбалось. Тирион придумал бы какую-нибудь хитрость, но ему в голову не приходило ничего иного, как встретить врага с мечом в руке.

Почти час они играли с погоней в прятки, поворачивая и шныряя между островами. Они уже начали надеяться, что им удалось уйти, но тут парус появился опять.

— Иные их побери. — Клеос задержал весла над водой и вытер потный лоб.

— Гребите!! — сказала Бриенна.

— Это речная галера, — сообщил Джейме. Судно, догонявшее их, росло на глазах. — Девять весел с каждой стороны — стало быть, восемнадцать человек. Даже больше, если они взяли воинов помимо гребцов.

Клеос замер на веслах.

— Восемнадцать, говоришь?

— По шестеро на брата. Я бы и восьмерых взял на себя, если б не мои браслеты. Не будет ли леди Бриенна столь любезна снять их с меня?

Женщина молчала, вкладывая все свои силы в греблю.

— Мы опережаем их на полночи. Они гребут с самого рассвета, давая отдых каждой паре весел попеременно. Теперь они должны уже порядком притомиться. Вид нашего паруса на время придал им сил, но это ненадолго, мы можем перебить у них немало народу.

— Но ведь их восемнадцать человек! — воскликнул Клеос.

— Это по меньшей мере. Скорее всего двадцать или двадцать пять.

— Мы не сможем побить восемнадцать бойцов.

— А разве я говорю, что сможем? Лучшее, на что мы можем надеяться, — это умереть с оружием в руках. — Джейме Ланнистер говорил совершенно искренне — смерти он никогда не боялся.

Бриенна бросила гребти. Ее соломенные волосы прилипли ко лбу, и свирепая гримаса делала лицо еще безобразнее.

— Вы под моей защитой, — низким, почти рычащим голосом проговорила она.

Джейме не сдержал смеха. Прямо-таки Пес с титьками — то есть была бы, будь у нее титьки.

— Ну так защищай меня, женщина, — или освободи, чтобы я мог сам себя защитить.

Галера скользила по реке, как большая деревянная стрекоза. Ее весла пенили воду. Она приближалась, и на палубе у нее толпились люди. В руках у них блестела сталь, и луки

Джейме тоже разглядел, проклятие.

На носу галеи стоял коренастый лысый человек с кустистыми седыми бровями и мощными ручищами. Поверх кольчуги на нем был грязный белый камзол с вышитой на нем бледно-зеленой плакучей ивой, а застежкой для плаща служила серебряная форель. Капитан риверранской гвардии, сир Робин Ригер. В свое время он считался отменным бойцом, но время это давно прошло. Он ровесник Хостеру Талли и состарился вместе со своим лордом.

Когда между лодками осталось не более пятидесяти ярдов, Джейме сложил руки ковшом у рта и прокричал:

— Хотите пожелать мне доброго пути, сир Робин?

— Хочу вернуть тебя назад, Цареубийца. Куда это ты подевал свои золотые кудри?

— Я надеялся ослепить врагов блеском моего черепа. Похоже, мне это удалось.

Сир Робин промолчал. Расстояние между лодками сократилось до сорока ярдов.

— Бросайте весла и оружие в реку, и вам не причинят вреда.

Клеос обернулся назад.

— Джейме, скажи ему, что нас освободила леди Кейтилин... для обмена пленными, на законном основании.

Джейме сказал, хотя и не видел в этом проку.

— Кейтилин Старк не командует в Риверране, — прокричал в ответ сир Робин. Четверо лучников заняли позицию по обе стороны от него — двое на коленях, двое во весь рост. — Бросайте мечи в воду.

— У меня нет меча, — крикнул Джейме, — а будь он при мне, я воткнул бы его тебе в брюхо и отрезал яйца четверым твоим трусам.

Ответом послужили пущенные залпом стрелы. Одна вонзилась в мачту, две проткнули парус, четвертая прошла на фут от Джейме.

Впереди Красный Зубец закладывал очередную широкую петлю. Бриенна направила лодку наискосок через поворот. Рей переместился, и парус шелкнул, наполнившись ветром. Середину реки занимал большой остров. Главное русло обтекало его справа, а слева, между островом и утесами северного берега, лежала узкая протока. Бриенна переложила руль, и ялик вильнул налево, полоща парусом. Джейме взглянул ей в лицо. А у нее красивые глаза, подумал он, — и она спокойна. Он умел читать по глазам и знал, как выглядит страх. В Бриенне угадывалась решимость, а не отчаяние.

Галея, в тридцати ярдах за ними, вошла в поворот.

— Сир Клеос, держите руль, — скомандовала женщина. — Цареубийца, бери весло — будешь отталкиваться от камней.

— Как прикажет моя госпожа. — Весло не меч, но его лопастью можно разбить человеку голову, если хорошо размахнуться, а рукоятью отразить удар.

Клеос сунул ему весло и перелез на корму. Они миновали верхнюю оконечность острова и резко свернули в протоку. Лодка накренилась, плеснув водой на утес. Остров густо зарос ивняком, дубами и высокими соснами, которые бросали тень через бурный поток, скрывая коряги и воронки. Слева поднимался отвесный утес, и вода кипела вокруг валунов и обломков скал у его подножия.

Они нырнули из солнца в тень, спрятавшись от галеи между зеленой древесной стеной и серым утесом. Хоть от стрел немного передохнем, подумал Джейме, отталкиваясь от полузатопленного валуна.

Лодка качнулась, и послышался тихий всплеск. Оглянувшись, Джейме увидел, что

Бриенна исчезла. Миг спустя он увидел ее опять — она вылезала из воды у подножия утеса. Пройдя по мелководью, она перебралась через каменную осыпь и стала карабкаться вверх. Клеос ахнул, разинув рот — дурак дураком.

— Не пяль на нее глаза, — гаркнул Джейме кузену. — Правь.

Парус уже мелькал за деревьями, и вскоре галей появилась в устье протоки, в двадцати пяти ярдах от них. Ее нос описал дугу, совершая поворот, и оттуда слетело полдюжины стрел, но все они прошли мимо. Ход обеих лодок мешал лучникам целиться, но Джейме знал, что скоро они приноровятся. Бриенна, цепляясь за выступы и трещины, взобралась до половины утеса. Ригер уж точно ее увидит и прикажет лучникам сбить женщину. Джейме решил сыграть на гордости старика — авось она затмит ему мозги.

— Сир Робин, — закричал он, — послушайте, что я скажу.

Сир Робин поднял руку, и стрелки опустили луки.

— Говори, Цареубийца, да побыстрее.

Ялик обогнул россыпь камней, и Джейме крикнул:

— Я знаю лучший способ уладить дело — поединок между вами и мной.

— Я не вчера родился, Ланнистер.

— Верно, но сегодня вы можете умереть. — Джейме поднял руки, показывая Ригеру свои кандалы. — Я буду драться в цепях, если вы боитесь.

— Я тебя не боюсь, сир. Будь на то моя воля, я бы ничего лучшего не желал, но мне приказано доставить тебя живым, если будет возможно. Лучники! Подымай, целься, пли-и...

Их разделяло теперь меньше двадцати ярдов, и лучники вряд ли могли промахнуться, но как только они подняли свои длинные луки, на них обрушился сверху каменный град. Мелкие камни, стуча по палубе и по шлемам, сыпались в воду. Те, кто успел сообразить, в чем дело, задрали головы, и тут от верхушки утеса отделился валун с корову величиной. Сир Робин вскрикнул в испуге. Камень, кувыркаясь в воздухе, задел за выступ утеса и разломился надвое. Более крупный кусок сокрушил мачту вместе с парусом, скинул за борт двух лучников и сломал ногу гребцу. Быстрота, с которой галей стала наполняться водой, позволяла предположить, что второй обломок пробил ей корпус, лучники барахтались в реке под громкие вопли гребца, плавать они, по всей видимости, не умели. Джейме расхохотался.

Когда лодка вышла из протоки, галей пошла ко дну среди водоворотов и коряг, и Джейме Ланнистер решил, что боги на его стороне. Сиру Робину с его проклятушими лучниками придется тащиться в Риверран пешком, и от женщины он, Джейме, тоже благополучно избавился, лучшего и желать нельзя. Вот только от цепей освободиться...

Он поднял голову, услышав оклик Клеоса. Бриенна шла по скалистому берегу, namного опередив их, — она срезала угол, пока они огибали очередной мыс. Когда она прыгнула со скалы в воду, у нее это вышло почти грациозно. Нехорошо было бы надеяться, что она расшибет себе голову о камень. Клеос направил лодку к ней. Хорошо, что весло все еще в руках у Джейме. Размахнуться как следует, когда она подплывет, — и он отделается от нее навсегда.

Вместо этого он неожиданно для себя протянул весло ей. Бриенна ухватила за него, и Джейме втянул ее в лодку. Вода текла с нее ручьями. Мокрая она еще безобразнее — кто бы мог подумать, что такое возможно?

— Ох и глупа же ты, женщина, — сказал он ей. — А если б мы уплыли без тебя? Или ты полагалась на мою благодарность?

— В твоей благодарности я не нуждаюсь, Цареубийца. Я дала клятву доставить тебя в

Королевскую Гавань.

— И всерьез намерена ее сдержать? — Джейме ослепительно улыбнулся. — Чудеса, да и только.

Сир Десмонд Грелл служил дому Талли всю свою жизнь.

Он был оруженосцем, когда Кейтилин появилась на свет, рыцарем, когда она училась ходить, ездить верхом и плавать, а ко дню ее свадьбы стал мастером над оружием. Он видел, как маленькая Кошечка лорда Хостера становится взрослой девушкой и супругой знатного лорда, — а теперь ему довелось увидеть, как она стала изменницей.

Ее брат Эдмар, выступив в поход, назначил сира Десмонда кастеляном замка, и судить Кейтилин за ее преступление тоже входило в его обязанности. Для храбрости он прихватил с собой отцовского стюарда, унылого Утерайдса Уэйна. Теперь они оба стояли и смотрели на нее — дородный, краснолицый, сконфуженный сир Десмонд и серьезный, худой, меланхолический Уэйн. Каждый ждал, чтобы заговорил другой. «Они всю жизнь посвятили моему отцу, а я в награду покрыла их позором», — устало подумала Кейтилин.

— Ваши сыновья, — сказал наконец сир Десмонд. — Мейстер Виман рассказал нам. Бедные дети. Это ужасно. Ужасно. И все же...

— Мы разделяем ваше горе, миледи, — сказал Уэйн. — Весь Риверран скорбит вместе с вами, но...

— Подобное известие должно было лишить мать рассудка, — прервал сир Десмонд, — люди это поймут. Вы не знали...

— Знала, — твердо ответила Кейтилин. — Я прекрасно понимала, что делаю, и знала, что это измена. Если вы меня не накажете, люди сочтут, что я действовала в сговоре с вами. Между тем вина моя и только моя, и отвечать я должна одна. Наденьте на меня опроставшиеся цепи Цареубийцы, если посчитаете нужным, и я приму эти оковы с гордостью.

— Заковать? — Одно это слово повергло бедного сира Десмонда в ужас. — Мать короля, дочь моего лорда? Невозможно.

— Быть может, — вставил стюард, — миледи согласится не покидать своих покоев до возвращения сира Эдмара. Побудет в уединении, молясь за своих убиенных сыновей?

— Да, заточение, — подтвердил сир Десмонд. — Заточение в башне — это вполне приличествует случаю.

— Если я должна находиться в заточении, то заточите меня в покоях отца, чтобы я провела с ним его последние дни.

— Прекрасно, — пораздумав, сказал сир Десмонд. — У вас не будет недостатка в удобствах и учтивом обхождении, однако выходить вам нельзя. Септу вы можете посещать, когда необходимо, но все остальное время должны проводить в покоях лорда Хостера вплоть до возвращения лорда Эдмара.

— Как скажете. — Брат ее не может называться лордом, пока отец жив, но Кейтилин не стала поправлять старика. — Приставьте ко мне стражу, если нужно, но я даю слово, что не стану пытаться бежать.

Сир Десмонд кивнул и вышел, явно радуясь, что покончил со своей неприятной задачей, но печальный Утерайдс Уэйн задержался еще ненадолго.

— Вы допустили тяжкую провинность, миледи, и притом напрасно. Сир Десмонд послал сира Робина привезти назад Цареубийцу... или, на худой конец, его голову.

Кейтилин ничего иного и не ждала. Да придаст Воин силы твоей деснице, Бриенна. Она

сама сделала все, что могла, и ей оставалось только надеяться.

Ее вещи перенесли в отцовскую опочивальню, где стояла большая кровать под балдахином, в которой Кейтилин родилась, со столбиками в виде прыгающих форелей. Сам отец лежал теперь на полпролета ниже, в своей горнице, лицом к треугольному балкону, выходящему на его любимые реки.

Лорд Хостер спал, когда Кейтилин вошла к нему. Она постояла на балконе, опершись рукой на каменные перила. Быстрая Камнегонка под самым замком впадала в быстрый Красный Зубец, и видно было далеко по его течению. Если с востока покажется полосатый парус — значит сир Робин возвращается. Сейчас река была пуста. Кейтилин, возблагодарив за это богов, вернулась в комнату и села рядом с отцом.

Неизвестно, сознает ли лорд Хостер, что она здесь, и находит ли он в этом какое-то утешение, но ей хорошо подле него. «Что сказал бы ты, узнав о моем преступлении, отец? Сделал бы ты то же самое, если бы в руки врага попали мы с Лизой? Или ты тоже осудил бы меня, сочтя обезумевшей от горя матерью?»

В этой комнате стоял запах смерти — сладковатый, тяжелый и прилипчивый. Он напоминал ей о сыновьях, которых она потеряла, о милом Бране и малютке Риконе, убитых Теоном Грейджоем, бывшим воспитанником Неда. По Неду она горевала до сих пор и всегда будет горевать, но отнять у нее еще и детей...

— Это чудовищно — потерять ребенка, — прошептала она — больше себе, чем отцу.

Лорд Хостер открыл глаза и прошелестел:

— Ромашка...

Он не узнал ее. Кейтилин уже привыкла, что он принимает ее то за мать, то за сестру Лизу, но имени «Ромашка» она еще не слыхала.

— Я Кейтилин. Твоя Кошечка, отец.

— Прости меня... за эту кровь... прошу тебя, Ромашка...

Неужели в жизни отца была еще какая-то женщина? Какая-нибудь деревенская девушка, с которой он дурно поступил в молодости? Или служанка, с которой он утешался после смерти матери? Странная мысль и тревожная. Кейтилин показалось вдруг, что она совсем не знает своего отца.

— Кто эта Ромашка, милорд? Хочешь, я пошлю за ней? Где я могу ее найти? Она жива?

— Нет... — простонал лорд Хостер, ощупью ища ее руку. — У тебя будут другие... славные детки, и притом законные.

Другие? Наверно, он забыл, что Неда больше нет? С кем он теперь говорит — все с той же Ромашкой, со мной, или с Лизой, или с матерью?

Отец закашлялся, сжав ее руку. Из рта у него проступила кровь.

— Будь хорошей женой, и боги даруют тебе сыновей... законных сыновей... а-ах. — Ногти отца судорожно впились в ладонь Кейтилин, и у него вырвался глухой крик.

Явился мейстер Виман с очередной долей макового молока, и вскоре лорд Хостер Талли снова погрузился в тяжелый сон.

— Он спрашивал о какой-то женщине, — сказала Кет. — О Ромашке.

— О Ромашке? — недоумевающе повторил мейстер.

— Вы никого не знаете с таким именем? Служанку или женщину из ближней деревни? Может быть, это кто-то из его прошлого? — Кейтилин очень долго не было в Риверране.

— Нет, миледи, но я спрашиваю, если хотите. Утерайдс Уэйн должен знать, служила ли такая в Риверране. Ромашка, говорите? В простонародье любят давать девочкам имена

цветов и трав. Помню одну вдову — она приходила в замок брать башмаки в починку, и ее, кажется, звали как раз Ромашкой. Или Маргариткой? Как-то похоже. Я, правда, давно уже ее не видел...

— Ее звали Фиалкой, — сказала Кейтилин, которая хорошо помнила эту старушку.

— В самом деле? — сконфузился мейстер. — Простите, леди Кейтилин, но я должен покинуть вас. Сир Десмонд разрешил говорить с вами лишь о самых необходимых вещах.

— Что ж, не будем нарушать его распоряжений. — Кейтилин не винила сира Десмонда — она лишила его повода доверять ей, и он, естественно, боится, как бы она, воспользовавшись преданностью кого-нибудь из риверранцев, которую те по-прежнему питают к дочери своего лорда, не учинила новую каверзу. Зато от войны она теперь, хотя бы на время, избавлена.

Мейстер ушел, и она, накинув шерстяной плащ, снова вышла на балкон. Солнце отражалось и дробилось в реках, текущих мимо замка. Кейтилин, заслонив глаза от его блеска, искала вдали парус. Она боялась увидеть его, но паруса не было, а значит, она еще могла надеяться.

Весь день и часть ночи она следила за рекой, пока ее ноги не устали стоять. Под вечер в замок прилетел ворон. Хлопая крыльями, он опустился на вышку. Черные крылья, черные вести, подумала она, вспоминая последнего ворона и страшное послание, которое он принес.

Мейстер Виман вернулся к ночи обиходить лорда Хостера и принес ей скромный ужин из хлеба, сыра и вареной говядины с хреном.

— Я говорил с Утерайдсом, миледи. Он совершенно уверен, что ни одна женщина по имени Ромашка при нем в замке не служила.

— Я видела, как прилетел ворон. Джейме схвачен? — (Или убит, да сохраняют нас от этого боги?)

— Нет, миледи, о Цареубийце мы известий не получали.

— Значит, произошло еще одно сражение? Что-то неблагоприятно у Эдмара? Или у Робба? Будьте милосердны, рассейте мой страх.

— Миледи, я не должен... — Виман огляделся, будто проверяя, нет ли кого поблизости. — Лорд Тайвин ушел с речных земель, и на бродах все спокойно.

— Кто же тогда прислал ворона?

— Он прилетел с запада, — сказал мейстер, возясь с постелью лорда Хостера и не поднимая на нее глаз.

— С вестями от Робба?

— Да, миледи, — помедлив, признался мейстер.

— Значит, что-то случилось. — Она поняла это по его поведению. Мейстер что-то скрывал от нее. — С Роббом несчастье? Он ранен? — (Только не убит, о боги, не говори мне, что он убит.)

— Его величество получил рану при штурме Крэга, — все так же уклончиво ответил мейстер, — но пишет, что беспокоиться не о чем и что он надеется вскоре вернуться.

— Куда он ранен? Насколько это серьезно?

— Он пишет, что беспокоиться не о чем.

— Меня любая его рана беспокоит. О нем есть кому позаботиться?

— Уверен в этом. Мейстер Крэга, безусловно, займется им.

— Так куда же он ранен?

— Миледи, я сожалею, но мне запрещено разговаривать с вами. — Виман, собрав свои снадобья, торопливо вышел, и Кейтилин снова осталась наедине с отцом. Маковое молоко делало свое дело, и лорд Хостер продолжал спать. Струйка слюны стекала из его раскрытого рта на подушку. Кейтилин осторожно вытерла ее полотняным платком. От ее прикосновения лорд Хостер застонал и проговорил так тихо, что она едва расслышала его:

— Прости меня, Ромашка... кровь... кровь... да помилуют нас боги...

Эти слова взволновали ее до глубины души, хотя она не понимала их смысла. Кровь? Почему он то и дело говорит о крови? Кто эта женщина, отец, и что ты ей сделал, если так молишь ее о прощении?

В ту ночь Кейтилин спала плохо, преследуемая бессвязными снами о своих детях, пропавших и мертвых. Задолго до рассвета она проснулась окончательно, слыша эхо отцовских слов. Славные детки, притом законные... к чему он это сказал? Быть может, он прижил с этой Ромашкой ребенка? Кейтилин не могла в это поверить. Ее брат Эдмар — другое дело; она не удивилась бы, узнав, что у него целая дюжина бастардов. Но отец, лорд Хостер Талли? Немыслимо.

А что, если Ромашкой он звал Лизу, как ее, Кет — Кошечкой? Лорд Хостер и прежде не раз принимал ее за сестру. У тебя будут другие, сказал он, — славные детки и законные к тому же. У Лизы было пять выкидышей — два в Гнезде, три в Королевской Гавани, но в Риверране, у лорда Хостера, ни одного. Если только... если только она не была беременна в тот первый раз.

Их, двух сестер, обвенчали в один и тот же день, и их мужья, оставив их на попечении отца, уехали, чтобы поддержать мятеж Роберта Баратеона. У них обеих месячные не пришли в срок, и Лиза весело болтала об их будущих сыновьях. «Твой будет наследником Винтерфелла, а мой — Орлиного Гнезда. И они, конечно, будут закадычными друзьями, как твой Нед и лорд Роберт. Скорее родными братьями, чем двоюродными — я наперед знаю». Лиза была так счастлива тогда...

Но оказалось, что у нее месячные просто запоздали, и вся ее радость угасла. Кейтилин всегда думала, что они запоздали — но если Лиза в самом деле была беременна...

Кейтилин вспомнила, как она впервые дала сестре подержать Робба, крошечного, красного, орущего, но уже тогда крепкого и полного жизни. Лиза, взяв ребенка на руки, тут же залилась слезами, сунула его обратно Кейтилин и убежала.

Если она тогда потеряла ребенка, это объясняет слова отца и еще многое помимо них... Брак Лизы с лордом Арреном был заключен поспешно, и Джон уже тогда был стар, старше, чем их отец. Старик, не имеющий наследника. Две первые жены оставили его бездетным, сын его брата погиб вместе с Брандоном Старком в Королевской Гавани, его отважный кузен — в Колокольной битве. Ему нужна была молодая жена, чтобы продолжить род Арренов... молодая жена, заведомо способная к деторождению.

Кейтилин встала, накинула халат и спустилась в темную горницу к отцу. Чувство беспомощного страха наполняло ее.

— Отец, — сказала она, — я знаю теперь, что ты сделал. — Теперь она уже не та вчерашняя невеста с полной радужных мечтаний головой. Она вдова, изменница, скорбящая мать, умудренная в делах этого мира. — Ты заставил его взять ее замуж. Лиза была ценой, которую Джон Аррен заплатил за мечи и копыя дома Талли.

Неудивительно, что сестра в своем браке не знала любви. Аррены горды и щепетильно относятся к своей чести. Лорд Джон женился на Лизе, чтобы обеспечить мятежникам

поддержку Талли и, возможно, получить сына, но вряд ли мог полюбить женщину, которая легла в его постель опороченная и против своей воли. Он, несомненно, был добр к ней и обязателен, но Лизе не доставало тепла.

После завтрака Кейтилин попросила перо и бумагу и села писать сестре в долину Аррен. С трудом подбирая слова, она уведомила Лизу о судьбе Брана и Рикона, но основная часть письма касалась отца.

«Теперь, когда его дни сочтены, все его мысли отданы злу, которое он тебе причинил. Мейстер Виман говорит, что не смеет делать маковое молоко более крепким. Пришло время отцу сложить свой меч и щит. Время отдохнуть от трудов. Но он упорно борется, не желая сдаться, и я думаю, что причина этому — ты. Он нуждается в твоём прощении. Я знаю, что из-за войны дорога из Гнезда в Риверран стала опасной, но сильный рыцарский эскорт, уж верно, сможет проводить тебя через Лунные горы — сто человек или тысяча. А если уж ты не сможешь приехать, то хотя бы напиши ему. Несколько слов любви, чтобы он отошел с миром. Напиши что хочешь, а я прочту это ему и облегчу ему дорогу».

Отложив перо и попросив воск для печати, Кейтилин подумала, что запоздала с письмом. Мейстер Виман не верил, что лорд Хостер дождется ворона — пока тот слетает в Гнездо и обратно. Впрочем, мейстер давно уже говорит то же самое... Мужчины Талли легко не сдаются, каков бы ни был перевес другой стороны. Передав пергамент мейстеру, Кейтилин пошла в септу, где поставила свечу Отцу за своего отца, и Старице, которая выпустила в мир первого ворона, приоткрыв дверь царства смерти, и Матери — за Лизу и всех детей, которых они обе потеряли.

В тот же день, сидя у постели лорда Хостера с книгой и сызнова перечитывая одно и то же место, она слышала громкие голоса и звук трубы. Сир Робин, вздрогнув, подумала она и вышла на балкон. На реке она ничего не увидела, но по-прежнему слышала голоса, конский топот, лязг доспехов и порой громкое «ура». Кейтилин поднялась по винтовой лестнице на крышу замка — этого сир Десмонд ей не запрещал.

Звуки доносились с дальней стороны замка, от главных ворот. У воротной решетки, поднимавшейся рывками и толчками, собралась небольшая толпа, а в поле за воротами виднелись несколько сот всадников. Ветер раздул их знамена, и Кейтилин испустила вздох облегчения при виде скачущей форели Риверрана. Эдмар.

К ней он соизволил прийти лишь два часа спустя. Замок к тому времени гудел от радости — воины обнимали своих жен и детей. С вышки слетели и отправились в полет трое воронов. Кейтилин следила за ними с отцовского балкона. Она вымыла голову, переделалась и приготовилась выслушать упреки брата... однако ожидание давалось ей нелегко.

Услышав наконец шум за дверью, она села и сложила руки на коленях. Сапоги, поножи и камзол Эдмара забрызгала засохшая красная грязь. В нем трудно было признать победителя. Он отощал, был бледен, зарос бородой, и глаза у него лихорадочно блестели.

— Эдмар, — с беспокойством сказала Кейтилин, — у тебя плохой вид. Случилось что-нибудь? Ланнистеры перешли реку?

— Их я отбросил назад — лорда Тайвина, и Григора Клигана, и Аддама Марбранда. Но Станнис... — Эдмар скорчил гримасу.

— Что Станнис?

— Он проиграл битву при Королевской Гавани, — сокрушенно произнес Эдмар. — Флот его сожжен, армия разбита.

Победа Ланнистеров была дурной вестью, но Кейтилин не разделяла огорчения своего

брата. Ей все еще снилась тень, явившаяся в шатре Ренли, и кровь, хлынувшая сквозь стальной ворот королевских доспехов.

— Станнис нам не более друг, чем лорд Тайвин.

— Ты не понимаешь. Хайгарден теперь переметнулся к Джоффри, и Дорн тоже. Весь юг. — Эдмар стиснул рот. — А ты не нашла ничего лучшего, как отпустить Цареубийцу, не имея на то никакого права.

— За мной право матери. — Ее голос звучал спокойно, хотя известие о Хайгардене наносило суровый удар надеждам Робба. Она просто не могла думать об этом сейчас.

— Нет его у тебя. Он был пленником Робба, твоего короля, и Робб поручил мне охранять его.

— Бриенна сбережет его. Она поклялась в этом на своем мече.

— Эта женщина!

— Она доставит Джейме в Королевскую Гавань и привезет нам обратно Арию и Сансу.

— Серсея их ни за что не отдаст.

— Тирион отдаст. Он поклялся перед всем двором, что сделает это, и Джейме тоже дал мне клятву.

— Слово Джейме ничего не стоит. Что до Беса, то его, говорят, в битве рубанули топором по башке. Он помрет еще до того, как твоя Бриенна доедет до Королевской Гавани, если она вообще доедет.

— Умрет? — Могут ли боги быть столь безжалостны? Она заставила Джейме поклясться раз сто, но свои надежды возлагала больше на обещание, данное его братом. Эдмар остался глух к ее горю.

— Джейме был под моей опекой, и я верну его. Я уже послал воронов...

— Сколько? И куда?

— Трех, чтобы лорд Болтон наверняка получил мое послание. Как бы они ни ехали, по реке или по дороге, Харренхолла все равно не минуют.

— Харренхолл... — От одного этого слова в комнате потемнело. — Эдмар, понимаешь ли ты, что натворил? — севшим от ужаса голосом спросила Кейтилин.

— Не бойся. О тебе я не упомянул. Написал, что Джейме совершил побег, и пообещал тысячу драконов за его пленение.

«Еще того хуже, — в отчаянии подумала Кейтилин. — Экий дурак мой братец». Непрошенные слезы выступили у нее на глазах.

— Если это был побег, а не обмен пленными, — тихо выговорила она, — зачем Ланнистерам отдавать моих дочек Бриенне?

— До этого все равно не дойдет. Цареубийцу вернут сюда — я об этом позаботился.

— Твоими заботами мне не придется больше увидеть дочерей. Бриенна могла бы довезти его до Королевской Гавани... пока за ними не было охоты. А теперь... — Кейтилин не могла больше говорить. — Оставь меня, Эдмар. — Она не имела права приказывать брату здесь, в замке, который скоро будет принадлежать ему, но ее тон не допускал возражений. — Оставь меня с отцом и моим горем. Больше мне нечего тебе сказать. Уходи. — Ей хотелось одного: лечь, закрыть глаза, уснуть и, если посчастливится, не видеть снов.

Небо было черно, как оставшиеся позади стены Харренхолла. Тихий ровный дождь глушил стук копыт и стекал по лицам.

Они ехали на север от озера. Изрытая проселочная дорога привела их через разоренные поля в лес, где журчали ручьи. Арья двигалась впереди, погоняя свою краденую лошадь быстрой рысью, пока не оказалась в гуще деревьев. Пирожок и Джендри поспевали за ней, как могли. Вдалеке были волки и слышалось тяжелое дыхание Пирожка. Никто не разговаривал. Время от времени Арья оглядывалась через плечо, проверяя, не отстали ли мальчишки и нет ли за ними погони.

Погоня будет непременно, не сейчас, так потом. Она увела трех лошадей из конюшни, украла карту и кинжал из горницы самого Русе Болтона и убила часового у калитки. Перерезала ему горло, когда он встал на колени, чтобы подобрать стертую железную монетку, которую дал ей Якен Хгар. Скоро кто-нибудь найдет его в луже крови, и поднимется крик. Лорда Болтона разбудят, Харренхолл обыщут от крыш до подвалов и обнаружат, что у лорда пропали кинжал и карта, из оружейной — несколько мечей, из кухни — хлеб и сыр, а еще пекаренки, кузнечный подмастерье и чашница по имени Нэн, или Ласка, или Арри — смотря кого спросишь.

Сам лорд Дредфорта за ними не погонится. Русе Болтон так и будет лежать в постели, обложившись пиявками, и полусшепотом отдавать приказания. Погоню, наверно, возглавит Уолтон, прозванный «Железные Икры» из-за поножей, которые он всегда носит на своих длинных ногах. А может, это будет шепелявый Варго Хоут со своими наемниками. Они себя именуют Бравыми Ребятами, а другие зовут их Кровавыми Скоморохами (только не в лицо), а иногда Ногорезами, потому что лорд Варго любит рубить неудобным ему людям руки и ноги.

«Если нас поймают, он и с нами то же самое сделает, — думала Арья, — а потом Русе Болтон сдерет с нас кожу». Она так и осталась в своем пажеском костюме с эмблемой лорда Болтона на груди, ободранном человеком Дредфорта.

Каждый раз, оглядываясь, она ожидала увидеть факелы, льющиеся из далеких ворот Харренхолла или мечущиеся по гребню огромных замковых стен. Но ничего такого не случилось. Харренхолл, так и не пробудившись, скрылся за деревьями и растаял во тьме.

Перебравшись через первый ручей, Арья съехала с дороги, проделала с четверть мили прямо по воде и лишь потом выбралась на каменистый берег. Это должно было сбить собак со следа. На дороге оставаться нельзя. И по этой, и по всем другим дорогам теперь рыщет смерть.

Джендри и Пирожок ни о чем ее не спрашивали. Карта была у нее, и Пирожок, пожалуй, боялся ее не меньше, чем возможной погони. Он видел убитого ею часового. Вот и хорошо, пусть боится — тогда он будет ее слушаться и никакой глупости авось не отмочит.

Сама она не слишком боялась, но понимала, что это неправильно. Ей ведь всего-навсего десять лет. Едет худышка-девчонка на краденной лошади, и впереди у нее темный лес, а позади — страшные дядьки, которым неймется отрубить ей ноги. Но почему-то теперь она чувствовала себя спокойнее, чем когда-либо в Харренхолле. Дождь успел смыть с ее рук кровь часового, за спиной у нее висит меч, волки рыщут во тьме, как легкие серые тени, и Арье Старк не страшно. «Страх ранит глубже, чем меч, — повторила она шепотом слова Сирио Шорея, а потом сказала слова Якена Хгара: — Валор моргулис».

Дождь перестал, и снова пошел, и опять перестал, но их плащи хорошо защищали от воды. Арья продолжала ехать медленным, ровным шагом. В лесу слишком темно, чтобы гнать быстрее, из мальчишек наездники никудышные, а в мягкой земле то и дело попадаются корни и камни. Они пересекли еще одну дорогу с глубокими, полными воды колеями, но Арья и по ней не поехала. Она вела свой отряд вверх и вниз по невысоким холмам, через заросли крапивы и ежевики, по узким овражкам, где мокрые ветки хлестали их по лицу.

Кобыла Джендри однажды поскользнулась в грязи, присела на круп и скинула парня, но ни лошадь, ни всадник не пострадали, и Джендри со своим упрямым видом снова взобрался в седло. Вскоре после этого им встретились трое волков, пожирающих тушу молодого оленя. Конь Пирожка, учуяв их, испугался и понес. Двое волков тоже убежали, но третий поднял голову и оскалил зубы, приготовившись защищать свою добычу.

— Назад, — сказала Арья Джендри. — Медленно, чтобы его не спугнуть. — Они отступали, пока волк и его добыча не скрылись из виду, и только тогда поехали искать Пирожка, который отчаянно цеплялся за седло, пока конь носил его между стволами.

Позже они проехали через сожженную деревню, пробираясь между остовами обугленных хижин и трупами висящих на яблонях людей. Пирожок, увидев повешенных, принялся шепотом молиться милосердной Матери, повторяя свою молитву снова и снова. Арья, глядя на исклеванных мертвецов в мокрых лохмотьях, прочла свою молитву: «Сир Григор, Дансен, Полливер, Рафф-Красавчик, Щекотун и Пес. Сир Илин, сир Меррин, король Джоффри, королева Серсея». Закончив словами «валор моргулис», она потрогала спрятанную в поясе монетку Якена и сорвала с увешанного мертвецами дерева яблоко. Оно было переспелое и кашистое, но Арья съела его прямо с червяками.

В тот день, можно сказать, так и не рассвело. Небо вокруг медленно светлело, но солнце не показывалось. Черное стало серым, и краски робко возвращались в мир. Гвардейские сосны оделись в темную зелень, лиственные деревья — в рыжину и блеклое золото. Они остановились напоить лошадей и наскоро поели, разломив украденную Пирожком хлебную ковригу и передавая друг другу ломти твердого желтого сыра.

— Ты хоть знаешь, куда мы едем? — спросил Джендри.

— На север, — сказала Арья.

Пирожок неуверенно поглядел вокруг.

— А где он, север?

— Вон там. — Она ткнула в нужную сторону куском сыра.

— Так ведь солнца-то нет — откуда ты знаешь?

— По мху. Видишь, он растет на одной стороне деревьев? Там юг.

— А зачем нам на север? — допытывался Джендри.

— Там течет Трезубец. — Арья развернула карту и показала им. — Видите? Когда мы доберемся до него, нам надо будет просто ехать вверх по течению до самого Риверрана, вот сюда. — Она провела пальцем по карте. — Это далеко, но мы не заблудимся, если будем держаться реки.

— Где тут Риверран? — спросил Пирожок, пяля глаза на карту.

Замок, изображенный в виде башни, помещался в развилке между двумя синими линиями, Камнегонкой и Красным Зубцом.

— Вот он, — показала пальцем Арья. — Видишь, написано: Риверран.

— Так ты, значит, читать умеешь? — спросил Пирожок с таким почтением, как будто она сказала, что умеет ходить по воде.

Арья кивнула.

— Доехав до Риверрана, мы будем в безопасности.

— Правда? Почему?

Потому что Риверран — замок моего деда, и мой брат Робб тоже будет там, хотелось сказать Арье, но она прикусила губу и скатала карту.

— Да так. Но сначала надо туда попасть. — Она села в седло первая. Она чувствовала себя не совсем хорошо, скрывая от Пирожка правду, но боялась доверить ему свой секрет. Джендри знает, но он — другое дело. У него есть свой секрет, хотя Джендри, похоже, сам не знает, в чем он состоит.

Днем Арья прибавила ходу и ехала рысью, сколько было можно, а иногда даже в галоп переходила, видя впереди ровное поле. Это, впрочем, случалось нечасто — местность становилась все более холмистой. Холмы не отличались ни высотой, ни крутизной, но им просто не было конца, и путникам уже надоело то подниматься, то спускаться. Они совсем запутались в ручьях и мелких лесистых долинах, где деревья смыкались над головой.

Арья, посылая Пирожка и Джендри вперед, сама то и дело возвращалась, чтобы замести следы, и все время слушала, нет ли за ними погони. Слишком медленно, думала она, покусывая губы, мы плетемся слишком медленно, так нас точно поймают. Однажды, с вершины очередного холма, она заметила какие-то темные фигуры, пересекающие ручей позади, и на миг в испуге приняла их за всадников Русе Болтона, но, присмотревшись как следует, поняла, что это стая волков. Она сложила руки вокруг рта и провыла им: «Аооооооо, аоооооооо». Самый крупный волк задрал голову, и его ответный вой заставил Арию содрогнуться.

К полудню Пирожок начал ныть, заявляя, что у него вся задница отбита и ляжки стерты, да и поспать бы не мешало.

— Я так устал, что сейчас с лошади свалюсь.

— Как по-твоему, — спросила Арья у Джендри, — если он свалится, кто его первый найдет — волки или Скоморохи?

— Волки, — сказал Джендри. — У них чутье лучше.

Пирожок открыл рот, закрыл его снова и раздумал падать с коня. Дождь зарядил снова, а солнца они за весь день не видели ни разу. Похолодало, и белый туман пополз между соснами на голые сожженные поля.

Джендри приходилось почти так же худо, как и Пирожку, но он был слишком упрям, чтобы жаловаться. Сидя мешком в седле, он очень решительно смотрел вперед из-под шапки лохматых черных волос, но Арья-то видела, что он не наездник. Надо было подумать об этом загодя. Сама она ездила верхом, сколько себя помнила, сначала на пони, потом на больших лошадях, но Джендри с Пирожком выросли в городе, а в городах простой народ ходит пешком. Йорен, забрав их из Королевской Гавани, дал им ослов, но трусить на ослике, да еще по Королевскому тракту, да еще за повозкой — это одно дело, а ехать на охотничьей лошади по диким лесам и сожженным полям — совсем другое.

Арья знала, что одна двигалась бы гораздо быстрее, но не могла же она их бросить. Они ее стая, ее друзья, единственные друзья, которые у нее остались, и без нее они спокойно сидели бы себе в Харренхолле. Джендри потел бы в своей кузнице, а Пирожок — на кухне. «Если Скоморохи нас поймают, — думала она, — я скажу им, что я дочь Неда Старка и сестра Короля Севера. Прикажу им отвезти меня к брату и не трогать Пирожка и Джендри». Они, конечно, могут ей не поверить, и если бы даже поверили... Лорд Болтон — знаменосец

ее брата, и все равно она его боится. «Не дамся я им, — безмолвно поклялась она, нащупав за плечом рукоять меча, который украл для нее Джендри — Не дамся».

В тот же день они выехали из леса к какой-то реке, и Пирожок завопил от восторга:

— Трезубец! Теперь нам только и надо, что ехать вверх по течению, как ты говорила. Мы почти на месте!

Арья пожевала губу.

— Не думаю, что это Трезубец. — Речка раздулась от дождя, но все равно оставалась не шире тридцати футов — Трезубец запомнился ей гораздо более широким. — Эта речка слишком узкая, да и рано еще для него.

— Ничего не рано, — возразил Пирожок. — Мы весь день едем почти что без передышки. Наверно, уже много отмахали.

— Давайте-ка взглянем на карту еще раз, — сказал Джендри.

Арья спешила и развернула пергамент. По нему струйками стекал дождь.

— Думаю, мы где-то здесь, — показала она. Мальчишки смотрели из-за ее плеч.

— По-твоему, мы совсем не продвинулись? — возмутился Пирожок. — Вот же он, Харренхолл, совсем рядом с твоим пальцем. Мы ведь целый день ехали!

— До Трезубца еще много миль. Несколько дней ехать надо. Это какая-то другая река, одна из этих. — Арья показала на карте несколько тонких синих линий, у каждой из которых значилось свое название. — Дарри, Яблочная, Девичья... а может, вот эта, Ивовая.

Пирожок перевел взгляд с карты на реку.

— Она не такая маленькая, как тут нарисовано.

— Эта речка на карте впадает в другую, смотри, — заметил Джендри.

— Да, в Большую Ивовую.

— Ну да, а Большая Ивовая впадает в Трезубец, стало быть, нам надо ехать вниз по течению, а не вверх. Но если эта речка — не Ивовая, а вот эта...

— Быстринка.

— ...то она делает петлю и бежит обратно к озеру и Харренхоллу.

— Ну уж нет! — выпучил глаза Пирожок. — Тогда нас точно убьют.

— Надо узнать, что это за река, — самым упрямым из своих голосов заявил Джендри.

— Как узнать-то? — На карте все названия обозначены, но на берегу речки не написано ничего. — Мы не поедem ни вверх, ни вниз по течению. Переправимся на тот берег и будем ехать на север, как и ехали.

— А лошади умеют плавать? — спросил Пирожок. — Мне сдается, тут глубоко, Арри. Вдруг в воде змеи есть?

— Ты уверена, что мы едем на север? — засомневался Джендри. — Из-за этих холмов мы могли заблудиться...

— Мох на деревьях...

— Вон на том, — перебил Джендри, — мох растет с трех сторон, а на другом мха и вовсе нет. Может, мы заблудились и едем по кругу.

— Может, и так, — сказала Арья, — но я все равно переправлюсь через реку, а вы оставайтесь, если хотите. — Она снова села верхом, не глядя на них. Не хотят с ней ехать — пусть тогда сами ищут Риверран, если их раньше не найдут Скоморохи.

Ей пришлось проехать добрых полмили вдоль берега, пока она не нашла что-то вроде брода, но ее кобыла все равно заартачилась, не желая идти в реку. Бурая речка с неизвестным названием бежала быстро, и когда Арья с грехом пополам добралась до ее середины, лошади

стало по брюхо. Вода набралась Арье в сапоги, но она сжала бока лошади каблуками и выбралась на тот берег. Позади слышался плеск и тревожное ржание. Стало быть, мальчишки все-таки едут за ней. Это хорошо. Она оглянулась и увидела, как они, все мокрые, вылезли на берег.

— Это не Трезубец, — сказала она им. — Точно не он.

Следующая речка была мельче и легче для переправы. Арья заявила, что и это тоже не Трезубец, и никто больше не спорил с ней, когда она двинулась вброд.

Начинало смеркаться, когда они снова остановились дать отдых лошадям и закусить хлебом и сыром.

— Мне холодно, и я весь мокрый, — пожаловался Пирожок. — Теперь уж мы далеко отъехали от Харренхолла — можно костер развести...

— НЕТ! — в один голос вскричали Арья и Джендри, и Пирожок притих. Арья покосилась на Джендри. С Джоном в Винтерфелле они тоже часто произносили что-то вот так, вместе. Из всех своих братьев она больше всего скучала по Джону Сноу.

— Ну хоть поспать-то можно? — спросил Пирожок. — Я страх как устал, Арри, и задница болит. Там, наверно, уже мозоли.

— Вот поймают тебя — еще не так отделают. Надо ехать дальше. Надо.

— Но ведь уже почти темно, и даже луны не видно.

— Садись на лошадь.

Медленным шагом они поплелись дальше. Крутом делалось все темнее. Арья сама устала до предела, и спать ей хотелось не меньше, чем Пирожку, но она знала, что спать нельзя. Заснешь, а потом откроешь глаза и увидишь, что над тобой стоит Варго Хоут с Шагвеллом-Дураком, Верным Утсивоком, Роржем, Кусакой, септоном Уттом и прочими страшилищами.

Но мерный шаг лошади убаюкивал ее, и веки тяжелели. Арья позволила им закрыться на долю мгновения и снова раскрыла во всю ширину. Нельзя спать, безмолвно кричала она про себя, нельзя, нельзя. Она протерла глаза костяшками пальцев, крепко сжала поводья и пустила лошадь рысью. Но и ее, и лошади хватило ненадолго — скоро они опять перешли на шаг, и Арья снова закрыла глаза, и на этот раз они открылись уже не так быстро.

Когда это случилось, она увидела, что лошадь стоит на месте и щиплет траву, а Джендри трясет ее за руку.

— Ты спишь на ходу, — сказал он.

— Просто даю глазам отдых.

— Что-то долго они у тебя отдыхают. Твоя лошадь шла по кругу, а потом встала, и тут только я понял, что ты спишь. С Пирожком еще хуже — он наткнулся на ветку, и его вышибло из седла. Надо было слышать, как он заорал, но тебя и это не разбудило. Тебе нужно поспать как следует.

— Я могу ехать столько же, сколько и ты. — Она зевнула.

— Врешь. Поезжай себе, если ума нет, а с меня хватит. Я буду сторожить первым — ложись и спи.

— А Пирожок где?

Джендри показал рукой в сторону. Пирожок уже свернулся на куче сырых листьев, накрывшись своим плащом, и похрапывал. В кулаке он зажал большой ломоть сыра, но так и уснул, не доев его.

Арья поняла, что спорить бесполезно. Джендри прав. Скоморохам ведь тоже надо спать

— ей, во всяком случае, хотелось верить в это. Она так устала, что даже с лошади слезла еле-еле, но все-таки не забыла спутать кобыле ноги, прежде чем устроиться под буком. Земля была твердая и сырая. Долго ли еще ей придется обходиться без постели, без горячей еды и тепла. Перед тем как уснуть, она еще успела вытащить меч из ножен и положила его рядом с собой.

— Сир Григор, — шептала она, засыпая, — Дансен, Полливер, Рафф-Красавчик, Щекотун... Пес...

Ей стали сниться красные, свирепые сны. Там были Скоморохи, не меньше четырех: бледный лиссениец и черный уроженец Иба с топором, покрытый шрамами дотракийский табунщик Игго и дорниец, имени которого она не знала. Они ехали сквозь струи дождя в ржавеющих кольчугах и мокрой коже, и мечи с топорами побрякивали у их седел. Они думали, что охотятся за ней — Арья знала это с той твердой уверенностью, которую чувствуешь во сне, — но на самом деле это она охотилась за ними.

Во сне она была не девочкой, а волчицей, огромной и могучей, и когда она выскочила перед ними из леса, оскалила зубы и тихо, рокочуще зарычала, ее обдало едким запахом страха — и лошадиного, и человеческого. Конь лиссенийца взвился на дыбы и заржал в ужасе, всадники закричали что-то на человеческом языке, но сделать ничего не успели: из дождя и мрака выскочили другие волки, целая стая, тощие, мокрые и тихие.

Бой был коротким, но кровавым. Обросший волосами человек упал, схватившись за топор, черный умер, натягивая лук, бледный попытался бежать. Но ее братья и сестры догнали его, окружили со всех сторон, хватая за ноги его коня, и перегрызли глотку упавшему наземь седоку.

Только табунщик с колокольцами в косах показал себя молодцом. Его конь лягнул в голову одну из ее сестер, а сам он чуть ли не пополам разрубил другого волка своим кривым серебряным когтем, и его колокольчики звенели.

Она, охваченная яростью, прыгнула ему на спину и вышибла его головой вперед из седла. При падении ее челюсти сомкнулись на его руке, зубы пронзили кожаный рукав, шерсть и мягкое мясо. Они ударились оземь, и она свирепо мотнула головой, оторвав руку от плеча, ликуя, она принялась трясти ею туда-сюда, разбрызгивая теплые красные капли среди холодных, черных дождевых струй.

Он проснулся от скрипа старых железных петель и сам проскрипел:

— Кто там? — Хорошо, что хотя бы голос вернулся к нему, даже такой слабый и хриплый. Лихорадка все еще трепала его, и Тирион не знал, который теперь час. Сколько он проспал на этот раз? Какая слабость, будь она проклята, какая мерзкая слабость. — Кто? — повторил он погромче. В открытую дверь проникал свет от факела, но в комнате горел только огарок свечи рядом с постелью.

Увидев направляющуюся к нему фигуру, Тирион вздрогнул. Здесь, в крепости Мейегора, все слуги получают жалованье от королевы, и любой посетитель может оказаться еще одним наемником Серсеи, посланным довершить начатую сиром Мендоном работу.

Гость, выйдя на свет, разглядел бледное лицо карлика и хмыкнул.

— Ты, видать, порезался, когда брился?

Тирион потрогал глубокий шрам, бегущий от брови до самой челюсти через то, что осталось от его носа. Рубец все еще оставался сырым и теплым на ощупь.

— Угу. Очень уж бритва острая попалась.

Бронн вымыл и зачесал назад свои угольно-черные волосы. На нем были высокие сапоги из мягкой, хорошо выделанной кожи, широкий пояс с серебряными вставками, плечи покрывал плащ из бледно-зеленого шелка. На темно-сером шерстяном дублете была вышита наискосок ярко-зеленая пылающая цепь.

— Где ты был? — спросил его Тирион. — Я посылал за тобой еще пару недель назад.

— Ну нет, не больше четырех дней — и я был здесь уже дважды, но ты лежал как мертвый.

— И все же я жив, вопреки стараниям моей дражайшей сестрицы. — Этого, пожалуй, не следовало говорить вслух, но Тириону было уже все равно. За попыткой сира Мендона убить его стояла Серсея, он это нутром чуял. — Что это за пакость такая у тебя на груди?

— Моя рыцарская эмблема, — ухмыльнулся Бронн. — Горящая зеленая цепь на дымчато-сером поле. Милостью твоего лорда-отца я теперь Бронн Черноводный — не забывай об этом, Бес.

Тирион уперся руками в перину и приподнялся, опершись спиной на подушки.

— А ведь это я обещал сделать тебя рыцарем, помнишь? — Выражение «милостью твоего лорда-отца» крепко не понравилось Тириону. Лорд Тайвин даром времени не теряет. Смысл того, что он убрал сына из башни Десницы и занял ее сам, всякому понятен, а вот и еще одно послание в том же духе. — Я потерял половину носа, а ты приобрел рыцарское звание. Богам за многое придется ответить. Отец сам тебя посвятил?

— Нет. Нас всех, уцелевших в бою у заградительных башен, помазал верховный септон, а в рыцари посвятили королевские гвардейцы. Полдня на это ухлопали — ведь Белых Мечей всего трое осталось.

— Сир Мендон погиб в бою, я знаю. — (Под скинул его в реку за мгновение до того, как этот ублюдок чуть было не проткнул мечом мое сердце.) — Кого еще недостает?

— Пса. Этот жив, просто сбежал. Золотые плащи говорят, что он струсил и ты возглавил вылазку вместо него.

(Не самая лучшая моя мысль.) Тирион нахмурился, заставив натянуться свежий рубец, и указал Бронну на стул.

— Моя сестра, как видно, думает, что я гриб. Держит меня в темноте и пичкает дерьмом. Под славный малый, но язык у него завязан узлом величиной с Бобровый Утес, и я не верю половине того, что он мне рассказывает. Я послал его за сиром Джаселином, а он вернулся и сказал, что тот мертв.

— Верно, мертв, как и тысячи других.

— Как он умер? — Тириону сразу стало хуже.

— В бою. Твоя сестра, как я слышал, велела Кеттлблэкам вернуть короля в Красный Замок. Когда золотые плащи увидели, что он уезжает, половина из них решила последовать за ним. Железная Рука загородил им дорогу и попытался загнать их обратно на стены. Говорят, он честил их почем зря и ему это почти удалось, но тут кто-то пустил стрелу ему в затылок. После этого он стал уже не так страшен, поэтому его стащили с коня и прикончили.

Еще один должок на счету Серсеи.

— Моему племяннику грозила какая-то опасность?

— Не больше, чем другим, и меньше, чем многим.

— Он как-то пострадал? Получил рану? Наколел палец, повредил ноготь, уронил волосок с головы?

— Ничего такого, насколько я слышал.

— Я предупреждал Серсею, что это может случиться. Кто теперь командует золотыми плащами?

— Твой лорд-отец поставил над ними одного из своих западных рыцарей, некоего Аддама Марбранда.

При других обстоятельствах золотые плащи возмутились бы, что их командиром назначили чужака, но сир Аддам — достойный выбор. Он, как и Джейме, из тех, кому люди охотно подчиняются. Итак, городскую стражу Тирион потерял.

— Еще я велел Поду отыскать Шаггу, но ему и тут не повезло.

— Каменные Вороны все еще в Королевском лесу — Шагге, видать, приглянулось это место. Обгорелых Тиметт увел домой со всей добычей, которую они взяли в лагере Станниса после боя. Челла как-то утром объявилась вместе с дюжиной Черноухих у Речных ворот, но красные плащи твоего отца прогнали их, а горожане закидали навозом.

Неблагодарные! Черноухие умирали за них. Пока Тирион лежал здесь одурманенный, родня выдерживала ему когти один за другим.

— Я хочу, чтобы ты пошел к моей сестре. Ее ненаглядный сынок вышел из боя без единой царапины, и заложники ей больше не нужны. Она клялась освободить Алаяйю, как только...

— Она и освободила — тому уж дней восемь, только высекла сначала.

Тирион взгромоздился повыше, не обращая внимания на резкую боль в плече.

— Как так — высекла?

— Ее привязали к столбу на дворе и отхлестали плетьюми, а потом выкинули за ворота, голую и всю в крови.

Она училась грамоте, ни с того ни с сего подумал Тирион. Шрам на лице натянулся, и ему показалось, что голова у него сейчас лопнет от ярости. Алаяйя, конечно, шлюха, но таких славных, храбрых и невинных девушек ему редко доводилось встречать. Он ни разу к ней не притронулся — она служила всего лишь прикрытием для Шайи, а он в своей беспечности не подумал о том, чего эта роль может ей стоить.

— Я обещал сестре, что поступлю с Томменом так же, как она с Алаяйей. — Тирион

чувствовал, что его вот-вот вырвет. — Но не могу же я сечь плетью восьмилетнего мальчонку! — Однако, если он этого не сделает, победа останется за Серсеей.

— Томмен больше не твой. Королева, узнав о смерти Железной Руки, послала за ним Кеттлблэков, а в Росби ни у кого не хватило духу им воспротивиться.

Еще один удар — но это, возможно, и к лучшему, признался себе Тирион. Томмена он любил.

— Предполагалось, что Кеттлблэки должны служить нам, — с немалым раздражением напомнил он Бронну.

— Они и служили, пока я давал им два твоих медяка против одного, полученного от королевы, но теперь она подняла цену. Осни и Осфрида после битвы посвятили в рыцари, как и меня. Одни боги знают, за что — их-то в бою никто не видал.

«Мои наемники предают меня, моих друзей бьют плетью и срамят, а я лежу здесь и гнию, — думал Тирион. — Я думал, что выиграл эту треклятую битву — вот, значит, каков он, вкус триумфа».

— Правда ли, что Станниса обратил в бегство призрак Ренли?

Бронн слегка улыбнулся.

— Мы от заградительных башен видели только, как знамена летят в грязь, а люди бросают свои копья и бегут, но в харчевнях и борделях многие говорят, будто своими глазами видели, как лорд Ренли убил того или этого. Большая часть войска Станниса с самого начала принадлежала Ренли, и они тут же переметнулись обратно, как только он явился перед ними в своих зеленых доспехах.

После всех принятых им мер, после вылазки и корабельного моста, после полученного в лицо удара Тириона затмил мертвец. Если, конечно, Ренли в самом деле умер. Еще одно дело, требующее расследования.

— Как Станнису удалось уйти?

— Его лиссениец держал свои галеи в заливе, за твоей цепью. Когда битва приняла дурной оборот, они причалили к берегу и взяли на борт сколько смогли. Люди рубились между собой, чтобы попасть на суда.

— А Робб Старк что поделявает?

— Часть его волков пробивается к Синему Долу. Твой отец послал лорда Тарли разобраться с ними, и я думаю, не отправиться ли и мне туда. Говорят, он хороший вояка и добычу не зажимает.

Возможность потерять еще и Бронна была последней соломинкой.

— Ну уж нет. Твое место здесь. Ты капитан гвардии десницы.

— Ты больше не десница, — напомнил Бронн. — Десница теперь твой отец, и у него своя гвардия, будь ей неладно.

— А куда подевались те, которых ты нанимал от моего имени?

— Одни погибли у башен, другим твой дядя сир Киван заплатил и велел убираться прочь.

— Как это любезно с его стороны. Выходит, ты потерял свой вкус к золоту?

— Черта с два.

— Это хорошо, поскольку ты мне еще нужен. Что тебе известно о сире Мендоне Муре?

— Мне известно, что он утоп, — засмеялся Бронн.

— Я перед ним в большом долгу и не знаю, как расплатиться. — Тирион потрогал свой шрам. — По правде сказать, я почти ничего о нем не знаю.

— У него были рыбы глаза, и он носил белый плащ — что тебе еще надо знать?

— Все — для начала. — Тириону нужны были доказательства того, что сир Мендон служил Серсее, но он не осмеливался высказать это вслух. В Красном Замке лучше держать язык за зубами. В здешних стенах водятся крысы, и маленькие, но болтливые пташки, и пауки. — Помоги-ка мне встать, — сказал он, борясь с простынями. — Пора нанести визит батюшке, а заодно и на людях показаться.

— Да уж, им будет на что посмотреть.

— Что такое недостающая половина носа на таком лице, как мое? Кстати о красоте: Маргери Тирелл уже в Королевской Гавани?

— Нет, но скоро прибудет, и город с ума сходит от любви к ней. Тиреллы подвезли из Хайгардена провизию и раздают даром от ее имени — сотни возов каждый день. Тысячи людей Тирелла расхаживают повсюду с золотыми розами на дублетах, и никто из них не платит за вино. А бабы, будь они мужними женами, вдовами или шлюхами, готовы все отдать первому встречному парнишке с розанчиком.

«Они наплевали на меня и ставят выпивку Тиреллам». Тирион соскользнул с кровати на пол. Ноги подогнулись под ним, комната закружилась колесом, и ему пришлось схватиться за руку Бронна, чтобы не шлепнуться носом в тростник.

— Под! — заорал он. — Подрик Пейн! Где тебя носит, ради седьмого пекла! — Боль глодала его, как беззубая собака. Тирион ненавидел слабость, особенно в себе самом. Она унижала его, а унижение порождало в нем гнев. — Под, бегом сюда!

Мальчик действительно влетел в комнату бегом и разинул рот, увидев, что Тирион стоит, держась за руку Бронна.

— Милорд... Вы встали... Это самое... может, вам вина? Сонного? Или мастера привести? Он сказал, вам надо лежать.

— Хватит, налегался. Поддай мне чистую одежду.

— Одежду?

Как мог этот парень быть таким находчивым в бою и таким бестолковым во всем остальном?

— Да, Под. Рубашку, дублет, бриджи, чулки. Чтобы я мог одеться и выйти из этой проклятой тюрьмы.

Одевался он с помощью их двоих. Каким бы страшным ни выглядело его лицо, самая тяжелая рана находилась чуть ниже плеча, под мышкой, куда стрела вдавила звенья его кольчуги. Кровь и гной еще сочились из багровой мякоти, когда мастер Френкен менял ему повязку, и каждое движение пронизывало Тириона острой болью.

В конце концов он сдался, ограничившись бриджами и просторным комнатным халатом. Бронн натянул ему на ноги сапоги, а Под пошел искать палку, на которую он мог бы опираться. Чтобы подкрепить себя, Тирион выпил чашу сонного вина, подслащенного медом и содержащего ровно столько макового зелья, чтобы позволяло какое-то время выносить боль от ран.

Голова у него все-таки кружилась, когда он поднял щеколду, а ноги от спуска по винтовой лестнице начали трястись. Одной рукой он держался за палку, другой за плечо Пода. Служанка, поднимавшаяся им навстречу, уставилась на него белыми глазами, точно привидение увидела. Карлик восстал из мертвых, став еще безобразнее, чем был. Беги Расскажи об этом своим подружкам.

Крепость Мейегора была древней твердыней, замком внутри замка. Ее окружал

глубокий сухой ров, утыканный пиками. Подъемный мост через него был поднят на ночь, и рядом стоял на часах сир Меррин Трант в светлых доспехах и белом плаще.

— Опустите мост, — приказал ему Тирион.

— Королева распорядилась поднимать его на ночь. — Сир Меррин всегда держал руку Серсеи.

— Королева спит, а у меня есть дело к моему отцу.

Имя лорда Тайвина, видимо, служило здесь волшебным словом. Сир Меррин отдал команду, и мост опустили. На той стороне рва нес караул другой королевский гвардеец — сир Осмунд Кеттлблэк. Он изобразил на лице улыбку, увидев ковыляющего к нему Тириона.

— Милорду стало лучше?

— Намного. Когда там у нас следующее сражение? Просто дожидаться не могу.

Однако, дойдя до витой наружной лестницы, Тирион совсем выдохся и признался себе, что самостоятельно ему ни за что ее не одолеть. Спрятав достоинство в карман, он попросил Бронна отнести его наверх, надеясь вопреки всякой надежде, что в этот час их никто не увидит и не разнесет по всему замку, что карлика носят, как младенца.

Внешний двор занимали десятки шатров и павильонов.

— Люди Тирелла, — пояснил Подрик, пока они пробирались через лабиринт из шелка и холста. — И лорда Рована, и лорда Редвина. В замке им места не хватило. Некоторые сняли комнаты в городе. В гостиницах и все такое. Это они свадьбы дожидаются. Свадьбы короля Джоффри. Достанет ли у милорда сил, чтобы на ней присутствовать?

— Даже рычащие хорьки мне не помешают. — У свадеб есть одно преимущество перед битвами: там тебе вряд ли отчекрыжат нос.

В закрытых ставнями окнах башни Десницы еще виднелся тусклый свет. Часовые у дверей имели на себе багряные плащи и львиные шлемы отцовской гвардии. Тирион знал обоих, и они пропустили его беспрепятственно, хотя и старались, как он заметил, не смотреть подолгу на его лицо.

Внутри им встретился сир Аддам Марбранд — он спускался по лестнице в нарядном черном панцире и парчовом плаще офицера городской стражи.

— Рад видеть вас снова на ногах, милорд. Я слышал...

— ...что для кого-то уже вырыли маленькую могилку? Я тоже слышал, а при таких обстоятельствах лучше встать. Узнал я также, что вы теперь командуете городской стражей. Что вам предложить — поздравления или соболезнования?

— Боюсь, и то и другое, — улыбнулся сир Аддам. — После всех потерь и дезертирства у меня осталось около четырех тысяч четырехсот человек. Только боги да Мизинец знают, из каких средств платить им жалованье, но ваша сестра запретила мне сокращать их число.

Ты все еще беспокойна, Серсея? Битва окончена, и золотые плащи тебе теперь не помогут.

— Вы идете от моего отца? — спросил Тирион.

— Да, и должен сказать, что оставил его не в лучшем настроении. Лорд Тайвин считает, что четырех тысяч четырехсот стражников более чем достаточно для розысков одного пропавшего оруженосца, однако ваш кузен Тирек до сих пор не найден.

Тирек — сын его покойного дяди Тигетта, мальчик тринадцати лет. Он пропал во время бунта, вскоре после своей свадьбы с леди Эрмесандой, грудным младенцем, случайно оказавшейся единственной наследницей дома Хейсрордов. Скорее всего это единственная девица в истории Семи Королевств, овдовевшая еще до того, как ее отняли от груди.

— Я тоже не сумел найти его, — признался Тирион.

— Да он давно червей кормит, — со свойственным ему тактом заявил Бронн. — Железная Рука его обыскался, и евнух тряс своим кошельком почем зря, но им повезло не больше, чем нам. Бросьте вы эту затею, сир.

Сир Аддам бросил на недавнего рыцаря неприязненный взгляд.

— Лорд Тайвин упорен, когда дело касается его крови. Он найдет парня живого или мертвого, и я намерен способствовать ему в этом. Вы найдете вашего отца в его горнице, — добавил он, обращаясь к Тириону.

«В моей горнице», — подумал тот.

— Да-да, я знаю дорогу.

Ему снова предстояло подняться по лестнице, но на сей раз он взбирался сам, опираясь на плечо Пода. Бронн открыл перед ним дверь. Лорд Тайвин Ланнистер сидел под окном и писал при свете масляной лампы. Он поднял глаза на звук открывшейся двери.

— Тирион, — произнес он спокойно и отложил перо.

— Рад, что вы меня еще помните, милорд. — Тирион отпустил Пода и с помощью палки заковылял через комнату. Что-то здесь было неладно — он понял это сразу.

— Сир Бронн, Подрик, — сказал лорд Тайвин, — я попрошу вас подождать за дверью, пока мы не закончим.

Бронн ответил деснице весьма наглым взглядом, однако поклонился и вышел, а Под за ним. Тяжелая дверь захлопнулась, и Тирион Ланнистер остался наедине с отцом. Несмотря на закрытые от ночного воздуха ставни, в комнате веяло холодом. Любопытно знать, что наговорила ему Серсея?

Статью лорд Бобрового Утеса мог поспорить с человеком на двадцать лет моложе его и был даже красив на свой суровый лад. Густые светлые бакенбарды обрамляли чеканное лицо, лысую голову и твердый рот. На шее у него висела цепь из золотых рук, каждая из которых обхватывала запястье другой.

— Красивая цепь, — сказал Тирион, добавив про себя: «Мне она больше шла». Лорд Тайвин оставил шпильку без ответа.

— Сядь-ка лучше. Разумно ли ты поступил, встав с постели?

— Моя постель мне опостылела. — Тирион знал, как отец презирает всякую слабость. Он взобрался на ближайший стул. — Славные у вас покои. А меня, умирающего, поверите ли, перенесли в какую-то темную дыру в крепости Мейегора.

— Красный Замок переполнен свадебными гостями. Как только они разъедутся, мы найдем тебе более пристойное помещение.

— Мне и тут было неплохо. Вы уже назначили день этой замечательной свадьбы?

— Джоффри и Маргери поженятся в первый день нового года, который на сей раз совпадает также с началом нового века. Брачная церемония возвестит зарю нового времени.

Времени Ланнистеров.

— Боюсь, что у меня на этот день другие планы.

— Зачем ты, собственно, пришел — пожаловаться на свою комнату и попотчевать меня своими шуточками? Мне нужно закончить важные письма.

— Не сомневаюсь в их важности.

— Одни битвы выигрываются копьями и мечами, другие — перьями и воронами. Избавь меня от завуалированных упреков, Тирион. Когда ты был при смерти, я навещал тебя так часто, как только позволял мейстер Баллабар. — Лорд Тайвин сложил пальцы домиком. —

Зачем ты, кстати, прогнал его?

— Мейстер Френкен не столь упорно старается держать меня в бесчувственном состоянии, — пожал плечами Тирион.

— Баллабар приехал в город со свитой лорда Редвина. Он считается хорошим целителем. Серсея по доброте своей попросила его заняться тобой. Она боялась за твою жизнь.

«Боялась, что я сохраню ее, следовало бы сказать».

— Несомненно, именно по этой причине она ни разу не навестила меня.

— Не дерзи. Серсея должна готовить королевскую свадьбу, я — вести войну, а ты уже недели две как вне опасности. — Лорд Тайвин взгляделся немигающими светлыми глазами в изуродованное лицо сына. — Хотя рана у тебя, должен признать, страшная. Что за безумие тебя обуяло?

— Враг бил в городские ворота тараном. Если б вылазкой командовал Джейме, вы назвали бы это доблестью.

— У Джейме хватило бы ума не снимать шлем во время боя. Надеюсь, ты убил того, кто нанес тебе этот удар?

— О да, негодяй мертв. — Хотя это заслуга Подрика Пейна: он спихнул сира Мендона в реку, и тот пошел ко дну под тяжестью своих доспехов. — Смерть врага — это неиссякаемая радость. — Но ведь нельзя сказать, что сир Мендон был его врагом. У него не было причин желать Тириону зла. Он был всего лишь орудием, и Тирион думал, что знает, чья рука им орудовала. Кто велел ему позаботиться о том, чтобы Тирион не вышел живым из боя. Но без доказательств лорд Тайвин его и слушать не станет. — Что вас удерживает в городе, отец? Разве вы не должны сражаться с лордом Станнисом, с Роббом Старком или еще с кем-нибудь? — (И чем скорее ты отправишься воевать, тем лучше.)

— Пока лорд Редвин не подтянет свой флот, у нас не хватит кораблей, чтобы штурмовать Драконий Камень. Да это и не к спеху. Солнце Станниса Баратеона закатилось над Черноводной. Что до Старка, то сам мальчуган еще на западе, но большое войско северян под началом Хелмана Толхарта и Роберта Гловера идет на Синий Дол. Я послал лорда Тарли им навстречу, а сир Григор едет вверх по Королевскому тракту, чтобы отрезать им путь к отступлению. Толхарт и Гловер окажутся между ними с одной третьей сил Старка.

— Синий Дол? — Там нет ничего, что стоило бы такого риска. Неужели Молодой Волк наконец совершил промах?

— Тебе не нужно об этом беспокоиться. Ты бледен, как смерть, и сквозь повязку у тебя проступает кровь. Говори, зачем пришел, и возвращайся в постель.

— Зачем я пришел? — Горло у Тириона пересохло и сжалось. «В самом деле, зачем? За тем, чего ты не можешь дать мне, отец». — Под говорит, что Мизинца сделали лордом Харренхолла.

— Это просто титул, ибо замок держит Русе Болтон от имени Робба Старка, но лорд Бейлиш сам того пожелал. Он сослужил нам хорошую службу в деле брачного союза с Тиреллами, а Ланнистеры платят свои долги.

Брачный союз с Тиреллами, собственно говоря, задумал Тирион, но говорить об этом сейчас было бы дурным тоном.

— Этот титул не так пуст, как вы думаете, — заметил он. — Мизинец ничего не делает без веской причины. Но будь по-вашему. Вы, кажется, сказали что-то насчет уплаты долгов?

— И ты тоже хочешь получить свою награду, не так ли? Прекрасно. Чего ты хочешь?

Земли, замок, какой-нибудь пост?

— Для начала хватило бы и простой благодарности.

Лорд Тайвин уставился на него не мигая.

— Обезьяны и скоморохи любят, когда им рукоплещут. Эйерис, впрочем, тоже любил. Ты делал то, что тебе было велено, и делал это насколько мог хорошо, я уверен. Никто не отрицает, что ты сыграл полезную роль.

— Полезную роль? — Как ни мало осталось у Тириона от ноздрей, в этот миг они раздулись. — Мне сдается, это я спас твой паршивый город.

— Большинство полагает, что это мой удар по флангу лорда Станниса изменил ход битвы. Лорды Тирелл, Рован, Редвин и Тарли тоже сражались отважно, и мне сказали, что это твоя сестра Серсея приказала пиромантам изготовить потребное количество дикого огня, который уничтожил флот Баратеона.

— А я, стало быть, все это время дергал волосы из носа, так? — Тирион не смог сдержать своего ожесточения.

— Твоя цепь — это славная выдумка, имевшая решающее значение для нашей победы. Ты это хотел услышать? Говорят, и за союз с Дорном нам тоже следует благодарить тебя. Тебе, наверно, приятно будет узнать, что Мирцелла благополучно прибыла в Солнечное Копье. Сир Арис Окхарт пишет, что она очень подружилась с принцессой Арианной и что принц Тристан очарован ею. Я не в восторге от того, что дом Мартеллов получил заложницу, но без этого, видимо, нельзя было обойтись.

— У нас тоже будет заложник, — сказал Тирион. — Договор предусматривает также место в королевском совете — и если принц Доран, явившись занять его, не приведет с собой армию, он окажется в нашей власти.

— К сожалению, Мартелл потребует от нас не только места в совете. Ты обещал ему еще и возмездие.

— Я обещал ему справедливость.

— Называй как хочешь — все равно без крови не обойдется.

— Ну, этого добра всегда в избытке. В битве я скакал по колено в крови. — Тирион без стеснения перешел к сути дела. — Или Григор Клиган так дорог вам, что вы не в силах с ним расстаться?

— У сира Григора свое назначение, как и у его брата. Каждый лорд время от времени нуждается в хищных зверях... ты тоже, видимо, это усвоил, судя по сиру Бронну и твоим дикарям.

Тирион представил себе Тиметта с выжженным глазом, Шаггу с его топором, Челлу в ожерелье из высушенных ушей и, конечно, Бронна.

— В лесу зверей полным-полно, — заметил он, — и в городских переулках тоже.

— И то верно. Возможно, другие псы окажутся не хуже. Я подумаю над этим. Если у тебя все...

— То вас ждут важные письма. — Тирион встал на свои нестойкие ноги, зажмурился, перебарывая головокружение, и сделал шаг к двери. После он сожалел о том, что не сделал второго и третьего шага. Но он не сделал их, а обернулся и сказал: — Вы спрашивали, чего я хочу? Я скажу вам. Я хочу то, что принадлежит мне по праву: Бобровый Утес.

Рот отца сжался в твердую линию.

— Наследие твоего брата?

— Рыцарям Королевской Гвардии запрещено жениться, иметь детей и владеть землей —

вам это известно не хуже, чем мне. В тот день, когда Джейме надел белый плащ, он отказался от своих прав на Бобровый Утес, но вы так и не пожелали этого признать. А пора бы. Я хочу, чтобы вы перед всей страной провозгласили меня своим сыном и законным наследником.

На Тириона смотрели бледно-зеленые с золотыми искрами глаза, красивые и беспощадные.

— Бобровый Утес, — холодным мертвым голосом произнес лорд Тайвин, а затем: — Не бывать этому.

Слова повисли между ними, как отравленная сталь.

«Я знал ответ еще до того, как спросил, — думал Тирион. — Восемнадцать лет, как Джейме вступил в Королевскую Гвардию, а я ни разу не заговаривал об этом. Должно быть, я знал — знал с самого начала».

— Почему? — через силу выговорил он, хотя и знал, что пожалеет о своем вопросе.

— Ты спрашиваешь «почему»? Ты, убивший свою мать при появлении на свет? Ты, исковерканное, непокорное, презренное существо, созданное из зависти, похоти и низкого коварства? По человеческим законам ты имеешь право носить мое имя и мои цвета, поскольку я не могу доказать, что ты не моя кровь. Боги, чтобы научить меня смирению, обрекли меня смотреть, как ты носишь на себе гордого льва, эмблему моего отца, деда и прадеда. Но ни боги, ни люди не заставят меня отдать тебе Бобровый Утес, чтобы ты превратил его в вертеп разврата.

— Вертеп разврата? — Вот оно что. Теперь Тирион понял, откуда ветер дует. Он стиснул зубы и сказал: — Серсея рассказала вам об Алаяйе.

— Если ее так зовут. Всех твоих шлюх я в памяти удержать не могу. Как звали ту, на которой ты женился мальчишкой?

— Тиша, — с вызовом произнес Тирион.

— А ту, лагерную, на Зеленом Зубце?

— Вам-то что за дело? — Тирион даже имени Шаи не хотел при нем называть.

— Мне до них дела нет, как и до того, будут они жить или подохнут.

— Это вы приказали высечь Алаяйю. — В тоне Тириона не было вопроса.

— Твоя сестра рассказала мне, как ты угрожал моим внукам. — Голос лорда Тайвина стал холоднее льда. — Быть может, она солгала?

Тирион не стал отпираться.

— Да, я угрожал ей, чтобы защитить Алаяйю и помешать Кеттлблэкам дурно обращаться с этой девушкой.

— Желая уберечь шлюху, ты угрожал своему собственному дому и своим родным? Я верно тебя понял?

— Вы сами учили меня, что умелая угроза бывает порой красноречивее удара. На Джоффри, не скрою, у меня руки чесались тысячу раз. Если вам опять захочется высечь кого-то, начните с него. Но Томмен... с чего бы я стал трогать Томмена? Он хороший мальчонка и родня мне.

— Твоя мать тебе тоже была не чужая. — Лорд Тайвин встал, возвышаясь над своим карликом-сыном. — Возвращайся в постель, Тирион, и не говори мне больше о своих правах на Бобровый Утес. Ты получишь свою награду — ту, которую я сочту приличной твоим заслугам и положению. Но запомни: больше дом Ланнистеров я тебе бесчестить не позволю. Со шлюхами покончено. Следующую, кого я застану в твоей постели, я повешу.

Он долго смотрел на приближающийся парус, решая, жить ему или умереть.

Умереть было бы проще. Для этого только и требовалось заползти обратно в свою пещеру и дать кораблю пройти мимо — тогда смерть сама нашла бы его. Его давно уже сжигала лихорадка, исторгая из кишок бурую жижу и посылая ему трясучие, бредовые сны. Каждое утро он просыпался слабее, чем был, и говорил себе: ничего, теперь уж недолго осталось.

А если лихорадка его не убьет, то жажда доконает наверняка. Здесь не было пресной воды, только случайные дожди порой заполняли впадины в камне. Три дня назад (или четыре? На этой скале он потерял счет дням) все эти лужицы пересохли, и вид зыблющегося вокруг зеленовато-серого моря стал почти невыносимым искушением. Он знал, что стоит только начать пить морскую воду, и конец не заставит себя ждать, но с трудом удерживался от этого первого глотка, так иссохло у него в горле. Его спас внезапно налетевший шквал. К тому времени он так ослабел, что мог только лежать под дождем, зажмурив глаза, раскрыв рот и предоставляя воде орошать его потрескавшиеся губы и распухший язык. После этого он немного окреп, а все впадины и трещины острова снова наполнились жизнью.

Но это было три дня назад (или четыре). С тех пор почти вся вода, которую он не успел выпить, испарилась. Завтра ему снова придется лизать ил и мокрые холодные камни на дне впадин.

А если ни жажде, ни лихорадке не удастся его уморить, это сделает голод. Его остров — это голый каменный шпиль, торчащий среди Черноводного залива. Во время отлива он находил порой на каменной отмели, куда его выбросило после битвы, крошечных крабов. Они больно щипали его за пальцы, пока он не разбивал их о камень и не высасывал скудные крохи мяса из их скорлупок.

Но когда прилив заливал отмель, Давосу приходилось взбираться наверх, чтобы его опять не смыло в море. Во время прилива над водой выступала только верхушка скалы высотой в пятнадцать футов, а когда в заливе поднималась волна, брызги взлетали еще выше, и ему не удавалось остаться сухим даже в пещере (которая была, собственно говоря, просто мелкой выемкой под каменным козырьком). На камне не росло ничего, кроме лишайника, и даже морские птицы избегали этого места. Чайки время от времени садились на верхушку шпиля, и Давос пытался поймать их, но они улетали, не давая ему приблизиться. Он кидал в них камнями, но для хорошего броска у него не хватало сил, и даже когда его камень попадал в цель, чайка только возмущенно вскрикивала и поднималась в воздух.

Со своего острова он видел и другие скалы, далекие каменные шпили выше, чем его собственный. Ближайший поднимался на добрых сорок футов над водой, хотя на таком расстоянии Давос не мог судить наверняка. Над ним чайки кружили постоянно, и Давос подумывал, не переплыть ли ему туда, чтобы пограбить их гнезда. Но вода здесь была холодная, течение сильное и коварное, и он понимал, что ему не доплыть. С тем же успехом можно пить морскую воду — так и так пропадать.

По прошлым годам он помнил, что осень в Узком море часто бывает дождливой. Днем, пока солнце светило, было еще терпимо, однако ночи становились все холоднее, и порывистый ветер часто пролетал над заливом, гоня перед собой белые гребни, а Давос трясся, промокший насквозь. Лихорадочный жар и сырой холод чередовались попеременно,

и с некоторого времени Давоса стал мучить раздражающий грудь кашель.

Иного пристанища, кроме мелкой пещерки, у него не было. В отлив на берег часто выносило плавник и обгоревшие обломки кораблей, но ему нечем было высечь огонь. Однажды он с отчаяния попробовал потереть друг о друга две деревяшки, но они были гнилые, и он только мозоли себе натер. Одежда на нем почти не просыхала, один сапог потерялся где-то в море.

Жажда, голод и непогода оставались при нем неотступно, и со временем он стал думать о них как о друзьях. Скоро не один, так другой друг сжалится над ним и прекратит его мучения. А может, он просто однажды войдет в воду и поплывет к берегу, который лежит где-то на севере, за пределами его зрения. Больной и ослабевший, он, конечно, туда не доплывет, но это не имеет значения. Давос всю жизнь был моряком и знал, что умрет в море. Подводные боги его заждались — давно пора ему отправиться к ним.

Но теперь перед ним появился парус — сперва в виде пятнышка на горизонте, потом растущий на глазах. Корабль здесь, где никакого корабля быть не должно. Давос примерно знал, где находится его скала: в целом ряду других, встающих со дна Черноводного залива. Самая высокая из них насчитывает сто футов во время прилива, высота других разнится от тридцати до шестидесяти футов. Моряки называют их копьями сардиньего короля и знают, что на каждое копьё, торчащее над морем, приходится дюжина других, предательски таящихся под водой. Любой капитан в здравом рассудке обходит их стороной.

Давос смотрел своими красными, воспаленными глазами, как приближается к нему парус, и старался расслышать гул надувающего полотно ветра. Корабль шел сюда. Если он не изменит курс, то пройдет на расстоянии окрика от жалкого убежища Давоса. Это может спасти Давосу жизнь — если он захочет. Он еще не решил, как ему быть.

«Для чего мне жить? — думал он, и слезы застилали ему зрение. — Для чего, о боги? Ведь сыновья мои мертвы: Дейл и Аллард, Марик и Маттос, а возможно, и Деван тоже. Пристало ли отцу жить, когда не стало столько его сильных, молодых сыновей? Что может оправдать его жизнь? Я — сухая скорлупа дохлого краба. Неужели боги этого не знают?»

Они шли вверх по Черноводной под знаменами с изображением огненного сердца Владыки Света. Давос на «Черной Бете» находился во второй линии боевого порядка, между «Духом» Дейла и «Леди Марией» Алларда. Марик, его третий сын, был мастером над гребцами на «Ярости» в середине первой линии, Маттос служил помощником на корабле отца. Под стенами Красного Замка корабли Станниса Баратеона вступили в бой с уступающим им численностью флотом малолетнего короля Джоффри, и река огласилась гулом летящих стрел и треском железных таранов, ломающих весла и борта.

Вслед за этим раздался рев, словно исторгнутый из пасти некоего чудовища, и все вокруг вспыхнуло зеленым пламенем. Дикий огонь, пиромантова моча, изумрудный демон. Маттос стоял рядом с отцом на палубе «Черной Беты», когда корабль словно приподняло над водой. Давос оказался в реке, и течение крутило его и несло вниз. Выше по реке огонь поднимался на пятьдесят футов, стремясь в небеса. Давос видел, как горят «Черная Бета», и «Ярость», и еще дюжина кораблей, видел, как охваченные пламенем люди прыгают в воду и тонут. «Дух» и «Леди Мария» исчезли — затонули, развалились на куски либо скрылись за пеленой дикого огня, но Давосу некогда было высматривать их: устье реки приближалось, а поперек устья Ланнистеры натянули огромную железную цепь. От берега до берега тянулись горящие корабли, и дикий огонь плясал между ними. От этого зрелища у Давоса на миг остановилось сердце; он до сих пор помнил треск огня, шипение пара, вопли умирающих и

страшный жар, бьющий ему в лицо толчками, пока течение несло его прямо в ад.

Все, что требовалось от него тогда, — это ничего не делать. Еще несколько мгновений — и он упокоился бы вместе со своими сыновьями в прохладном зеленом иле на дне залива, и рыбы объедали бы его лицо.

Вместо этого он набрал воздуха и нырнул, стремясь к речному дну. Его единственной надеждой было проплыть под цепью, горящими кораблями и пляшущим на воде диким огнем, проплыть и вынырнуть уже в заливе. Давос всегда был хорошим пловцом, и в тот день он не надел на себя ничего железного, кроме шлема, который потерял вместе с «Черной Бетой». Рассекая зеленую мглу, он видел, как тонут другие, которых тянули на дно их кольчуги и доспехи. Давос плыл мимо них, работая ногами изо всех оставшихся у него сил, подчиняясь воле течения, и вода наполняла его глаза. Он погружался все глубже и глубже, и ему становилось все труднее сдерживать дыхание. Он помнил, как увидел дно, мягкое и расплывчатое, и как столб пузырьков вырвался у него изо рта. Что-то задело его ногу — рыба, коряга или утопленник.

Он начинал уже задыхаться, но боялся всплыть, не зная, оставил цепь позади или нет. Если он всплывет под днищем одного из кораблей, ему конец, а плавучий остров дикого огня сразу испепелит ему легкие. Давос перевернулся в воде, чтобы взглянуть наверх, но не увидел ничего, кроме зеленой тьмы, а слишком резкий поворот сбил его с толку, и он перестал понимать, где верх, а где низ. Им овладела паника. Он оттолкнулся руками от дна и поднял облако ила, окончательно ослепившее его. Грудь сдавливало все сильнее. Он барахтался, крутясь, страдая от удушья, он бился и метался в речной грязи, пока силы его не оставили. Он раскрыл рот в безмолвном крике. Вода, отдающая солью, хлынула внутрь, и Давос Сиворт понял, что тонет.

Когда он снова пришел в себя, светило солнце, а он лежал на берегу под голым каменным шпилем. Кругом простирался пустой залив. Рядом с собой он увидел сломанную мачту со сгоревшим парусом и чей-то раздутый труп. Мачту и мертвеца смыло следующим приливом, и Давос остался один на скале, среди копий сардиньего короля.

За долгие годы своего контрабандного промысла он изучил воды вокруг Королевской Гавани лучше любого из домов, которые у него были, и знал, что его убежище — всего лишь точка на морских картах, и значит, она в таком месте, которого чураются все честные моряки... хотя сам Давос и проходил здесь пару раз в былые времена, чтобы остаться незамеченным. Когда его найдут здесь мертвым, если вообще найдут, то эту скалу, возможно, назовут в его честь. Луковая скала, к примеру, — она станет его памятником и его фамильным наделом. Большого он не заслуживает. Отец оберегает своих детей, так учат септоны, а он послал своих сыновей в огонь. Дейл никогда не подарит своей жене ребенка, о котором они молились, девушки Алларда — одна в Королевской Гавани, другая в Браавосе, третья в Старгороде — выплачут себе глаза, Маттос никогда не станет капитаном на собственном корабле, как ему мечталось, Марику никогда не бывать рыцарем.

Как ему жить теперь, когда они все умерли? А с ними вместе множество храбрых рыцарей и знатных лордов — славных людей и благородных, не ему чета. Забирайся в свою пещеру, Давос. Спрячься там, дай кораблю пройти мимо, и сызнава тебя никто уже не беспокоит. Усни на своей каменной постели, и пусть чайки выклюют тебе глаза, а крабы съедят твоё мясо. Ты сам съел их достаточно и теперь в долгу у них. Спрячься, контрабандист. Спрячься, угомонись и умри.

Парус был совсем близко. Скоро корабль уйдет, и он сможет умереть спокойно.

Давос поднял руку к горлу, нащупывая маленькую кожаную ладанку, которую всегда носил на шее. В ней лежали кости четырех его пальцев, которые его король обрубил в тот день, когда посвятил Давоса в рыцари. Его удача. Укороченные пальцы обшарили грудь, но ничего не нашли. Ладанка пропала. Станнис никогда не мог понять, зачем Давос таскает с собой эти кости. «Чтобы всегда помнить о правосудии моего короля», — прошептал Луковый Рыцарь потрескавшимися губами. Теперь их больше нет. Огонь отнял у него не только сыновей, но и удачу, ему до сих пор снилась горящая река и демоны, пляшущие над ней с огненными бичами, и люди, превращающиеся под их ударами в головешки.

— Смилуйся, Мать, — стал молиться Давос. — Помилуй меня, всеблагая, помилуй нас всех. Я потерял свою удачу и своих сыновей. — Он плакал навзрыд, и слезы катились у него по щекам. — Это все огонь... огонь...

Быть может, это ветер налетел на скалу или волна набежала на берег, но Давос Сиворт услышал ее ответ. «Ты сам его призвал, — прошелестела она тихо и печально, как морская раковина. — Ты сжег нас... сжег нас... сжег нас-с-с».

— Это сделала она! — вскричал Давос. — Мать, не оставляй нас. Это она сожгла тебя, красная женщина, Мелисандра! — Он снова видел перед собой жрицу, ее красные глаза, ее длинные медно-красные волосы, ее красное платье, колеблющееся на ходу, как пламя, шуршащее шелком и атласом. Она приехала на Драконий Камень с востока, из Асшая, и навязала своего чужеземного бога королеве Селисе и ее людям, а потом и самому королю, Станнису Баратеону. Король дошел до того, что поместил на своих знаменах огненное сердце Рглора, Владыки Света, Бога Пламени и Теней. А еще он, по настоянию Мелисандры, вытащил Семерых из их септы и сжег их перед воротами замка, и богорощу в Штормовом Пределе тоже спалил — всю, даже сердце-дерево, огромное белое чардерево с вырезанным на нем скорбным ликом.

— Это ее рук дело, — уже тише повторил Давос. «Ее и твоих тоже, Луковый Рыцарь. Это ты отвез ее на лодке в Штормовой Предел глухой ночью, чтобы она родила свое теневое дитя. Ты тоже виновен. Ты повесил ее флаг у себя на мачте. Ты смотрел, как жгли Семерых на Драконьем Камне, и не сказал ни слова. Она предала огню справедливость Отца, и милосердие Матери, и мудрость Старицы, Кузнеца и Неведомого, Деву и Воина, она сожгла их всех во славу своего жестокого бога, а ты стоял и помалкивал. Даже когда она убила мастера Крессена, ты не сделал ничего».

Парус, в сотне ярдах от него, быстро двигался через залив. Еще несколько мгновений — и он, миновав остров, начнет удаляться.

Сир Давос Сиворт полез на свою скалу.

Он цеплялся за нее дрожащими руками, и лихорадка стучала молотками у него в голове. Дважды его искалеченные пальцы сорвались с мокрого камня, и он чуть не упал, но как-то удержался. Если он упадет, ему конец, а он должен жить. Хотя бы немного, но должен. Есть одно дело, которое он должен совершить.

Верхушка скалы была слишком мала, чтобы стать на ней во весь рост при его теперешней слабости, поэтому он присел и замахал своими исхудалыми руками.

— Эй, на корабле, — заорал он под ветер, — сюда, сюда! — Сверху он видел гораздо яснее полосатый корпус, бронзовую фигуру на носу, наполненный ветром парус. На борту значилось название корабля, но читать Давос так и не научился. — Эй, на корабле, — закричал он опять, — помогите, ПОМОГИТЕ!

Матрос на баке увидел Давоса и показал на него рукой. Другие тоже собрались у

планшира, глядя на скалу. Вскоре после этого галера спустила парус, опустила весла на воду и пошла к острову. Она была слишком велика, чтобы причалить к самому берегу, и спустила шлюпку в тридцати ярдах от скалы. Давос, уцепившись за камень, смотрел, как она подходит. Четверо сидели на веслах, пятый на носу.

— Эй ты, на скале, — крикнул этот пятый, оказавшись в нескольких футах от Давоса, — ты кто?

Контрабандист, вылезший из грязи в князи, подумал Давос, дурак, который отрекся от своих богов из любви к своему королю.

— Я... — В глотке у него пересохло, и он разучился говорить. Странно было выговаривать слова и еще более странно их слышать. — Я участвовал в битве. Был капитаном... рыцарем. Да.

— А какому королю вы служили, сир? — спросил человек.

Давос внезапно смекнул, что галера может принадлежать и Джоффри. Если он назовет не то имя, его бросят тут на погибель. Впрочем, нет — корпус у нее полосатый, это лиссенийское судно, корабль Салладора Саана. Это Матерь в своем милосердии послала ее сюда. У Матери есть к нему поручение. «Станнис жив, — понял Давос, — и у меня по-прежнему есть король. И младшие сыновья, и жена, верная и любящая». Как он мог забыть о них? Поистине милосердие Матери не знает предела.

— Станнису, — крикнул Давос лиссенийцу. — Я служу королю Станнису.

— Да, сир. Мы тоже.

Приглашение казалось совершенно невинным, но каждый раз, когда Санса перечитывала его, в животе у нее все сжималось. Теперь королевой будет она, красивая, богатая и всеми любимая, — зачем ей нужно ужинать с дочерью изменника? Возможно, из любопытства; возможно, Маргери Тирелл хочет своими глазами увидеть соперницу, которую победила. Быть может, она невзлюбила Сансу с самого начала? Или думает, что Санса таит обиду на нее?

Санса смотрела из замка, как Маргери со своей свитой поднимается на холм Эйегона. Джоффри встречал свою новую невесту у городских Королевских ворот, чтобы с почетом ввести ее в город, и они ехали бок о бок посреди ликующих толп, Джофф — в сверкающих золоченых доспехах, а девица Тирелл — в зеленом платье и плаще из осенних цветов. Ей шестнадцать лет, у нее карие глаза и каштановые волосы, она стройна и прекрасна. Люди выкрикивали ее имя, протягивали ей детей для благословения, бросали цветы под копыта ее коня... Ее мать и бабушка ехали следом в высокой карете со стенками в виде переплетенных роз, сияющих позолотой, и народ их тоже приветствовал.

Те же самые люди, которые стащили Сансу с коня и убили бы ее, если б не Пес. А ведь Санса не сделала ничего, что могло бы вызвать ненависть народа, как и Маргери Тирелл не сделала ничего, чтобы заслужить его любовь. Может, она хочет, чтобы я тоже ее полюбила? Санса вновь и вновь разглядывала приглашение, написанное, вероятнее всего, собственной рукой Маргери. Хочет получить мое благословение? Любопытно, знает ли Джоффри об этом ужине. Эта затея вполне могла принадлежать ему, и мысль об этом внушала Сансе страх. Если пригласить ее придумал Джофф, за этим наверняка таится какая-то жестокая шутка с целью посрамить ее в глазах новой королевской невесты. Вдруг он снова прикажет своим гвардейцам раздеть ее догола? В последний раз Джоффу помешал его дядя Тирион, но теперь Бес ее не спасет.

Да и никто не спасет, кроме ее Флориана. Сир Донтос обещал устроить ей побег, но произойдет это только в ночь свадьбы Джоффри. Верный рыцарь, превращенный в шута, заверил ее, что он все продумал, но до тех пор надо терпеть — терпеть и считать дни.

И ужинать с моей преемницей.

Возможно, она несправедлива к Маргери Тирелл. Возможно, приглашение — просто проявление доброты и учтивости с ее стороны. Обыкновенный ужин, ничего более. Но это Красный Замок, это Королевская Гавань, это двор короля Джоффри, и если Санса Старк чему-то здесь и научилась, то это недоверию.

Однако приглашение все равно придется принять. Она теперь никто, отставленная невеста, дочь изменника и сестра мятежного лорда. Разве может она отказать будущей королеве?

Жаль, что Пса теперь нет в замке. В ночь битвы Сандор Клиган пришел за ней, чтобы увести ее из города, но Санса не согласилась. Иногда, лежа ночью без сна, она думала, правильно ли тогда поступила. Его испачканный белый плащ она спрятала в кедровый сундук под шелковыми летними платьями, сама не зная зачем. Она слышала, что Пес трусил и так напился в разгаре битвы, что Бесу пришлось принять на себя командование его людьми. Но Санса, зная тайну его обожженного лица, понимала Клигана. Он боится только огня, а в ту ночь на реке бушевал дикий огонь, выбрасывая зеленые языки высоко в воздух.

Сансе даже в замке было страшно, а уж снаружи... даже вообразить трудно.

Санса со вздохом взяла перо и написала Маргери учтивый, выражающий согласие ответ.

В назначенный вечер за ней пришел другой королевский гвардеец, столь же не похожий на Сандора Клигана, как... как цветок на пса. При виде сира Лораса Тирелла, возникшего у нее на пороге, сердце Сансы забилося чуточку быстрее. Она оказалась так близко рядом с ним впервые после его возвращения в Королевскую Гавань. Он командовал авангардом в войске своего отца.

Санса не сразу нашла, что ему сказать, и наконец проговорила:

— Сир Лорас, вы... вы очень красивы.

Он бросил на нее озадаченный взгляд.

— Миледи слишком добра и слишком прекрасна. Моя сестра с нетерпением ожидает вас.

— Я так рада, что мы наконец увидимся.

— И Маргери тоже, и моя леди-бабушка. — Он взял Сансу за руку и повел к лестнице.

— Ваша бабушка? — Сансе было трудно идти, говорить и думать одновременно, да еще когда сир Лорас держит ее за руку. Она чувствовала тепло его пальцев сквозь шелковый рукав.

— Леди Оленна. Она тоже будет ужинать с вами.

— О-о. — (Я говорю с ним, и он прикасается ко мне, и ведет меня за руку.) — Ее еще называют Королевой Шипов, правда?

— Да. — Сир Лорас засмеялся, и она подумала: какой у него славный смех. — Но советую вам не упоминать об этом прозвище в ее присутствии, иначе вы можете уколоться.

Санса покраснела. Какая же она дура! Конечно, ни одной женщине не понравится, если ее будут звать Королевой Шипов. Неужели она в самом деле так глупа, как утверждает Серсея Ланнистер? Санса в отчаянии стала думать, какую бы умную и приятную вещь ему сказать, но в голову, как назло, ничего не приходило. Она чуть не сказала, что он очень красив, но вспомнила, что уже говорила это.

Но он и правда красив. Со времени их первой встречи он как будто стал выше ростом, но остался таким же стройным и грациозным, и Санса ни у одного юноши не видела таких чудесных глаз. Впрочем, он уже не юноша — он взрослый мужчина и рыцарь Королевской Гвардии. По ее мнению, белое шло ему даже больше, чем зелень и золото дома Тиреллов. Единственным цветным предметом в его одежде была застегивающая плащ пряжка, хайгарденская роза из мягкого желтого золота в венке из зеленых яшмовых листьев.

Сир Бейлон Сванн открыл перед ними дверь крепости Мейегора. Он тоже весь в белом, но ему это далеко не так к лицу, как сиру Лорасу. За сухим рвом два десятка человек упражнялись в фехтовании с мечами и щитами. Внешний двор отдали под палатки и павильоны многочисленным гостям, и местом для учебных боев стали маленькие внутренние дворики. Сир Таллад с нарисованными на щите глазами теснил одного из близнецов Редвинов. Тучный сир Кеннос из Кайса, пыхтящий при каждом взмахе своего меча, довольно стойко оборонялся от Осни Кеттлблэка, зато брат Осни сир Осфрид лупил почем зря похожего на лягушку оруженосца Морроса Слинта. Мечи у них, конечно, тупые, но к завтрашнему дню Слинг будет весь в синяках. Санса поморщилась, глядя на них. Только-только успели похоронить тех, кто пал в недавней битве, а они уже готовятся к следующей.

В углу двора одинокий рыцарь с парой золотых роз на щите отбивался сразу от трех противников. На глазах у Сансы он нанес одному из них удар в голову, и тот повалился без

чувств.

— Это ваш брат? — спросила Санса.

— Да, миледи. В учебных боях Гарлан часто сражается сразу с тремя или даже с четырьмя. Он говорит, что в бою ты редко оказываешься с кем-то один на один, поэтому надо быть готовым ко всему.

— Должно быть, он очень храбр.

— Он славный рыцарь и бьется на мечах лучше меня, зато я лучше владею копьем.

— Я помню. В поединке вы были великолепны.

— Миледи очень любезна. Вы имели случай видеть мой поединок?

— Да, на турнире в честь десницы — разве вы не помните? Вы скакали на белом коне, в доспехах с узором из ста разных цветов. Вы подарили мне розу — красную розу, хотя другим девушкам бросали белые. — Санса покраснела, сказав это. — Вы сказали, что ни одна победа не может быть и вполовину так прекрасна, как я.

Сир Лорас скромно улыбнулся.

— Я всего лишь сказал правду. Это увидел бы всякий, у кого есть глаза.

«Он не помнит меня, — поняла Санса. — Он только старается быть любезным, а сам не помнит ни меня, ни розы, ни всего остального». Напрасно она думала, что в этом есть какой-то смысл — нет, не какой-то, а вполне определенный. Ведь роза была красная, а не белая.

— Это было после того, как вы выбили из седла сира Робара Ройса, — в отчаянии произнесла она.

Он отпустил ее руку.

— Я убил Робара у Штормового Предела, миледи. — Это не было похвальбой — в его голосе звучала печаль.

Его и еще одного рыцаря Радужной Гвардии Ренли. Санса слышала, как судачат об этом женщины у колодца, но потом забыла.

— Это случилось, когда был убит лорд Ренли, верно? Какой удар для вашей бедной сестры.

— Для Маргери? Да, конечно. Впрочем, она была тогда у Горького моста и ничего не видела.

— Все равно, когда ей сказали...

Сир Лорас провел рукой по рукояти своего меча, обтянутой белой кожей, с эфесом в виде алебастровой розы.

— Ренли мертв и Робар тоже. Зачем о них вспоминать?

Резкость его тона ошеломила ее.

— Я... я не хотела вас обидеть, милорд.

— И не могли бы, леди Санса. — Но в его голосе больше не было тепла, и он не стал больше брать ее за руку.

По наружной лестнице они поднимались молча.

Ну зачем ее угораздило упомянуть о сире Робаре? Теперь она все испортила. Заставила его рассердиться. Ей хотелось сказать что-нибудь, чтобы поправить дело, но все приходившие в голову слова казались ей неуклюжими и вялыми. Уж лучше помолчать, чтобы не сделать еще хуже.

Лорда Мейса с его домочадцами поместили за королевской септой, в длинном здании под сланцевой крышей, прозванным Девичьим Склепом после того, как король Бейелор Благословенный заточил там своих сестер, дабы их вид не внушал ему плотских помыслов. У

высоких резных дверей стояли двое часовых в золоченых полушлемах и зеленых плащах с каймой из золотистого атласа, с розой Хайгардена на груди. Оба были молодцы семи футов ростом, широкие в плечах, узкие в поясе, с великолепными мускулами. Лицом они походили друг на друга как две капли воды — те же крепкие челюсти, синие глаза и густые рыжие усы.

— Кто это? — спросила она сира Лораса, забыв на миг о своем конфузе.

— Личная стража моей бабушки. Их зовут Эррик и Аррик, но бабушка не может их различить и поэтому называет Левый и Правый.

Левый и Правый отворили двери, и Маргери Тирелл сама сбежала по короткой лестнице навстречу вошедшим.

— Леди Санса, как я рада, что вы пришли. Добро пожаловать.

Санса опустилась на колени перед будущей королевой.

— Ваше величество оказывает мне великую честь.

— Пожалуйста, встаньте. И зовите меня просто Маргери. Лорас, помоги леди Сансе подняться. Можно, я тоже буду звать вас Сансой?

— Как вам будет угодно.

Сир Лорас помог Сансе встать. Маргери отпустила его, чмокнув в щеку, и взяла Сансу за руку.

— Пойдемте. Бабушка ждет нас, а она не самая терпеливая из дам.

В камине трещал огонь, пол был усыпан душистым свежим тростником. Вокруг длинного стола на козлах сидело около дюжины женщин.

Санса узнала только высокую, статную супругу лорда Тирелла, леди Алерию, с высоко уложенной и украшенной драгоценностями серебряной косой.

Маргери представила ей остальных. Три кузины Тиреллов, Мегга, Элла и Элинор, были примерно одного с Сансой возраста. Пышнотелая леди Янна, сестра лорда Тирелла, состояла в браке с одним из Фоссовеев зеленого яблока, хрупкая, с блестящими глазами леди Леонетта, тоже из Фоссовеев, была женой сира Гарлана. Септа Несторика, рябая и дурная собой, искупала недостаток красоты веселым нравом, бледная томная леди Грейсфорд ожидала ребенка, маленькая леди Бульвер сама была ребенком не старше восьми лет. «Мерри» следовало называть озорную пухленькую Мередит Крейн, но отнюдь не леди Мерривезер, смуглую и черноглазую мирийскую красавицу.

В конце концов Сансу подвели к высохшей, белоголовой, похожей на куклу старушке, сидящей во главе стола.

— Имею честь представить вам мою бабушку леди Оленну, вдову лорда Лютора Тирелла, память о котором всегда живет в наших сердцах.

От старушки пахло розовой водой. Какая она маленькая, подумала Санса, и совсем непохоже, что у нее колючий нрав.

— Поцелуй меня, дитяtko. — Леди Оленна взяла руку Сансы своей, мягкой и покрытой коричневыми пятнами. — Ты очень добра, что согласилась поужинать со мной и моим курятником.

Санса послушно поцеловала ее в щеку.

— Это вы проявили доброту, пригласив меня, миледи.

— Я знавала твоего деда, лорда Рикарда, хотя и не слишком близко.

— Он умер еще до моего рождения.

— Я знаю, дитя. Говорят, и твой дед Талли тоже при смерти. Лорд Хостер — тебе ведь сказали об этом? Что ж, он уже старик, хотя и не так стар, как я. Но в конце концов ночь

настает для всех нас, а для некоторых слишком скоро. Ты почувствовала это сильнее многих других, бедное дитя. На твою долю пришлось много горя. Мы все скорбим о твоих утратах.

— А меня глубоко опечалила весть о смерти лорда Ренли. Он был настоящим рыцарем.

— Я признательна вам за сочувствие, — сказала Маргери, а леди Оленна фыркнула.

— О да, рыцарь, и любезник, и большой чистюля. Мылся без конца, умел одеваться и улыбаться и почему-то думал, что все это делает его королем. У Баратеонов вечно странные мысли в голове — это, наверно, от таргариеновской крови. Меня хотели когда-то выдать за Таргариена, но я это мигом пресекла.

— Ренли был отважен и добр, бабушка, — сказала Маргери. — Отец любил его и Лорас тоже.

— Лорас молод. Он хорошо умеет вышибать людей палкой из седла, но это еще не делает его умным. Что до твоего отца, то жаль, что я не крестьянка и у меня нет большой поварешки — авось я вбила бы немного разума ему в голову.

— Матушка, — с укором молвила леди Алерия.

— Не надо говорить со мной таким тоном, Алерия, и не называй меня матушкой. Если бы я родила тебя на свет, я бы об этом помнила, но меня следует винить только за твоего мужа, лорда-олуха Хайгарденского.

— Бабушка, выбирайте слова, — взмолилась Маргери. — Что Санса о нас подумает?

— Подумает, что мы не лишены рассудка — по крайней мере одна из нас. Я говорила им, что это измена, — продолжала старушка, обращаясь к Сансе, — ведь у Роберта двое сыновей, и у Ренли есть старший брат — как он может претендовать на этот ужасный Железный Трон? А сын мне — ш-ш, разве вы не хотите, чтобы ваша душечка стала королевой? Вы, Старки, когда-то были королями, и Аррены тоже, и Ланнистеры, и даже Баратеоны, по женской линии, но Тиреллы выше стюардов не поднимались, пока Эйгон Завоеватель не испек законного короля Претора на Огненном Поле. Даже наши права на Хайгарден, надо признаться, не бесспорны, как всегда заявляли эти страшилы, Флоренты. Какая разница, спросишь ты, — и верно, никакой, разве что для таких олухов, как мой сын. Мысль о том, что его внук может когда-нибудь усесться на Железный Трон, заставляет его пыжиться, словно... как бишь ее? Маргери, ты у нас умница — скажи своей выжившей из ума бабке, как называется та рыба с Летних островов, которая раздувается вдесятеро против своей величины, если ее тронуть.

— Дутая рыба, бабушка.

— Ну еще бы. У этих островитян нет никакого воображения. Моему сыну следовало бы взять своей эмблемой эту дутую рыбу. Увенчал бы ее короной, как Баратеоны своего оленя, — возможно, это осчастливило бы его. По мне, так нам надо было держаться подальше от всей этой кровавой каши, но когда корову уже подоили, сливки обратно в вымя не вернешь. Как только лорд Дутая Рыба надел эту корону на голову Ренли, мы увязли по уши, и теперь приходится выбираться. А ты что на это скажешь, Санса?

Санса открыла рот и закрыла опять, сама себя чувствуя дутой рыбой.

— Тиреллы ведут свой род от Гарта Зеленой Руки, — только и пришло ей в голову.

Королева Шипов снова фыркнула.

— Так же, как Флоренты, Рованы, Окхарты и половина других южных домов. Гарт бросал свое семя в плодородную почву. Думаю, у него не только руки были зеленые.

— Санса, — вмешалась леди Алерия, — вы, должно быть, проголодались. Не хотите ли отведать свинины и лимонных пирожных?

— Лимонные пирожные — мои любимые, — призналась Санса.

— Нам так и сказали. — Леди Оленна, видимо, не собиралась позволять заткнуть себе рот. — Этот Варис, кажется, полагает, что мы должны быть благодарны ему за сведения, которые он доставляет. Никогда не могла понять, зачем существуют евнухи. Если взять мужчину и отрезать все полезное, что получится? Алерия, прикажи подавать еду — голодом ты нас, что ли, уморить хочешь? Садись рядом со мной, Санса. Со мной куда менее скучно, чем с ними со всеми. Надеюсь, дураки тебе по душе?

Санса расправила юбки и села.

— Дураки, миледи? Вы имеете в виду шутов?

— Ну да — а ты думала, о ком я? О моем сыне? Или об этих прелестных дамах? Нет, не красней — от этого ты со своими волосами становишься похожа на гранат. Все мужчины, по правде говоря, дураки, но шуты забавнее тех, кто носит короны. Маргери, дитя мое, позови Маслобая — посмотрим, не заставит ли он леди Сансу улыбнуться. А вы все садитесь — или я каждый шаг должна вам подсказывать? Санса может подумать, что мою внучку окружают одни овцы.

Маслобой явился еще до того, как начали подавать, весь в зеленых и желтых перьях и с пышным гребнем на голове. Невероятно толстый, с трех лунатиков величиной, он вкатился в зал колесом, прыгнул на стол и положил прямо перед Сансой огромное яйцо.

— Разбейте его, миледи. — Санса разбила, и из яйца выскочила целая дюжина цыплят, которые разбежались во все стороны. — Держи их! — завопил Маслобой. Маленькая леди Бульвер схватила одного и подала ему, а шут запрокинул голову, разинул свой огромный рот и запихнул туда цыпленка целиком. Потом он рыгнул, и из носа у него полетели желтые перышки. Леди Бульвер расплакалась, но ее слезы тут же сменились восторженным визгом: цыпленок вылез из рукава ее платья и побежал по руке.

Слуги внесли суп с зеленым луком и грибами, Маслобой начал жонглировать, а леди Оленна, поставив локти на стол, подалась к Сансе.

— Ты ведь знаешь моего сына? Лорда Дутую Рыбу из Хайгардена?

— Он великий лорд, — учтиво ответила Санса.

— Великий олух. И отец его, мой муж, покойный лорд Лютор, тоже был олухом. О, я любила его, пойми меня правильно. Он был добрый и в постели неплох, но все равно дурак набитый. Умудрился свалиться с утеса вместе с конем во время соколиной охоты. Говорят, смотрел только на небо и не видел, куда конь его несет. А теперь мой олух-сын делает то же самое, только вместо коня под ним лев. Взобраться на льва легко, а вот попробуй с него слезть. Я его предупреждала, а он только ухмыляется. Если у тебя будет сын, Санса, бей его почаще, чтобы научился тебя слушаться. У меня он единственный мальчик, и я его почти совсем не била, вот он и слушает больше Маслобая, чем меня. Я говорю ему, что лев — это не котенок, а он мне все «ш-ш» да «ш-ш». Слишком уж много шиканья в этом государстве, если хотите знать. Все эти короли поступили бы гораздо умнее, если бы отложили свои мечи и прислушались к своим матерям.

Санса поймала себя на том, что рот у нее снова открыт, и отправила туда ложку супа. Леди Алерия и другие тем временем хихикали, глядя, как Маслобой балансирует апельсинами на голове, локтях и своим необъятном заду.

— Я хочу, чтобы ты сказала мне правду об этом короле-мальчишке, — внезапно молвила леди Оленна. — О Джоффри.

Санса стиснула в пальцах ложку. «Правду? Нет, я не могу. Пожалуйста, не спрашивайте

меня».

— Я... Я...

— Ты, ты. Кому же лучше знать? Держится он, в общем, по-королевски, надо отдать ему должное. Немножко самовлюблен, но это в нем ланнистерская кровь сказывается. Однако до нас дошли кое-какие тревожные слухи. Есть в них правда или нет? Он в самом деле дурно с тобой обращался?

Санса затравленно огляделась. Маслобой засунул в рот целый апельсин, разжевал его, проглотил, хлопнул себя по щеке, и у него из носа вылетели семечки. Женщины смеялись, слуги сновали туда-сюда, и стук ложек отзывался эхом в Девичьем Склепе. Один цыпленок вскочил обратно на стол и забрался в суп леди Грейсфорд. Никто как будто не обращал внимания на их разговор, но Санса все равно боялась.

Терпение леди Оленны истощилось.

— Чего ты пялишь глаза на Маслобая? Я задала тебе вопрос и жду ответа. Или Ланнистеры тебя языка лишили?

Сир Донтос предупреждал ее, что говорить откровенно можно только в богороще.

— Джофф... король Джоффри... его величество очень хорош собой и... храбр как лев.

— Ну да, каждый Ланнистер — лев, а когда Тирелл пускает ветры, пахнет розами. Но умен ли он? Доброе ли у него сердце, щедрая ли рука? Насколько он рыцарь? Будет ли он любить Маргери, лелеять ее и беречь ее честь, как свою?

— Да, конечно. Он очень... очень мил.

— Да-а. Знаешь, дитя мое, кое-кто говорит, будто ты такая же дурочка, как наш Маслобой, и я начинаю этому верить. Мил! Я хочу надеяться, что внушила моей Маргери, чего стоит эта милота. Ослиного рева она не стоит. Эйерион Огненный тоже был красавцем, и это не мешало ему быть чудовищем. Вопрос в том, кто такой Джоффри. — Старая леди дернула за рукав шедшего мимо слугу. — Я не люблю лук. Унеси этот суп и принеси мне сыру.

— Сыр подадут после сладкого, миледи.

— Его подадут, когда я захочу, а я хочу сейчас. Может, ты боишься, дитя? Не бойся — ведь тут одни женщины. Скажи мне правду — тебе ничего за это не будет.

— Мой отец всегда говорил правду. — Санса сказала это тихо, но слова все равно дались ей с трудом.

— Да, лорд Эддард имел такую репутацию, но его объявили изменником и сняли с него голову. — Глаза старухи пронизывали Сансу, острые и блестящие, как острия мечей.

— Джоффри. Это сделал Джоффри. Он обещал мне быть милосердным, а сам отрубил голову моему отцу. Он сказал, что это и есть милосердие, и повел меня на стену, чтобы показать мне голову отца. Он хотел, чтобы я плакала, но... — Санса осеклась и прикрыла рот рукой. «Что я говорю боги праведные, они узнают, они услышат, кто-нибудь донесет на меня».

— Продолжайте. — Это сказала Маргери, будущая королева Джоффри. Санса не знала, много ли та слышала из ее слов.

— Не могу. — (Вдруг она ему скажет? Тогда уж он точно убьет меня. Или отдаст сиру Илину.) — Я не хотела... мой отец был изменником, и брат мой изменник, и во мне течет их черная кровь. Пожалуйста, не принуждайте меня говорить.

— Успокойся, дитя мое, — властно молвила Королева Шипов.

— Она в ужасе, бабушка, — взгляните на нее.

— Эй, дурак! — крикнула старушка. — Спой-ка нам песню, да подлиннее. «Медведь и прекрасная дева» подойдет в самый раз.

— Еще как подойдет! — согласился шут. — Прикажете петь, стоя на голове, миледи?

— А что, от этого песня будет лучше звучать?

— Нет.

— Тогда пой, стоя на ногах, не то с тебя шапка свалится, а голову ты, сколько я помню, отродясь не мыл.

— Как прикажете, миледи. — Маслобой низко поклонился, громогласно рыгнул, выпятил живот и заревел: — «Жил-был медведь, косолапый и бурый! Страшный, большой и с мохнатою шкурой!»

Леди Оленна нагнулась к Сансе.

— Я, еще будучи моложе тебя, знала, что в Красном Замке стены имеют уши. Прекрасно — пусть они слушают песню, а мы тем временем посплетничаем.

— Но Варис... он всегда все знает...

— Громче пой! — крикнула Королева Шипов Маслобою. — Ты же знаешь, как я туга на ухо. Нечего шептать, я не за шепот тебе плачу. Пой!

— *Медведь, медведь!* — грянул Маслобой, и его громовой бас эхом отразился от стропил. — *Однажды на ярмарку двинулся люд, подался весь люд и медведя зовут!*

— В наших хайгарденских цветниках водятся пауки, — улыбнулась старушка. — Пока они никому не мешают, мы позволяем им ткать свою паутину, но когда они попадают на дороге, их раздавливают ногой. — Она похлопала Сансу по руке. — Ну, дитя, теперь правду. Что он за человек, этот Джоффри, Баратеон по имени, но Ланнистер с виду?

— *Проходим, проезжим — всем любо глядеть, как пляшут три парня, козел и медведь!*

У Сансы сердце подступило к горлу. Королева Шипов придвинулась так близко, что она чувствовала ее по-старчески кисловатое дыхание. Костлявые пальцы впились Сансе в запястье. Маргери по другую сторону тоже вся обратилась в слух. Сансу пронизала дрожь.

— Он чудовище, — прошептала она, еле разбирая собственные слова. — Он оболгал сына мясника и заставил батюшку убить мою волчицу. Когда я вызывала его недовольство, он приказывал своим гвардейцам бить меня. Он зол и жесток, миледи. И королева такая же.

Леди Оленна и ее внучка переглянулись.

— Вот как, — сказала старушка. — Жаль.

О боги, в ужасе подумала Санса. Если Маргери откажется за него выйти, Джофф поймет, что это из-за меня.

— Пожалуйста, — выпалила она, — не отменяйте свадьбу...

— Можешь быть спокойна. Лорд Дутая Рыба вбил себе в голову, что Маргери будет королевой, а слово Тирелла стоит дороже, чем все золото Бобрового Утеса. Так по крайней мере было в мое время. Но все равно спасибо тебе за правду, дитя.

— *Вертелись, крутились, плясали, скакали и дорогу на ярмарку так скоротали!* — ревел, притопывая ногами, Маслобой.

— Санса, не хочешь ли ты побывать в Хайгардене? — Улыбаясь, Маргери Тирелл становилась очень похожей на своего брата Лораса. — Сейчас там цветут осенние цветы, там роши и фонтаны, тенистые беседки и мраморные колоннады. При дворе моего лорда-отца всегда бывают певцы получше нашего Маслобая, и волинщики, и скрипачи, и арфисты. У нас лучшие в стране кони и есть лодки, на которых катаются по Сандеру. Умеешь ты охотиться с соколами, Санса?

— Немного.

— *Прекрасная дева навстречу идет, и пышные кудри ее словно мед!*

— Ты полюбишь Хайгарден так же, как я люблю, я знаю. — Маргери отвела с лица Сансы выбившуюся прядку волос. — Увидев его, ты уже не захочешь уезжать оттуда. А может быть, тебе и не придется.

— погоди, дитяtko, — прервала внучку леди Оленна. — Санса еще не сказала, хочет ли она побывать у нас.

— Очень хочу. — Хайгарден представлялся Сансе местом, о котором она всегда мечтала, волшебным дворцом, который она когда-то надеялась найти в Королевской Гавани.

— *Тут носом задергал красавец наш бурый, страшный, большой и с мохнатою шкурой! Ах, бедная дева, увы ей и ах! Учужал он мед у нее в волосах!*

— Но королева ни за что меня не отпустит...

— Отпустит. Без Хайгардена Ланнистерам Джоффри на троне не удержать. Если мой сын, лорд-олух, попросит ее, ей придется дать разрешение.

— А он попросит?

— Куда он денется? — фыркнула леди Оленна. — Конечно, о нашей истинной цели ему знать незачем.

— *Учужал он мед у нее в волосах!*

Санса наморщила лоб.

— Истинной цели, миледи?

— Да, дитя мое. Я хочу выдать тебя замуж за моего внука.

За сира Лораса! О-о! У Сансы перехватило дыхание. Ей вспомнилось, как он, в своих сверкающих сапфировых доспехах, бросил ей розу, а потом он представился ей в белом шелковом плаще, чистый, невинный и прекрасный. Когда он улыбается, в углах его рта появляются ямочки. У него чудесный смех и теплая рука. Она могла только воображать, каково будет коснуться гладкой кожи у него под рубашкой, встать на цыпочки и поцеловать его, запустить пальцы в его густые каштановые кудри и утонуть в его карих глазах. Санса зарделась до самых корней волос.

— *Пристало ли деве подолом вертеть? Не стану плясать я с тобою, медведь!*

— Ты хочешь этого, Санса? — спросила Маргери. — У меня никогда не было сестры, только братья. Соглашайся, пожалуйста, скажи, что хочешь выйти за моего брата.

— Да, хочу, — пролепетала Санса. — Хочу больше всего на свете. Выйти за сира Лораса и любить его...

— Лорас? — раздраженно повторила старая леди. — Не будь дурочкой, дитя мое. Рыцарю Королевской Гвардии нельзя жениться — разве в Винтерфелле тебя этому не учили? Речь идет о моем внуке Уилласе. Он, правда, немного староват для тебя, но все равно славный мальчик. Вот уж кто у нас не олух — и притом он наследник Хайгардена.

У Сансы закружилась голова. Только что она была полна мечтами о Лорасе, и вдруг их так жестоко отняли у нее. Уиллас? Кто такой Уиллас? Учтивость — доспехи дамы, вспомнилось ей. Нельзя обижать их — надо тщательно выбирать слова.

— Я не имею удовольствия быть знакомой с сиром Уилласом, миледи. Он... столь же прославленный рыцарь, как его братья?

— *Схватил он ее и давай вертеть! Медведь, медведь, косолапый медведь!*

— Нет, — сказала Маргери. — Он не давал рыцарского обета.

— Скажи девочке правду, — нахмурилась ее бабушка. — Наш бедный мальчик — калека.

— Несчастье случилось на его первом турнире, когда он был еще оруженосцем, — объяснила Маргери. — Его конь упал и раздробил ему ногу.

— Всему виной этот змей — дорниец, Оберин Мартелл. И мейстер тоже.

— *Мне грезился рыцарь, а ты косматый, бурый, и страшный, и косолапый!*

— У брата больная нога, но сердце доброе, — сказала Маргери. — Он читал мне, когда я была маленькая, и рисовал мне звезды. Ты его полюбишь, как любим мы, Санса.

— *Она и брыкалась, она и визжала, но все ж от медведя не убежала. Плясал с нею буши весь день напролет и с пышных кудрей ее слизывал мед!*

— Когда я смогу с ним встретиться? — в замешательстве спросила Санса.

— Скоро, — заверила ее Маргери. — Когда приедешь в Хайгарден после нашей с Джоффом свадьбы. Бабушка отвезет тебя туда.

— Отвезу, — подтвердила старушка, трепля Сансу по руке и улыбаясь всем своим сморщенным личиком. — Непременно отвезу.

— *Кричит она: милый ты мой, косматый, мой расчудесный медведь косолапый! На парочку эту всем любо глядеть: прекрасная дева и бурый медведь!* — Маслобой проревел заключительные строки, перекувыркнулся в воздухе и прыгнул на обе ноги с таким грохотом, что задребезжали винные чаши на столе. Женщины смеялись и хлопали в ладоши.

— Я думала, эта ужасная песня никогда не кончится, — сказала Королева Шипов. — А вот и мой сыр несут.

В сером, окутанном сумраком мире пахло сосной, мхом и холодом. Бледный туман поднимался от черной земли, пока всадники пробирались между камней и кривых деревьев вниз, к манящим кострам, разбросанным по дну речной долины. Огней было больше, чем Джон Сноу мог сосчитать — сотни и тысячи, словно вторая, огненная, река разлилась вдоль берегов и белых вод Молочной. Джон разжал и снова сжал пальцы правой руки.

Они спускались с холмов без знамен и труб. Тишину нарушали только далекий лепет реки, стук копыт да лязг костяных доспехов Гремучей Рубашки. Вверху на широких серо-голубых крыльях парил орел, внизу двигались лошади с седоками, собаки и один белый лютоволк.

Со склона, потревоженный копытом, сорвался камень, и Призрак повернул голову на неожиданный звук. Весь день он держался от всадников на расстоянии, по своей привычке, но, когда над гвардейскими соснами поднялась луна, прибежал, светя своими красными глазами. Собаки встретили его рычанием и неистовым лаем, как всегда, но лютоволк не обращал на них внимания. Шесть дней назад самый крупный пес напал на него сзади, когда одичалые остановились на ночлег, но Призрак повернулся, лязгнул зубами, и пес отлетел прочь с окровавленной ляжкой. С тех пор вся свора держалась от волка подальше.

Конь Джона тихо заржал, но Джон успокоил его лаской и тихими словами, жаль, что нельзя с такой же легкостью заговорить собственные страхи. Он одет в черное, цвет Ночного Дозора, но со всех сторон его окружают враги. Одичалые. Теперь он один из них. На Игритт надет плащ Куорена Полурукого, его кольчуга досталась Леналу, перчатки — здоровенной копейщице Рагвил, сапоги — одному из лучников. Шлем выиграл коротышка по имени Рик Длинное Копье, но он не сумел приладить его на свою узкую голову и отдал Игритт. А Гремучая Рубашка везет в мешке кости Полурукого вместе с окровавленной головой Эббена. Еще совсем недавно Джон отправился с ними в разведку на Воющий перевал. Теперь все они мертвы, кроме него, и он тоже все равно что умер.

Впереди него ехал Рик, позади Игритт. Костяной Лорд приказал им охранять его. «Если ворона улетит, я и ваши кости выварю в котле», — посулил он им перед отъездом, улыбаясь сквозь кривые зубы великанского черепа, служившего ему шлемом. «Раз ты такой умный, стереги его сам, — огрызнулась Игритт. — А если хочешь, чтоб это делали мы, оставь нас в покое».

Да уж, поистине вольный народ. Гремучая Рубашка — их вожак, но никто из них, отвечая ему, за словом в карман не лезет.

Теперь Костяной Лорд смотрел на Джона столь же недружелюбно, как и тогда.

— Их ты, может, и провел, ворона, но Манса не проведешь. Он только глянет на тебя и сразу узнает, что ты врешь. Когда это случится, я сделаю плащ из твоего волка, а потом вскрою твой мягкий ребячий животик и зашью туда ласку.

Джон сжал руку, разминая обожженные пальцы, но Рик только посмеялся.

— Где ты возьмешь ласку в снегу-то?

В первую ночь, после целого дня езды, они разбили лагерь в мелкой каменной чаше на вершине безымянной горы. Тогда и пошел снег, заставив всех сбиться поближе к костру. Джон смотрел, как тают снежинки, падая в огонь. Он промерз до костей, несмотря на многочисленные слои шерсти, меха и кожи. Игритт, поев, села рядом с ним. Она надвинула

капюшон пониже и сунула руки в рукава.

— Когда Манс услышит, как ты разделался с Полуруким, он тебя сразу примет, — сказала она.

— Куда примет?

— Да к нам же, — фыркнула она. — Думаешь, ты первая ворона, которая перелетает через Стену? В душе вы все хотели бы улететь на волю.

— А когда и я стану вольным, — спросил ее Джон, — буду я волен уйти?

— Ясное дело. — Улыбка у нее была славная, несмотря на неровные зубы. — А мы будем вольны тебя убить. Воля — штука опасная, но со временем ты привыкаешь к ее вкусу. — Она положила руку в перчатке на его ногу повыше колена. — Вот увидишь.

«Да, я увижу, — подумал Джон. — Увижу, услышу, узнаю, а когда накоплю побольше знаний, двинусь обратно к Стене». Для одичалых он клятвопреступник, но в душе остается братом Ночного Дозора, исполняющим последний долг, который возложил на него Куорен Полурукий перед тем, как Джон его убил.

Спустившись, они выехали к ручью, впадающему в Молочную. Его каменистое русло затянулось льдом, но слышно было, как журчит внизу вода. Вслед за Гремучей Рубашкой они переехали на тот берег, ломая тонкий ледок.

Там их встретили дозорные Манса-Разбойника. Джон оценил их с первого взгляда: восемь конных, мужчин и женщин, в шкурах и вареной коже, лишь кое на ком заметны шлем или кольчуга. Вооружены они копьями и закаленными в огне пиками — только у вожака, рыхлого белокурого человека с водянистыми глазами, имеется большой серп из остро отточенной стали. Плакальщик, сразу догадался Джон. Среди черных братьев о нем ходят легенды. Знаменитый разбойник вроде Гремучей Рубашки, Хармы Собачьей Головы и Альфина Убийцы Ворон.

— Здорово, Костяной Лорд. — Плакальщик смерил взглядом Джона и его волка. — А это кто?

— Перелетная ворона, — сказал Гремучая Рубашка, который предпочитал, чтобы его называли Костяным Лордом, поскольку он носил доспехи из костей. — Он боится, как бы я и его кости не взял себе заодно с мослами Полурукого. — Он потряс мешком со своими трофеями.

— Это он убил Полурукого, — сказал Рик Длинное Копье. — Он и его волк.

— И Орелла прикончил, — добавил Гремучая Рубашка.

— Этот парень оборотень или вроде того, — вставила копыеносица Рагвил. — Волк вырвал кусок мяса из ноги Полурукого.

Плакальщик еще более пристально посмотрел на Джона своими красными слезящимися глазами.

— Вон как? Да, он волчьей породы, я вижу. Ведите его к Мансу — может, тот его и оставит. — Он развернул коня и поскакал прочь, а его люди устремились за ним.

Тяжелый сырой ветер сопровождал их, пока они ехали гуськом через речной лагерь. Призрак бежал рядом с Джоном, но собаки, всполошенные его запахом, напирали со всех сторон, рыча и лая. Ленал прикрикнул на них, но это не помогло.

— Твой зверь им не шибко понравился, — сказал Рик Джону.

— Они собаки, а он волк, — ответил Джон. — Они знают, что он не их породы. — (А я — не вашей.) Но он должен помнить о долге, который возложил на него Куорен Полурукий, когда они сидели у своего последнего костра: сыграть роль предателя и разузнать, что нужно

было одичалым на голых холодных высотах Клык Мороза. «Там таится некая сила», — сказал Куорен Старому Медведю. Он погиб, так и не узнав, в чем она заключается и нашел ли что-нибудь Манс-Разбойник после своих раскопок в горах.

Вдоль реки, между телегами и санями, горели костры. Одни одичалые поставили палатки из шкур и замши, другие на скорую руку сооружали шалаши или спали под своими повозками. Один человек обжигал на костре длинные деревянные копыя и складывал их в кучу. Двое молодых бородатых парней в вареной коже бились на шестах, перескакивая через огонь и ухая при каждом ударе. Около дюжины женщин, сидя кружком, оперяли стрелы.

Стрелы для моих братьев, подумал Джон. Для людей моего отца, для жителей Винтерфелла, Темнолесья и Последнего Очага. Стрелы для Севера.

Однако не все, что он видел, напоминало о войне. Женщины плясали у костров, плакал грудной младенец, перед конем Джона бежал весь закутанный в меха запыхавшийся мальчуган. Овцы и козы бродили без привязи, волы рыли копытами речной берег, отыскивая траву. От одного костра пахло жареной бараниной, над другим на деревянном вертеле поворачивали свиную тушу.

На открытом месте, окруженном высокими гвардейскими соснами, Гремучая Рубашка спешился.

— Станем тут, — сказал он Леналу, Рагвил и остальным. — Покормите сперва лошадей, потом собак, потом сами поешьте. Игритт, Долгое Копье, ведите ворону к Мансу, пусть сам поглядит. Брюхо мы этой птице всегда успеем вспороть, если что не так.

Оставшуюся часть пути они проделали пешком, идя мимо новых костров и палаток. Призрак бежал за ними по пятам. Джон никогда еще не видел столько одичалых и не думал, чтобы кто-то другой видел. Их лагерю просто конца нет — но это скорее сто лагерей, чем один, и каждый из них уязвимее другого. Одичалые растянулись на много лиг, а настоящей обороны у них нет — ни ям, ни кольев, только маленькие дозорные отряды разъезжают вокруг колонны. Каждый клан или деревня останавливаются, где хотят, как только увидят, что другие тоже остановились, или просто найдут подходящее место. Одно слово, вольный народ. Если бы братья Джона застали бы их вот так, на ночлеге, многие бы поплатились за эту волю собственной жизнью. Одичалых много, но Ночной Дозор силен дисциплиной, а в бою дисциплина побивает численность в девяти случаях из десяти, как говорил Джону отец.

Королевский шатер он узнал сразу — тот был втрое больше всех остальных, и оттуда слышалась музыка. Как и многие другие палатки, шатер был составлен из сшитых мехом наружу шкур, но у Манса это были шкуры белых медведей. Верхушку венчала пара огромных рогов гигантского лося, одного из тех, что во времена Первых Людей свободно разгуливали по Семи Королевствам.

Здесь по крайней мере имелась охрана — двое часовых стояли у входа в шатер, опершись на длинные копыя, с круглыми кожаными щитами, пристегнутыми к рукам. Увидев Призрака, один из них взял копье наперевес и сказал:

— Зверь пусть остается снаружи.

— Жди меня здесь, Призрак, — приказал Джон, и волк сел.

— Постереги его, Долгое Копье. — Гремучая Рубашка откинул входное полотнище и сделал знак Джону и Игритт пройти внутрь.

В шатре было жарко и дымно. Во всех четырех углах стояли ведра с горящим торфом, дававшие тусклый красный свет. Пол тоже устлал шкурами. Джон чувствовал себя бесконечно одиноким, стоя здесь в своей черной одежде и ожидая милости от перебежчика,

именующего себя Королем за Стеной. Когда его глаза привыкли к дымному красному сумраку, он разглядел шестерых человек, ни один из которых не обращал на него никакого внимания. Темноволосый молодой человек и красивая белокурая женщина распивали вместе рог с медом. Другая женщина, беременная, поджаривала на жаровне кур. Мужчина с проседью в волосах, в потрепанном черном с красным плаще, сидел на подушке, играл на лютне и пел:

У дорнийца жена хороша и нежна,
Поцелуй ее сладок, как мед,
Но дорнийский клинок и остер, и жесток,
И без промаха сталь его бьет.

Джон знал эту песню, но странно было слышать ее здесь, в убогом шатре из шкур, за Стеной, за десять тысяч лиг от красных гор и теплых ветров Дорна.

Гремучая Рубашка, ожидая конца песни, снял свой желтый костяной шлем. Под своими доспехами из костей и кож он был совсем невелик, и лицо под великанским черепом было самое обыкновенное — худое и желтое, с маленьким подбородком и жидкими усиками. Глаза сидели близко, одна бровь наискось перечеркивала лоб, темные волосы над торчащей костной шишкой начинали редеть.

Голос милой дорнийки звенит, как ручей,
В благовонной купальне ее,
Но клинок ее мужа целует больней,
И смертельно его острие.

У жаровни сидел на табурете высокий, но необычайно мощный человек и ел с вертела жареную курицу. Жир стекал по его подбородку на белоснежную бороду, но лицо выражало блаженство. На его ручищах красовались толстые золотые браслеты, покрытые рунами, грудь обтягивала тяжелая черная кольчуга, не иначе как снятая с убитого разведчика. В нескольких футах от него стоял, хмуро рассматривая карту, более высокий и худощавый человек в кожаной рубаше с нашитой на нее бронзовой чешуей. За спиной у него в кожаных ножнах висел большой двуручный меч. Он был прям, как копье, весь из жил и мускулов, чисто выбрит, лыс, с сильным носом и глубоко посаженными серыми глазами. Он мог бы сойти за красивого мужчину, будь у него уши, но они отсутствовали — то ли отмороженные, то ли отсеченные вражеским ножом. Из-за этого его голова казалась узкой и остроконечной.

И белобородый, и лысый были воинами — Джон понял это с одного взгляда. И куда более опасными, чем Гремучая Рубашка. Который же из них Манс?

Он лежал на земле в наползающей мгле,
Умирая от ран роковых,
И промолвил он вдруг для стоящих вокруг
В тихой горести братьев своих:

— Братья, вышел мой срок, мой конец недалек,

Не дожить мне до нового дня,
Но хочу я сказать: мне не жаль умирать,
Коль дорнийка любила меня.

Когда последние строки «Дорнийской жены» отзвучали, лысый поднял глаза от карты и окинул сердитым взглядом Гремучую Рубашку и Игритт с Джоном посередине.

— Это что такое? Ворона?

— Черный бастард, который выпустил кишки Ореллу, — сказал Гремучая Рубашка. — Он еще и оборотень вдобавок.

— Надо было их всех убить.

— Он перешел к нам, — объяснила Игритт. — И убил Куорена Полурукого собственной рукой.

— Этот парнишка? — Новость явно разгневала безухого. — Полурукого следовало оставить мне. Как тебя звать, ворона?

— Джон Сноу, ваше величество. — Может, ему и колено следует преклонить?

— Ваше величество? — Безухий посмотрел на белобородого. — Гляди, он меня за короля принимает.

Белобородый заржал так, что куски куриного мяса полетели во все стороны, и вытер своей громадной ручищей жирные губы.

— Парень, должно быть, слепой. Слыханное ли дело — король без ушей? Да у него корона на шею сползла бы. Хар-р! — Здоровяк, ухмыляясь, вытер пальцы о штаны. — Закрой клюв, ворона, и повернись — авось найдешь того, кого ищешь.

Джон повернулся.

— Манс — это я, — сказал певец, встав и отложив свою лютню. — А ты бастард Неда Старка, Сноу из Винтерфелл.

Джон не сразу обрел дар речи.

— Но откуда... откуда вы знаете...

— Это после. Как тебе понравилась моя песня?

— Хорошая песня. Я ее и раньше слышал.

— «Но хочу я сказать: мне не жаль умирать, коль дорнийка любила меня», — повторил Король за Стеной. — Скажи, правду ли говорит мой Костяной Лорд? Ты в самом деле убил моего старого приятеля Полурукого?

— Да. — (Хотя это больше его работа, чем моя.)

— Сумеречной Башне никогда уже не видать такого воина, — с грустью произнес король. — Куорен был моим врагом, но и братом тоже — когда-то. Как же мне быть с тобой, Джон Сноу? Благодарить тебя или проклинать? — спросил он с насмешливой улыбкой.

Король за Стеной совсем не походил на короля, и на одичалого тоже. Среднего роста, стройный, с резкими чертами лица, с пронизательными карими глазами, с сильной проседью в длинных каштановых волосах. Ни короны, ни золотых колец, ни драгоценностей, даже серебряных украшений на нем нет. Шерсть, кожа да потрепанный плащ из черной шерсти с прорехами, зашитыми выцветшим красным шелком.

— Можете поблагодарить меня за то, что я убил вашего врага, — сказал наконец Джон, — и проклясть за то, что я убил вашего друга.

— Хар-р! — прогремел бородач. — Хорошо сказано!

— Согласен. — Манс поманил Джона к себе. — Если ты хочешь примкнуть к нам, тебе следует с нами познакомиться. Тот, кого ты принял за меня, — это Отир, магнар теннов. «Магнар» на древнем языке значит «лорд». — Безухий бросил на Джона холодный взгляд, а Манс между тем продолжал: — Этот свирепый пожиратель кур — мой верный Тормунд. Женщина...

— погоди, — прервал его бородач. — Ты назвал титул Старка, назови и мой.

— Как скажешь, — засмеялся Манс-Разбойник. — Джон Сноу, ты видишь перед собой Тормунда Великанью Смерть, он же Краснобай, он же Трубящий в Рог, а также Громовой Кулак, Медвежий Муж, Медовый Король Красных Палат, Собеседник Богов и Отец Тысяч.

— Вот это уже больше похоже на правду. Рад познакомиться, Джон Сноу. Против оборотней я ничего не имею, хотя Старков не жалую.

— Эта славная женщина у жаровни — Далла. — Беременная стряпуха застенчиво улыбнулась Джону. — Обращайся с ней как с королевой, ибо она носит моего ребенка. Эта красавица — ее сестра Вель, а рядом с ней молодой Ярл, ее новая забава.

— Ничьей забавой не бывал и не буду, — огрызнулся Ярл.

— Зато с Вель позабавиться не прочь, а, парень? — хохотнул Тормунд.

— Ну вот и все мы тут, Джон Сноу, — сказал Манс. — Король за Стеной и его двор во всей своей красе. А теперь о тебе. Откуда ты?

— Из Винтерфелла, а после жил в Черном Замке.

— Но что привело тебя на Молочную, столь далеко от родных очагов? — Манс, не дожидаясь ответа, обратился к Гремучей Рубашке: — Сколько их было?

— Пятеро. Трое мертвы, четвертый перед тобой, пятый ушел в горы, где кони проехать не могли.

Манс снова перевел взгляд на Джона.

— Только пятеро? Или тут ошиваются и другие твои братья?

— Нас было четверо с Полуруким во главе. Куорен один стоил двадцати.

— Так думали многие, — улыбнулся Манс. — И все же... парень из Черного Замка с разведчиками из Сумеречной Башни? Как это вышло?

Джон приготовил ответ заранее.

— Лорд-командующий послал меня к Полурукому на выучку, а тот взял меня в разведку.

— В разведку, говоришь? — нахмурился магнар Стир. — Что было воронам разведывать на Воющем перевале?

— Деревни были покинуты, — не погрешив против правды, ответил Джон, — как будто весь вольный народ исчез куда-то.

— Верно, исчез, — сказал Манс, — и это случилось не с одним только вольным народом. Кто сказал вам, где нас искать, Джон Сноу?

— Если это не Крастер, то я робкая дева, — хмыкнул Тормунд. — Говорил я тебе, Манс, что его надо сделать на голову короче.

— Тормунд, ты бы думал, прежде чем говорить, — с раздражением бросил ему Манс. — Я знаю, что это Крастер. Я спросил об этом Джона, чтобы посмотреть, скажет он правду или нет.

— Хар-р, — плюнул Тормунд. — Опять вляпался. Вот, парень, — с ухмылкой сказал он Джону, — потому он и король, а я нет. Я могу побить, перепить и перепеть его, и член у меня в три раза длиннее, зато Манс хитрый. Ты ж знаешь, он сам вырос у ворон, а ворона — башковитая птица.

— Я хочу поговорить с парнем наедине, Костяной Лорд, — сказал Манс. — Оставьте нас вдвоем.

— Как, и я тоже? — вскричал Тормунд.

— Ты в первую очередь.

— Я не ем в тех чертогах, где мне не рады. Пошли отсюда, курочки. — Тормунд прихватил еще одну курицу с жаровни, сунул ее в карман на подкладке своего плаща, сказал «Хар-р» и вышел, облизывая пальцы. Все остальные, кроме Даллы, последовали за ним.

— Можешь сесть, если хочешь, — сказал Манс, когда они ушли. — Ты голоден? Двух птиц Тормунд нам все-таки оставил.

— Я охотно поем, ваше величество, благодарю вас.

— Ваше величество? — улыбнулся король. — От вольного народа такое обращение не часто услышишь. Для них я Манс. Меду хочешь?

— Спасибо, с удовольствием.

Король сам налил ему рог, а Далла разрешила аппетитно поджаренную курицу и подала каждому половину. Джон снял перчатки и стал есть прямо руками, обгладывая каждую косточку.

— Тормунд верно говорит, — сказал Манс, разламывая хлебную ковригу. — Черная ворона — хитрая птица, но я сам состоял в воронах, когда ты был не больше младенца в животе у Даллы, поэтому лучше со мной не хитри.

— Как скажете, ваше... Манс.

— Ну-ну, — засмеялся король. — Я обещал сказать тебе, откуда тебя знаю. Ты как, еще не догадался?

— Наверно, Гремучая Рубашка послал вам весть?

— Это как же, с ветром, что ли? У нас ученых воронов нет. Я знаю тебя в лицо. Я видел тебя прежде — дважды.

На первый взгляд это не имело смысла, но Джон пораздумал, и перед ним забрезжил свет.

— Когда вы были братом Дозора...

— Верно! Это был первый раз. Ты тогда был мальцом, а я, весь в черном, в числе дюжины других сопровождал старого лорда-командующего Кворгила в Винтерфелл к твоему отцу. Я прохаживался по стене, окружавшей двор, и наткнулся на тебя и твоего брата Робба. Ночью выпал снег, и вы нагородили над воротами целую снежную гору и ждали, когда кто-нибудь пройдет.

— Я помню, — засмеялся удивленный Джон. Молодой черный брат на стене, ну да... — Вы пообещали, что никому не скажете.

— И сдержал слово — по крайней мере в тот раз.

— Снег мы скинули на Толстого Тома, самого неповоротливого из отцовских стражников. — После Том долго гонялся за ними по двору, и все трое покраснелись, как осенние яблоки. — Но вы сказали, что видели меня дважды. Когда же это было во второй раз?

— Когда король Роберт приехал в Винтерфелл, чтобы сделать твоего отца десницей, — небрежно промолвил Король за Стеной. Джон изумленно раскрыл глаза.

— Не может быть.

— Может. Узнав, что король приезжает, твой отец послал весть своему брату Бенджену на Стену, чтобы тот тоже приехал на пир. Черные братья общаются с вольным народом

больше, чем ты думаешь, поэтому вскоре эта весть дошла и до меня. Против такого случая устоять я не мог. В лицо меня твой дядя не знал, так что с этой стороны я ничего не опасался, а отец твой вряд ли мог запомнить молодую ворону, виденную им столько лет назад. И хотел поглядеть на этого Роберта своими глазами, как король на короля, а заодно прикинуть, чего стоит твой дядя Бенджен. Он тогда был первым разведчиком и бичом моего народа. Я оседлал самого резвого своего коня и отправился в путь.

— А как же Стена?

— Стена может остановить армию, но не одного человека. Я взял лютню и мешок с серебром, взобрался по льду около Бочонка, прошел пешком несколько лиг на юг от Нового Дара и купил себе другую лошадь. Если брать в целом, я двигался быстрее, чем Роберт, которого задерживала громоздкая колымага, где ехала его королева. В одном дне к югу от Винтерфелла я нагнал его и примкнул к его свите. Вольные всадники и межевые рыцари всегда увязываются за королевскими процессиями в надежде поступить к королю на службу, а моя лютня обеспечила мне хороший прием. — Манс засмеялся. — Я знаю все похабные песни, когда-либо сочинявшиеся к северу и к югу от Стены. Ну и вот. В ночь, когда твой отец задавал пир Роберту, я сидел на задах его чертога вместе с другими вольными всадниками и слушал, как Орланд из Старгорода играет на высокой арфе и поет о покоящихся в море королях. Я отведал мясо и мед твоего отца, видел Цареубийцу и Беса... а еще видел мельком детей лорда Эддарда и волчат, бегавших за ними по пятам.

— Баэль-Бард, — сказал Джон, вспомнив сказку, которую рассказала ему Игритт на Воющем перевале в ночь, когда он чуть ее не убил.

— Если бы. Не стану отрицать, что подвиг Баэля меня вдохновлял, но я, насколько помню, ни одной твоей сестры не похитил. Баэль сам сочинял свои песни и проживал их. Я пою лишь то, что сложили люди получше меня. Еще меду?

— Нет, благодарю. А что, если бы вас обнаружили... схватили...

— Тогда твой отец отрубил бы мне голову, — пожал плечами король. — Впрочем, я ел под его кровом, и меня защищали законы гостеприимства, древние, как Первые Люди, и священные, как сердце-дерево. — Он показал на стол, за которым они сидели, на разломленный хлеб и куриные кости. — Теперь ты мой гость, а значит, я не причиню тебе зла... по крайней мере этой ночью. Поэтому скажи мне правду, Джон Сноу. Кто ты — трус, вывернувший наизнанку свой плащ со страха, или какая-то другая причина привела тебя в мой шатер?

Несмотря на все законы гостеприимства, Джон Сноу знал, что ступает по тонкому льду. Один неверный шаг — и он провалится в воду, холод которой останавливает сердце. Хорошенько взвешивай каждое слово, сказал он себе, и хлебнул меду, чтобы выиграть время. Потом положил рог на стол и сказал:

— Скажите мне, почему вы сами вывернули свой плащ, и я скажу, почему вывернул свой.

Манс улыбнулся, как и надеялся Джон. Король явно любил послушать собственный голос.

— Ты, конечно, наслушался историй о моем дезертирстве.

— Одни говорят, что вы сделали это ради короны, другие — что ради женщины, третьи — что в вас течет кровь одичалых.

— Кровь одичалых — это кровь Первых Людей, та же, что течет в жилах Старков. Что до короны, где ты ее видишь?

— Я вижу женщину. — Джон взглянул на Даллу.

Манс взял ее за руку и привлек к себе.

— Моя леди тут ни при чем. Я встретил ее на обратном пути из замка твоего отца. Полурукий был вытесан из старого дуба, но я живой человек и не могу устоять перед женскими чарами... как и три четверти Ночного Дозора. Среди носящих черное есть такие, у кого женщин было вдесятеро больше, чем у меня, бедного короля. Попробуй угадать еще раз, Джон Сноу.

— Полурукий говорил, что вы влюбились в одичалую...

— Верно, тогда влюбился и теперь влюблен. Это уже теплее, но не совсем горячо. — Манс встал, расстегнул свой плащ и бросил его на скамью. — Все произошло из-за него.

— Из-за плаща?

— Черный шерстяной плащ брата Ночного Дозора. — Однажды в разведке нам встретился прекрасный большой лось. Когда мы стали его свежевать, запах крови выманил из логова сумеречного кота. Я прогнал его, но он успел изорвать мой плащ в клочья. Здесь, здесь и здесь — видишь? Кроме того, он разодрал мне руку и спину, из меня хлестало хуже, чем из лося. Братья, боясь, что я умру еще до того, как меня доставят к мастеру Маллину в Сумеречную Башню, отвезли меня в деревню одичалых, где, по нашим сведениям, жила знахарка. Там мы узнали, что старушка умерла, но ее дочь позаботилась обо мне. Она промыла и зашила мои раны, а потом кормила меня овсянкой и отварами, пока я не окреп настолько, чтобы сесть на коня. Заодно она и мой плащ зашила, использовав красный асшайский шелк, который еще ее бабка нашла в выброшенном на Стылый Берег разбитом корабле. Это было самым большим ее сокровищем и ее подарком мне. — Манс снова накинул плащ себе на плечи. — Но в Сумеречной Башне мне выдали новый, сплошь черный, на черной подкладке, под цвет моим черным штанам, черным сапогам, черному дублету и черной кольчуге. В новом плаще не было прорех... и красных швов, конечно, тоже. Братья Ночного Дозора одеваются в черное, сурово напомнил мне сир Деннис Маллистер — точно я мог об этом забыть. А мой старый плащ, сказал он, пойдет в огонь.

Я ушел на следующее утро... ушел туда, где поцелуй не считают преступлением и где человек может носить плащ, какой захочет. — Манс застегнул пряжку на груди и снова сел. — А ты, Джон Сноу?

Джон снова глотнул меда. Есть только одно, во что Манс может поверить.

— Вы говорите, что были в Винтерфелле, когда мой отец давал пир королю Роберту.

— Верно, был.

— Значит, вы видели всех нас. Принцев Джоффри и Томмена, принцессу Мирцеллу, моих братьев Робба, Брана и Рикона, сестер Арию и Сансу. Вы видели, как они прошли по среднему проходу под устремленными на них взорами и заняли места под самым помостом, где сидели король с королевой.

— Да, я помню.

— А видели вы, где сидел я, Манс? — Джон подался вперед. — Видели, где поместили бастарда?

Манс-Разбойник устремил на Джона долгий внимательный взгляд.

— Думаю, тебе надо будет подобрать новый плащ, — сказал наконец король и протянул Джону руку.

Над тихой голубой водой разносился мерный бой барабанов и тихий шорох корабельных весел. Большая барка, скрипя, тащилась на толстых канатах за двумя галейми. Паруса «Балериона» празднично обвисли на мачтах. Но все равно Дейенерис Таргариен, стоя на баке и глядя, как ее драконы гоняются друг за дружкой в безоблачном небе, никогда еще на своей памяти не была так счастлива.

Ее дотракийцы называли море «дурной водой», не доверяя влаге, которую не могут пить лошади. Когда корабли подняли якоря в Кварте, можно было подумать, что они отплывают в ад, а не в Пентос. Ее молодые храбрые кровные всадники смотрели на удаляющийся берег выпученными белыми глазами. Каждый из них старался не выказывать страха перед двумя другими, зато служанки Ирри и Чхику откровенно цеплялись за борт, и их выворачивало при виде даже самых маленьких волн. Остальной крошечный Кхаласар Дени сидел внизу, предпочитая общество своих беспокойных коней страшному безбрежному миру вокруг корабля. Внезапно налетевший шквал нес их по морю шесть дней, и все это время Дени слышала через люки, как бьются и ржут лошади и молятся дрожащими голосами люди при каждом крене «Балериона».

Ее саму никакой шквал напугать не мог. Ее прозвали «Дейнерис Бурерожденная», ибо она явилась в этот мир на далеком Драконьем Камне во время самого сильного шторма в истории Вестероса; он посшибал со стен замка каменных горгулий и разнес в щепки флот ее отца.

В Узком море часто бывают штормы, а Дени в детстве пересекла его с полсотни раз, убегая из одного вольного города в другой от наемных убийц узурпатора. Она любила море, и свежий соленый воздух, и безмерность горизонтов, ограниченных только лазурным сводом неба. В море она чувствовала себя маленькой, однако свободной. Она любила дельфинов, сопровождавших иногда «Балериона» и сверкавших в воде серебряными копьями, любила мелькавших в воздухе летучих рыб. Даже матросы с их песнями и рассказами были милы ей. Однажды на пути в Браавос, глядя, как они спускают большой зеленый парус в преддверии шторма, она подумала даже, как хорошо было бы самой стать моряком. Но когда она рассказала об этом брату, он так оттащил ее за волосы, что она расплакалась. «В тебе течет кровь дракона, — орал он при этом. — Дракона, а не какой-то вонючей рыбы».

Теперь Дени думала, что в этом он был столь же глуп, как и во многом другом. Будь он умнее и терпеливее, он сам плыл бы сейчас на запад, чтобы занять трон, принадлежащий ему по праву. Она хорошо понимала теперь всю степень глупости и порочности Визериса, но все равно порой по нему скучала. Не по тому слабому и жестокому человеку, каким он стал впоследствии, а по брату, к которому она забиралась в постель, по мальчику, который рассказывал ей о Семи Королевствах и говорил, как изменится их жизнь, когда он вернет себе корону.

К ней подошел капитан.

— Жаль, что «Балерион» не умеет летать, как его тезка, ваше величество, — сказал он на вульгарном валирийском с сильным пентосским акцентом. — Тогда нам не понадобились бы ни весла, ни канаты и не пришлось бы молиться о ветре.

— Вы правы, капитан, — ответила Дени с улыбкой, радуясь, что победила этого человека. Капитан Гролео, коренной пентошиец, как и его хозяин Иллирио Мопатис,

всполошился, как старая дева, узнав, что повезет трех драконов на своем корабле. Полсотни ведер с морской водой все еще висели вдоль бортов на случай пожара. Поначалу Гролео настаивал на том, чтобы драконов держали в клетке, и Дени уступила ему, но дети были так несчастны, что она передумала и добилась их освобождения.

Теперь и сам капитан радовался этому. Пожар случился только один, совсем маленький, и его легко потушили, зато на «Балерионе» сильно поубавилось крыс против того времени, когда он еще плавал под названием «Садудеон». А матросы, на первых порах одолеваемые страхом не менее, чем любопытством, стали питать немалую гордость за «своих» драконов. Все на судне, от капитана до юнги, любили следить за их полетом, но никому это не приносило такой радости, как Дени.

Они ее дети — единственные, которые у нее когда-либо будут, если Мейега сказала правду.

У Визериона чешуя цвета свежих сливок, а рожки, маховые кости и хребет — из темного, сверкающего на солнце золота. Рейегаль сделан из летней зелени и осенней бронзы. Они парили над кораблем широкими кругами, поднимаясь все выше и выше, и каждый старался перещеголять другого.

Дени знала теперь, что драконы предпочитают всегда нападать сверху. И тот и другой, оказавшись между своим братом и солнцем, тут же складывал крылья, с криком кидался вниз, и оба падали, кувыркаясь, свившись в чешуйчатый клубок, лязгая зубами и молотя хвостами. Увидев это впервые, Дени испугалась, что они убьют друг друга, но они просто играли так. Плюхнувшись в море, они сразу расцеплялись и опять взмывали вверх с шипением и криками, а соленая вода, дымясь, испарялась с их крыльев. Дрогона видно не было — он охотился, либо далеко опережая судно, либо отстав от него на несколько миль.

Он всегда голоден, ее Дрогон, и быстро растет. Еще год-другой, и она сможет сесть на него верхом. Тогда ей больше не понадобятся корабли, чтобы пересекать великие соленые воды.

Но до этого еще далеко. Рейегаль и Визерион теперь величиной с мелких собак, Дрогон ненамного больше, и любая собака наверняка перевесила бы их: они все состоят из шеи, крыльев и хвоста и на вес гораздо легче, чем на вид. И поэтому Дейенерия Таргариен, чтобы попасть домой, должна пока полагаться на дерево, ветер и парусину.

Дерево и парусина служат ей исправно, а вот непостоянный ветер оказался предателем. Шесть дней и шесть ночей они остаются в полосе штиля, теперь идет седьмой, а в воздухе по-прежнему ни ветерка. К счастью, два корабля из трех, посланных ей магистром Иллирио, — это торговые галеи. У каждой на борту двести весел и команда сильных гребцов. Барка «Балерион» — иное дело: это громоздкая широкобортная лохань с громадными трюмами и большими парусами, беспомощная в безветренную погоду. «Вхагар» и «Мираксес» тащат ее на буксире, и все они при этом еле-еле ползут. Все три корабля везут тяжелый груз помимо находящихся на борту людей и коней.

— Я не вижу Дрогона, — сказал сир Джорах Мормонт, подойдя к ней. — Может, он опять заблудился?

— Скорее это мы заблудились, сир. Это черепашье плавание Дрогону по вкусу не больше, чем мне. — Ее черный дракон, смелее, чем двое других, первым попробовал свои крылья над водой, первым стал перелетать с корабля на корабль, первым заблудился в облаке... и первым убил. Он поражает своим огнем летучих рыб, как только они выпрыгивают из воды, хватая их и проглатывает.

— Ты не знаешь, какой величины он будет, когда вырастет? — спросила Дени.

— В Семи Королевствах рассказывают о драконах столь огромных, что они выхватывали гигантских кракенов^[2] из моря.

— Вот бы посмотреть, — засмеялась Дени.

— Это ведь только сказки, кхалиси. Я слышал также о старых и мудрых драконах, которые жили тысячу лет.

— А сколько они обыкновенно живут? — Визерион пролетел над самым кораблем, медленно работая крыльями и шевеля поникшие паруса.

— Во много раз дольше человека, если, конечно, верить песням... — пожал плечами сир Джорах. — Но в Семи Королевствах лучше всего известны драконы дома Таргариенов. Их выращивали для войны, на войне они и погибли. Дракона убить нелегко, но все-таки возможно.

Белобородый, стоявший у носовой фигуры, опираясь на свой высокий посох, обернулся к ним и сказал:

— Балериону Черному Ужасу было двести лет, когда он умер — это случилось в царствование Джейехериса Умиротворителя. Он был так велик, что мог проглотить зубра целиком. Дракон никогда не перестает расти, ваше величество, пока у него есть пища и воля.

Этого человека зовут Арстан, но Бельвас-Силач прозвал его Белобородым, и почти все остальные тоже переняли это прозвище. Он выше сира Джораха, хотя и не так крепок, у него бледно-голубые глаза и длинная борода, белая как снег и тонкая как шелк.

— Воля? — заинтересовалась Дени. — Разве их держат на воле?

— Ваши предки построили в Королевской Гавани для своих драконов огромный, покрытый куполом замок, который назывался Драконьим Логовом. Он все еще стоит на холме Рейенис, но теперь это только руины. Там и жили на просторе королевские драконы. В железные двери этого замка могли проехать в ряд тридцать конных рыцарей. Но при всем при том было замечено, что ни один из этих драконов не дорос до своих прародителей. Мастера говорят, что виной этому стены и потолок.

— Если бы стены могли сдерживать наш рост, все крестьяне были бы карликами, а короли великанами, — заметил сир Джорах. — Но я встречал великанов в хижинах и карликов в замках.

— Люди — это люди, а драконы — это драконы.

— Экая глубина мысли, — фыркнул сир Джорах. Рыцарь невзлюбил старика с самого начала и ничуть этого не скрывал. — Что ты можешь знать о драконах?

— Я знаю не так уж много, это так. Но я служил в Королевской Гавани, когда на Железном Троне сидел король Эйерис, и не раз проходил под драконьими черепами, украшавшими стены тронного зала.

— Визерис рассказывал мне об этих черепах, — сказала Дени. — Узурпатор снял их и спрятал куда-то — он не мог вынести того, как они смотрят на него, сидящего на украденном троне. — Она сделала Белобородому знак подойти поближе. — Скажи, ты знал моего отца? — Король Эйерис II не дожил до рождения своей дочери.

— Да, я имел эту великую честь, ваше величество.

— Как по-твоему, он был хороший человек, добрый?

Белобородый очень старался скрыть свои чувства, но они ясно отражались у него на лице.

— Его величество... часто бывал приветлив.

— Часто, но не всегда? — улыбнулась Дени.

— Он мог быть очень суров с теми, кого считал своими врагами.

— Умный человек не станет делать короля своим врагом. Ты знал и моего брата, Рейегара?

— У нас говорили, что принца Рейегара по-настоящему никто не знает. Но мне посчастливилось видеть его на турнире, и я нередко слышал, как он играет на своей арфе с серебряными струнами.

— Слышал заодно с тысячью других на каком-нибудь празднике урожая, — ввернул сир Джорах. — В следующий раз ты будешь утверждать, что был у него оруженосцем.

— Нет, сир, не буду. Оруженосцем принца Рейегара был Милс Моутон, а после него Рикард Лонмаут. Когда они получили свои шпоры, он сам посвятил их в рыцари, и они были с ним неразлучны. Принц дорожил также молодым лордом Коннингтоном, но самым близким его другом был Эртур Дейн.

— Меч Зари, — восторженно молвила Дени. — Визерис говорил мне о его чудодейственном белом клинке. По его словам, один только сир Эртур во всем государстве мог соперничать с нашим братом.

Белобородый почтительно склонил голову.

— Мне не пристало оспаривать слова принца Визериса.

— Не принца — короля. Он был королем, хотя и не царствовал. Визерис Третий. Но почему «оспаривать»? — Она ожидала не такого ответа. — Сир Джорах как-то назвал Рейегара последним драконом — значит, он уж, наверное, был непревзойденным воином?

— Ваше величество, принц Драконьего Камня в самом деле был превосходным воином, но...

— Продолжай. Со мной ты можешь говорить откровенно.

— Как прикажете. — Старик оперся на посох, наморщив лоб. — Непревзойденный воин — красивые слова, ваше величество, но словами битв не выигрывают.

— Битвы выигрывают мечами, — вмешался сир Джорах, — а меч принц Рейегар умел держать.

— Это так, сир, однако... Я видел сотню турниров и больше войн, чем мог бы желать, и как бы силен, проворен или искусен ни был тот или иной рыцарь, всегда найдутся другие под стать ему. Рыцарь выигрывает один турнир и терпит поражение в самом начале другого. Поскользнется на траве или съест что-нибудь не то за ужином накануне. На победу может повлиять что угодно: перемена ветра, — старик взглянул на сира Джораха, — или повязанный на руку знак отличия дамы.

Мормонт потемнел.

— Поосторожнее со словами, старик.

Дени поняла, что Арстан видел сира Джораха на турнире в Ланниспорте. Тот сражался тогда с повязанной на руке лентой и завоевал не только победу, но и даму, Линессу из дома Хайтауэров, высокородную и прекрасную. Она стала его второй женой, но впоследствии разорила его и бросила. Он до сих пор вспоминал о ней с горечью.

— Не сердись, мой рыцарь. — Дени коснулась руки Джораха. — Арстан не хотел тебя обидеть, я уверена.

— Я повинуюсь, кхалиси, — проворчал он.

— Я мало что знаю о Рейегаре, — сказала Дени Арстану. — Только то, что рассказывал Визерис, а он был ребенком, когда наш брат погиб. Каким он был на самом деле?

— Прежде всего одаренным, — подумав немного, сказал старик. — Решительным, целеустремленным, с сильным чувством долга. О нем рассказывают одну историю... сир Джорах тоже должен ее знать.

— Я хочу услышать ее от тебя.

— Как угодно. В детстве принц Рейегар был заядлым книгочеем. Он научился читать так рано, что все говорили, будто королева Рейелла не иначе как проглотила пару книг и свечку, когда носила его. Принц не любил играть с другими детьми. Мейстеры превозносили его ум, но рыцари его отца невесело пошучивали, говоря, что Бейелор Благословенный возродился снова. Но однажды принц вычитал в своих пергаментях нечто, вызвавшее в нем коренную перемену. Никто не знает, что это было, но как-то утром мальчик появился на дворе, где рыцари облачались в доспехи, подошел к сиру Виллему Дарри, мастеру над оружием, и сказал: «Мне понадобятся доспехи и меч. Видимо, я должен стать воином».

— И стал? — с восторгом воскликнула Дени.

— О да. Прошу прощения, ваше величество, — с поклоном сказал Белобородый. — К нашему разговору о воинах будто нарочно явился Бельвас-Силач, и я должен позаботиться о нем.

В самом деле — евнух ловко, несмотря на свою тучность, вылез из трюма посреди корабля. Бельвас мал ростом, но широк, добрых пятнадцать стоунов жира и мускулов, мощное коричневое брюхо перечеркнуто поблекшими белыми шрамами. На нем мешковатые штаны с желтым шелковым кушаком и до смешного маленькая кожаная безрукавка с железными заклепками.

— Бельвас-Силач проголодался! — громогласно заявил он, не обращаясь ни к кому в отдельности. — Бельвасу-Силачу надо поесть! Эй, Белобородый, тащи еду Силачу Бельвасу!

— Можешь идти, — сказала Дени оруженосцу. Он снова поклонился и поспешил к человеку, которому служил.

Сир Джорах с хмурым выражением на своем простом, честном лице посмотрел ему вслед. Его, высокого, плечистого, с сильной челюстью, нельзя назвать красавцем, но более верного друга у Дени еще не было.

— Я бы посоветовал вам хорошо солить то, что говорит этот старикан, — сказал он, когда Арстан отошел подальше.

— Королева должна выслушивать всех, — заметила Дени. — Знатных и простых, сильных и слабых, благородных и корыстных. Один голос может солгать, но из множества всегда добывается истина. — Она прочла это в одной книге.

— Выслушайте тогда и меня, ваше величество. Арстан Белобородый вас обманывает. Он слишком стар для оруженосца и слишком красноречив, чтобы служить этому тупице-евнуху.

Дени не могла не признать, что это действительно странно. Бельвас-Силач — бывший раб, выросший и обученный в бойцовых ямах Миэрина. Магистр Иллирио послал его охранять ее — так по крайней мере говорит сам Бельвас. Она и правда нуждается в охране. Узурпатор на Железном Троне обещал земли и титул лорда тому, кто убьет ее. Однажды ей уже подсунили чашу отравленного вина, и чем ближе она к Вестеросу, тем вероятнее новое покушение. А в Кварте колдун Пиат Прей подослал к ней Жалостливого, чтобы отомстить за Бессмертных, которых она сожгла в их Доме Праха. Говорят, что колдуны никогда не забывают сделанного им зла, а Жалостливые никогда не терпят неудач в своем ремесле. Многие дотракийцы тоже настроены против нее. Бывшие ко, старшины, кхала Дрого теперь водят свои кхаласары, и никто из них не поколеблется напасть на ее маленький караван,

перебить или взять в рабство ее людей, а ее, Дени, увезти обратно в Вейес Дотрак, чтобы она, как ей и положено, доживала своей век среди старух дош кхалина. Она надеялась, что хотя бы Ксаро Ксоан Даксос ей не враг, но этот торговый магнат положил глаз на ее драконов. И есть еще Куэита из края Теней, странная женщина в красной лакированной маске со своими загадочными советами. Кто она — тоже враг или опасный друг?

Отравителю помешал сир Джорах, а от мантикора в Кварте ее спас Арстан Белобородый. Возможно, в следующий раз это будет Бельвас. Он могуч, ручки у него, как молодые деревца, а за поясом большой кривой аракх, такой острый, что Бельвас мог бы им бриться, будь на его гладких коричневых щеках хоть какая-нибудь растительность. Но при этом он — большой ребенок, и как защитник оставляет желать лучшего. К счастью, у нее есть сир Джорах и ее кровные всадники. И драконы — о них тоже нельзя забывать. Со временем драконы станут самой надежной ее охраной, как для Экегона Завоевателя и его сестер триста лет назад. Но теперь они скорее угроза, нежели защита. Во всем мире существует только трое живых драконов, и они принадлежат ей. На них дивуются, они внушают ужас, и цены им нет.

Она обдумывала, что ей сказать дальше, когда в затылок ей подул прохладный бриз, шевельнув прядку серебристо-золотых волос на лбу. Снасти заскрипели, паруса затрепетали, и матросы подняли крик:

— Ветер! Ветер возвращается!

На глазах у Дени паруса «Балериона» надулись, снасти загудели — эту сладостную песнь никто не слышал целых шесть долгих суток. Капитан Гролео бросился на корму, выкрикивая команды. Пентощицы с радостными криками полезли на мачты. Даже Силач Бельвас взревел и пустился в пляс.

— Боги милостивы к нам! — сказала Дени. — Видишь, Джорах? Мы опять плывем.

— Плывем, только вот куда, моя королева?

Ветер дул весь день — сначала ровный, с востока, потом порывистый. Закат был красен. «От Вестероса меня все еще отделяет полмира, — напомнила себе Дени, — но с каждым часом я приближаюсь к нему». Что-то она почувствует, впервые увидев издали землю, которой ей суждено править? Должно быть, это будет самый прекрасный из всех берегов — как же иначе?

Ночью, когда «Балерион» шел вперед во мраке, а Дени сидела, поджав ноги, на своей койке в капитанской каюте и кормила драконов (капитан Гролео в начале плавания любезно заявил ей, что даже на море королевы имеют преимущество перед капитанами), в ее дверь громко постучали.

Ирри спала на полу в ногах койки (постель была слишком узка для троих, и нынче мягкую перину со своей кхалиси делила Чхику), но на стук поднялась и пошла открывать. Дени завернулась под мышками в одеяло. Она была нагая и никого не ждала в такой час.

— Входи, — сказала она, увидев снаружи, под качающимся фонарем, сира Джораха.

Рыцарь нагнул голову и вошел.

— Ваше величество, извините, что я потревожил ваш сон.

— Я еще не спала, сир. Входи и посмотри. — Она взяла кусок солонины из миски у себя на коленях и подняла так, чтобы драконы видели. Все трое жадно уставились на мясо. Рейегаль растопырил зеленые крылья, всколыхнув воздух, шея Визериона закачалась туда-сюда, как белая змея, следуя за движением руки Дени. — Дрогон, — тихо сказала она, — дракарис. — И подбросила мясо в воздух.

Дрогон быстрее, чем атакующая кобра, выбросил из пасти струю оранжево-ало-черного пламени и спалил мясо на лету. Когда он ухватил кусок своими острыми черными зубами, Рейегаль сунулся к нему головой, как бы намереваясь отнять у брата добычу, но Дрогон, мигом проглотив мясо, издал пронзительный вопль, и более мелкий зеленый дракон только зашипел с досады.

— Рейегаль, перестань, — раздраженно сказала Дени, хлопнув его по голове. — Я тебе только что скормила кусок, не будь жадиной. Видишь, — улыбнулась она Джораху, — мне больше не надо поджаривать им мясо на жаровне.

— Да, вижу. Дракарис?

При этом слове все драконы повернули головы к нему, и Визерион изрыгнул бледно-золотое пламя, заставив рыцаря попятиться. Дени хихикнула.

— Поосторожнее с этим словом, сир, не то они спалят тебе бороду. По-валирийски это значит «драконий огонь». Я нарочно выбрала такую команду, чтобы никто не мог произнести ее случайно.

Мормонт кивнул и спросил:

— Ваше величество, могу ли я поговорить с вами наедине?

— Конечно. Ирри, оставь нас ненадолго. — Дени потрясла за голое плечо спящую Чхику. — Ты тоже выйди, милая. Сиру Джораху надо поговорить со мной.

— Иду, кхалиси. — Чхику скатилась с койки нагишом, зевая во весь рот, со спутанной черной гривой, быстро оделась и вышла за Ирри.

Когда дверь закрылась, Дени отдала драконам всю миску с солониной, предоставив им драться над ней, и хлопнула по койке рядом с собой.

— Садись, добрый сир, и расскажи, что тебя тревожит.

— Меня тревожат три вещи. Силач Бельвас, Арстан Белобородый и Иллирио Мопатис, пославший их.

Опять! Дени подтянула одеяло повыше и перекинула один конец через плечо.

— Почему?

— Колдуны Кварта сказали, что вам предстоит пережить три измены.

Визерион и Рейегаль щелкали друг на друга зубами и когтили воздух.

— Одну из-за золота, одну из-за крови, одну из-за любви. — Дени хорошо это помнила. — Первая, из-за крови — это Мирри Маз Дуур.

— Значит, две еще впереди — и вот появляются эти двое. Это тревожит меня, не скрою. Не забудьте, Роберт обещал сделать лордом того, кто вас убьет.

Дени наклонилась вперед и дернула Визериона за хвост, чтобы оттащить от зеленого брата. Одеяло сползло, обнажив грудь, и она поспешно поправила его.

— Роберт мертв.

— Но вместо него правит его сын. — Темные глаза сира Джораха встретились с ее взглядом. — Хороший сын платит долги своего отца — даже кровные.

— Допустим, юный Джоффри тоже захочет моей смерти — если вспомнит, что я еще жива. Но при чем тут Арстан и Бельвас? У старика даже меча нет, сам знаешь.

— Да, но я видел также, как ловко он орудует этим своим посохом. Помните, как он убил того мантикора в Кварте? С тем же успехом он мог пронзить вам горло.

— Однако не пронзил. Ядовитого мантикора подсунули, чтобы убить меня. Арстан спас мне жизнь.

— Кхалиси, а не приходило ли вам в голову, что они оба могли сговориться с убийцей,

чтобы завоевать ваше доверие?

Дрогон, услышав ее внезапный смех, зашипел, а Визерион взлетел на свой насест над круглым окном каюты.

— В таком случае их заговор удался.

Рыцарь не улыбнулся в ответ на ее веселье.

— Это корабли Иллирио, капитаны Иллирио, матросы Иллирио... и Бельвас с Арстаном тоже его люди, а не ваши.

— Магистр Иллирио всегда был моим защитником. Бельвас говорит, что он плакал, узнав о смерти моего брата.

— Да, только что он при этом оплакивал — Визериса или планы, которые строил на его счет?

— Ему нет нужды менять свои планы. Магистр Иллирио — друг дома Таргариенов, и он богат...

— Он не родился богачом, а в этом мире, как я узнал на своем веку, добрыми делами богатства не наживешь. Колдуны сказали, что вторая измена будет из-за золота, а что Иллирио Мопатис любит больше, чем золото?

— Свою шкуру. — Дрогон беспокойно закопошился идохнул паром. — Мирри Маз Дуур предала меня, и я сожгла ее за это.

— Мирри Маз Дуур была в вашей власти, а в Пентосе вы окажетесь во власти Иллирио. Я хорошо знаю магистра — он человек скользкий и умный...

— Я нуждаюсь в умных людях, если хочу завоевать Железный Трон.

— Виноторговец, который пытался вас отравить, тоже был умен, — заметил сир Джорах. — Умные люди вынашивают честолюбивые планы.

Дени подняла колени под одеялом.

— Ты будешь защищать меня. Ты и мои кровные всадники.

— Четверо человек? Кхалиси, вы полагаете, что хорошо знаете Иллирио Мопатиса, но при этом упорно окружаете себя людьми, которых вы *не* знаете, вроде этого задаваки-евнуха и самого старого на свете оруженосца. Вспомните уроки Пиата Пря и Ксаро Ксоана Даксоса.

«Он желает мне добра, — сказала себе Дени. — Все, что он делает, он делает из любви».

— Мне кажется, что королева, которая никому не доверяет, столь же глупа, как королева, доверяющая всем и каждому. Каждый новый человек, которого я беру к себе на службу, — это риск, я знаю, но как я могу завоевать Семь Королевств без риска? Разве возможно сделать это с помощью одного рыцаря-изгнанника и трех дотракийцев?

Он упрямо стиснул челюсти.

— Ваш путь опасен, отрицать не стану. Но если вы будете слепо доверяться каждому лжецу и интригану, который вам попадается на этом пути, вас постигнет участь вашего брата.

Его настойчивость рассердила Дени. Он обращается с ней, как с ребенком.

— У Бельваса хитрости неостанет, даже чтобы добыть себе завтрак. И в чем, собственно, солгал мне Арстан Белобородый?

— Он не тот, за кого себя выдает. И говорит с вами более смело, чем пристало оруженосцу.

— Он говорил откровенно по моему же приказу. Он знал моего брата...

— Вашего брата знали очень многие. Ваше величество, в Вестеросе лорд-командующий Королевской Гвардии заседает в малом совете и служит своему королю не только мечом, но и умом. Если я первый рыцарь вашей гвардии, умоляю вас, выслушайте меня. Я хочу представить вам свой план.

— Что за план? Говори.

— Иллирио Мопатис хочет, чтобы вы вернулись в Пентос, под его кров. Очень хорошо, возвращайтесь... но лишь когда сами захотите, и не одна. Проверим, насколько преданны и послушны ваши новые подданные. Прикажите Гролео изменить курс и идти в Залив Работоторговцев.

Дени все это совсем не понравилось. То, что она слышала о невольничьих рынках в больших работоторговческих городах Юнкае, Миэрине и Астапоре, вызывало у нее страх.

— Что мне там делать?

— Покупать себе армию. Если Силач Бельвас вам так по душе, в бойцовых ямах Миэрина вы сможете купить сотни таких, как он... но я на вашем месте направил бы свои паруса к Астапору. В Астапоре можно купить Безупречных.

— Рабов в остроконечных бронзовых шлемах? — Дени видела стражников из числа Безупречных в Вольных Городах — они стояли у дверей магистров, архонов и династов. — Зачем они мне? Они даже верхом не ездят и почти все толстые.

— Безупречные, которых вы видели в Пентосе и Мире, — это домашняя стража. Такая служба изнеживает, а евнухи изначально склонны к полноте. Из всех пороков им остался только один — чревоугодие. Судить о Безупречных по нескольким старым домашним рабам — все равно что судить обо всех оруженосцах по Арстану Белобородому, ваше величество. Известна ли вам история о трех тысячах Квохора?

— Нет. — Дени поправила сползшее с плеча одеяло.

— Это произошло около четырехсот лет назад, когда дотракийцы впервые нагрянули с востока, грабя и сжигая все города на своем пути, большие и малые. Вел их кхал по имени Теммо, и его кхаласар, не столь большой, как у Дрого, был все же довольно велик — тысяч пятьдесят, не меньше. И у половины воинов в косах звенели колокольчики.

Квохорцы, зная об их приближении, укрепили свои стены, удвоили городскую стражу и приняли на службу два отряда наемников: Яркознаменных и Младших Сынов. А затем, так, на всякий случай, послали человека в Астапор купить три тысячи Безупречных. Но переход от одного города до другого долог, и воины еще на подступах к Квохору увидели вдали клубы дыма и пыли и слышали шум битвы.

Когда они подошли к городу, солнце уже закатилось, и в поле за городскими стенами воронье и волки пожирали то, что осталось от квохорской тяжелой кавалерии. Яркознаменные и Младшие Сыны ударились в бегство, как поступают все наемники в безнадежных случаях. Дотракийцы с наступлением ночи отошли в свой лагерь, где предавались пирам и пляскам, но никто не сомневался, что наутро они вернутся, проломают городские ворота, возьмут стены и начнут грабить, насиловать и угонять в рабство.

Но когда рассвело и Теммо со своими кровными всадниками вывел кхаласар из лагеря, они увидели перед воротами три тысячи Безупречных под знаменем Черного Козла. Столь малое войско можно было спокойно обойти с флангов, однако вы знаете дотракийцев. Воины у ворот были пешие, а пеших коннице полагается растоптать.

Дотракийцы бросились в атаку, а Безупречные сомкнули щиты, опустили копья и устояли перед двадцатью тысячами вопящих наездников с колокольцами в волосах.

Восемнадцать раз дотракийцы ходили в атаку и всякий раз разбивались об эти щиты и копья, словно волны о скалистый берег. Трижды Теммо высылал вперед своих лучников, и стрелы сыпались на Безупречных градом, но те лишь поднимали щиты над головой, пока стрелки не проносились мимо. В конце концов у них осталось только шестьсот человек... но дотракийцев полегло более двенадцати тысяч, в том числе кхал Теммо, его кровные всадники, его ко и все его сыновья. Утром четвертого дня новый кхал провел уцелевших перед городскими воротами торжественным маршем, и каждый воин срезал свою косу и бросал ее к ногам Безупречных.

С тех пор городская стража Квохора набирается только из этих солдат, и у каждого на копье висит коса из человеческих волос.

Вот что вы можете приобрести в Астапоре, ваше величество. Бросьте якорь там и продолжайте путь в Пентос по суше. Это займет у вас несколько больше времени, верно... но когда вы преломите хлеб с магистром Иллирио, за вами будет тысяча мечей, а не четыре.

В этом есть правда, подумала Дени, но...

— На что я куплю тысячу рабов? Единственная моя ценность — это корона, подаренная мне Турмалиновым Братством.

— Драконы будут в Астапоре не меньшим чудом, чем в Кварте. Тамошние работорговцы, возможно, осыплют вас дарами, как квартирцы. Если же этого не случится... то три этих корабля везут не только ваших дотракийцев и их коней. В Кварте они загрузили множество товаров. Я сам видел в трюмах шелк и тигровые шкуры, янтарь и яшму, шафран, мирру... рабы дешевы, ваше величество, а тигровые шкуры дороги.

— Шкуры принадлежат Иллирио.

— Иллирио — друг дома Таргариенов.

— Тем больше причин не присваивать его имущество.

— На что нужны богатые друзья, если они не предоставляют свои богатства в ваше распоряжение, моя королева? Отказав вам, магистр Иллирио станет Ксаро Ксоан Даксосом с двумя подбородками. Если же он искренне предан вашему делу, то не станет сердиться на вас из-за каких-то трех кораблей. Если его тигровые шкуры помогут заложить основу вашего войска, их нельзя употребить с большей пользой.

Да, это верно. Дени чувствовала, как растет ее волнение.

— Столь долгий переход по суше может быть опасен...

— В море тоже немало опасностей. Пираты постоянно рыщут вокруг южного торгового пути, а в Дымном море к северу от Валирии водятся демоны. Следующий шторм может потопить нас или разметать, кракен может утащить нас на дно... или мы снова окажемся в полосе штиля и умрем от жажды, дожидаясь ветра. На суше, конечно, свои опасности, моя королева, но их не больше, чем в море.

— А что, если капитан Гролео откажется изменить курс? И как поведут себя Арстан и Бельвас?

— Мне думается, теперь самое время это выяснить. — Сир Джорах встал.

— Да. Так я и сделаю! — Дени отбросила одеяло и прыгнула с койки. — Сейчас же позову капитана и прикажу ему идти в Астапор. — Она откинула крышку сундука и схватила первое, что попало под руку — шаровары из песчаного шелка. — Подай мне мой пояс с медальонами, — бросила она Джораху, натягивая их. — И мою безрукавку... — Она обернулась к нему и почувствовала на талии его руки.

— О-о, — только и успела вымолвить Дени, прежде чем его губы прижались к ее губам.

От него пахло потом, солью и кожей, и железные заклепки на его кафтане вдавились в ее обнаженную грудь, так крепко он прижал ее к себе. Одной рукой он держал ее за плечо, другая скользнула вниз по ее спине, и ее рот раскрылся под напором его языка, хотя она совсем не хотела его открывать. У него каленая борода, подумалось ей, но поцелуй его сладок. Дотракийцы не носят бород, у них только усы, а она до сих пор целовалась только с кхалом Дрого. Он не должен был делать этого. Я не его женщина, я его королева.

Дени не знала, сколько длился этот поцелуй, но наконец и он закончился. Сир Джорах отпустил ее, и она отпрянула назад.

— Ты... ты не должен был...

— Я не должен был ждать так долго. Мне надо было поцеловать вас еще в Кварте, в Вейес Толорро, в красной пустыне. Я должен был целовать вас ежедневно и еженощно. Вы созданы для поцелуев, частых и глубоких.

Он смотрел на ее груди, и Дени прикрыла их руками, боясь, что соски ее выдадут.

— Это... это нехорошо. Я твоя королева.

— Да, моя королева, и самая желанная, и храбрая, и прекрасная женщина, которую я знал. Дейенерис...

— Ваше величество!

— Ваше величество, — уступил он, — помните, что у дракона три головы. Вы пытались разгадать эти слова с тех самых пор, как слышали их в Доме Праха. Так вот: на Балерионе, Мираксесе и Вхагаре ездили верхом Эйегон, Рейенис и Висенья. Трехглавый дракон дома Таргариенов — это три дракона и трое всадников.

— Да, но мои братья мертвы.

— Рейенис и Висенья были не только сестрами Эйегона, но и женами. У вас нет братьев, но вы можете взять себе двух мужей. И скажу по чести, Дейенерис: нет на свете мужчины, который был бы хоть наполовину предан вам так, как я.

Гряды холмов поднималась из земли внезапно — длинная каменная складка, похожая на коготь. Внизу на ее склонах росли сосны, боярышник и ясень, но выше шла голая почва, и гряда четко вырисовывалась на пасмурном небе.

Он почувствовал, что эти камни зовут его, и помчался вверх, все быстрее и выше, пожирая подъем своими сильными лапами. Птицы вспархивали с ветвей у него над головой и с шумом взлетали в небо. Он слышал вздохи ветра в листве, стрекот белок, даже звук падения сосновой шишки, и запахи вокруг сливались в песнь доброго зеленого мира.

Раскидывая лапами гравий, он преодолел последние несколько футов и встал на вершине. Солнце, огромное и красное, висело над высокими соснами, а под ним, сколько видел глаз и чуял нос, тянулись леса и холмы. Высоко вверху кружил ястреб, темный на розовом небе.

«Принц». Человечье слово возникло у него в голове неожиданно, но он знал, что оно правильное. Принц зелени, принц Волчьего леса. Он силен, проворен, свиреп, и все, что обитает в этом добром зеленом мире, боится его.

Далеко внизу, под деревьями, что-то двигалось. Серое пятно мелькнуло и пропало снова, но он успел насторожить уши. Там, вдоль быстрого зеленого ручья, бежало что-то. Волки, понял он. Его мелкие родичи гонят какую-то дичь. Теперь принц рассмотрел их получше — тени на быстрых серых лапах. Стая.

У него тоже раньше была своя стая. Их пятеро и шестой, который держался в стороне. Где-то внутри у него звучали имена, которыми называли их люди, чтобы отличить одного от другого, но он их различал не по звукам, а по запаху. Все его братья и сестры пахли похоже, стайей, но и по-своему тоже.

Сердитый брат с горящими зелеными глазами и теперь где-то близко — принц знал это, хотя давно уже не видел его. Но с каждым заходом солнца он все больше отдаляется, и он последний. Всех остальных разметало, как листья на ветру.

Иногда он чувствовал, будто они по-прежнему с ним, только прячутся за валунами и стволами деревьев. Он не чуял их, не слышал по ночам их вой, но чувствовал их присутствие у себя за спиной... всех, кроме сестры, которую они потеряли. Его хвост опускался, когда он вспоминал о ней. Теперь их только четверо. Четверо и еще один, белый, не имеющий голоса.

Эти леса принадлежали им: заснеженные склоны и каменные холмы, большие зеленые сосны и покрытые позолотой дубы, быстрые ручьи и обрамленные инеем голубые озера. Но сестра покинула лес и ушла в человечесьи жилища, где правят другие охотники и откуда нелегко выбраться обратно. Принц помнил, как это трудно.

Ветер внезапно переменялся.

Олень, и страх, и кровь. Запах добычи пробудил в нем голод. Он принялся и побежал по верху гряды, слегка разжав челюсти. Обратный склон был круче того, по которому он поднимался, но он уверенно перескакивал через камни, и корни, и гнилые листья. Запах манил его, заставляя бежать вниз еще быстрее.

Когда он добежал, олень уже выпускал дух, окруженный восемью его мелкими серыми родичами. Вожаки уже начали есть — сначала волк, за ним его волчица; они поочередно отрывали куски от красного подбрюшья оленя. Остальные терпеливо ждали, все, кроме хвостового, который описывал круги чуть поодаль от других, поджав собственный хвост. Он

будет есть последним, довольствуясь тем, что оставит ему стая.

Принц находился с подветренной стороны, и они его не почуяли, пока он не перескочил через поваленное дерево в шести прыжках от них. Хвостовой, заметив его первым, заскулил и шмыгнул прочь. Другие волки, обернувшись на этот звук, оскалили зубы и зарычали — все, кроме царя вожаков.

Лютоволк ответил низким предупреждающим рыком и тоже показал зубы. Он был крупнее своих родичей — вдвое больше тощего хвостового и в полтора — вожаков. Он прыгнул прямо в середину стаи, и трое волков, попятившись, скрылись в подлеске. Еще один бросился на него, лязгая зубами. Принц, встретив атаку головой вперед, сомкнул челюсти на ноге волка и отшвырнул его прочь, визжащего и охромевшего.

Между ним и добычей остался только вожак, большой серый волк с окровавленной после кормежки мордой. На морде была заметна еще и седина, говорившая о том, что волк уже стар. Из полуоткрытой пасти стекала красная слюна.

«Он совсем не боится, — подумал принц, — как и я. Это будет хороший бой». Они устремились навстречу друг другу.

Они бились долго, перекатываясь через корни, камни и оленьи потроха, терзая один другого зубами и когтями. Расцеплялись, описывали круг и снова кидались в драку. Принц был крупнее и намного сильнее, но у его родича имелась стая. Волчица кружила рядом с ними, нюхая воздух и рыча, и становилась против принца всякий раз, когда ее волк отскакивал прочь окровавленный. Другие волки тоже вставали, норовя куснуть принца за ногу или за ухо, когда он отворачивался. Один разозлил его так, что принц молниеносно повернулся и разорвал ему горло. После этого прочие стали держаться на расстоянии.

И когда последний красный отблеск заката померк в зеленой с золотом листве, старый волк устало лег на спину, горлом и брюхом кверху. Это значило, что он сдается.

Принц понюхал его и слизнул кровь с его шерсти. Старый волк заскулил, и лютоволк отвернулся. Он сильно проголодался, и добыча ждала его.

— Ходор.

Услышав этот неожиданный звук, он остановился и зарычал. Волки смотрели на него зелеными и желтыми глазами, горящими последним светом дня. Никто из них не слышал того, что слышал он. Этот ветер дул только ему в уши. Он вцепился в брюхо оленя и оторвал кусок.

— Ходор, ходор.

«Нет, — подумал он. — Нет, не хочу». Эта мысль принадлежала уже мальчику, а не волку. От слов все вокруг потемнело — остались только тени деревьев и горящие глаза его родичей. Сквозь них и за ними он видел ухмыляющееся человеческое лицо и каменный погреб с обросшими селитрой стенами. Густой теплый вкус крови на языке исчезал. «Нет, нет, не надо. Я хочу есть. Хочу. Хочу».

— Ходор, ходор, ходор, ходор, — распевал Ходор, легонько тряся его за плечи и раскачиваясь взад-вперед. Ходор всегда старается быть осторожным, но в нем семь футов росту, и он сам не сознает своей силы — вот и теперь от его тряски зубы Брана выбивали дробь.

— Нет! — крикнул он сердито. — Перестань, Ходор. Я здесь, я уже здесь.

Ходор с ошарашенным видом остановился.

— Ходор?

Лес и волки пропали. Бран снова вернулся в сырой подвал старой сторожевой башни,

заброшенной, наверно, пару тысяч лет назад. От самой башни почти ничего не осталось, и даже упавшие с нее камни так обросли мхом и плющом, что их и за несколько шагов не было видно. Бран прозвал ее «Башней-Развалюхой», но дорогу в подвал нашла Мира.

— Тебя не было слишком долго. — Жойену Риду тринадцать, он всего на четыре года старше Брана и ненамного выше, всего на каких-то два или три дюйма, но говорит он важно и степенно, как человек намного старше и умнее его. В Винтерфелле старая Нэн прозвала его «маленьким дедушкой».

— Я хотел поесть, — хмуро ответил Бран.

— Мира скоро вернется и принесет нам ужин.

— От лягушек меня уже тошнит. — Мира — лягушатница с Перешейка, и ее, конечно, нельзя винить за то, что она все время ловит лягушек, но все-таки... — Я хотел поесть оленины. — Он вспомнил на миг вкус крови и славного сырого мяса, и его рот наполнился слюной. Он дрался за это мясо. И победил.

— Ты пометил деревья?

Бран вспыхнул. Жойен всегда просит его делать разные вещи, когда он открывает свой третий глаз и оказывается в шкуре Лета. Содрать когтями кору с дерева, поймать кролика и принести его в зубах нетронутым, выложить камешки в ряд. Глупости всякие.

— Забыл, — сказал Бран.

— Ты всегда забываешь.

Это правда. Он *хочет* сделать то, о чем просит Жойен, но как только он становится волком, все это утрачивает всякий смысл. Столько надо увидеть, столько обнюхать — весь зеленый мир, созданный для охоты, лежит перед ним. А еще он может *бегать*! Ничего нет лучше бега — разве что погоня за дичью.

— Я был принцем, Жойен. Лесным принцем.

— Ты и так принц, — напомнил ему Жойен. — Ты ведь помнишь об этом, не так ли? Скажи мне, кто ты.

— Сам знаешь. — Жойен его друг и учитель, но иногда Брану хочется его стукнуть.

— Я хочу, чтобы ты сказал эти слова. Скажи, кто ты.

— Бран, — угрюмо пробубнил он. (Бран Сломанный.) — Брандон Старк. — (Маленький калека.) — Принц Винтерфелла. — Но Винтерфелл сожжен и разрушен, его жители угнаны или убиты. В оранжереях не осталось стекол, и горячая вода струится по зияющим трещинам стенам, испаряясь на солнце. Можно ли быть принцем замка, которого ты, вероятно, никогда больше не увидишь?

— А кто такой Лето? — не унимался Жойен.

— Мой лютоволк. — Бран улыбнулся. — Принц леса.

— Мальчик Бран и волк Лето. Выходит, вас двое?

— Двое, — вздохнул Бран, — но мы одно. — Он ненавидел Жойена, когда тот приставал к нему с этими глупостями. В Винтерфелле Жойен хотел, чтобы Бран видел волчьи сны, а теперь, когда Бран научился, все время отзывает его назад.

— Помни, что вас двое, Бран. — Помни *себя*, иначе волк тебя сожрет. Когда вы соединяетесь, недостаточно просто бегать, охотиться и выть в шкуре Лета.

«Мне достаточно», — сказал про себя Бран. Шкура Лета нравилась ему больше, чем собственная. Что толку быть оборотнем, если нельзя носить шкуру, которая тебе нравится?

— Запомни это, хорошо? И в следующий раз пометь дерево. Любое дерево, все равно какое — главное, сделай это.

— Ладно, запомню. Если хочешь, я сделаю это прямо сейчас. На этот раз я точно не забуду. — (Но сначала съем своего оленя и еще немного подерусь с этими мелкими волками.)

— Нет уж, останься и поешь сам, как человек. Оборотень не может прожить тем, что ест его зверь.

«Ты-то откуда знаешь? — возмущенно подумал Бран. — Ты оборотнем никогда не был».

Ходор внезапно вскочил, стукнувшись головой о низкий потолок, и с воплем «ХОДОР» ринулся к двери. Дверь открылась, и в их убежище вошла Мира.

— Ходор, ходор, — с ухмылкой бубнил здоровенный конюх.

Мире Рид уже шестнадцать, она взрослая женщина, но ростом не выше своего брата. Бран как-то спросил ее, почему она так и не выросла, а она сказала, что болотные жители все маленькие. С каштановыми волосами, зеленоглазая и плоская, как мальчишка, она двигалась с гибкой грацией, которой Бран мог только завидовать. У нее есть длинный острый кинжал, но излюбленное ее оружие — это тонкая лягушачья острога с тремя зубцами и веревочная сеть.

— Ну, кто тут голодный? — воскликнула она, показывая им свой улов: две мелкие серебристые форели и шесть толстых зеленых лягушек.

— Я, — сказал Бран. — (Только лягушек твоих не хочу.) — В Винтерфелле, еще до того, как началось плохое, Уолдеры говорили, что у того, кто ест лягушек, зубы делаются зеленые и под мышками растет мох. Живы ли они, Уолдеры? Он не видел их тел в Винтерфелле... но мертвых было очень много, а внутрь замка они не заходили.

— Придется тогда тебя покормить. Поможешь мне почистить улов, Бран?

Он кивнул. На Миру трудно дуться. Она куда веселее, чем ее брат, и всегда знает, как заставить Брана улыбнуться. Ее нельзя испугать и рассердить тоже нельзя. Разве что Жойену это иногда удается... Жойен Рид кого хочешь может напугать. Он весь одет в зеленое, и глаза у него, как мох, и он видит зеленые сны. Что Жойену приснится, всегда сбывается. Правда, ему как-то приснилось, что Бран умер, а Бран жив. Но и мертв тоже, на свой лад.

Жойен послал Ходора за дровами и развел маленький костер, пока Бран и Мира чистили рыбу и лягушек. Котелком им служил Мирин шлем. Они резали улов на маленькие кусочки, заливали водой и добавляли собранный Ходором дикий лук. Получалась лягушачья похлебка. Не так вкусно, как оленина, но тоже ничего, решил Бран за едой.

— Спасибо, миледи Мира, — сказал он.

— Рада служить вам, ваше высочество.

— Хорошо бы завтра двинуться дальше, — сказал Жойен.

Бран заметил, как напряглась Мира.

— Ты видел зеленый сон?

— Нет, — честно признался Жойен.

— К чему нам тогда уходить? Развалюха — хорошее место. Селений поблизости нет, в лесу полно дичи, в ручьях и озерах много рыбы и лягушек — и здесь нас никто не найдет.

— Это место не для нас.

— Зато оно безопасное.

— Да, здесь, казалось бы, безопасно, вот только надолго ли? В Винтерфелле произошло сражение — мы видели убитых. А сражение — это война. Если сюда вдруг нагрянет какая-то армия...

— Это может быть армия Робба, — сказал Бран. — Робб скоро вернется с юга, я знаю. Вернется со всеми своими знаменами и прогонит островитян прочь.

— Ваш мейстер перед смертью ничего не сказал о Роббе, — напомнил ему Жойен. — Он сказал, что на Каменном Берегу островитяне, а на востоке — Бастард Болтонский. Ров Кейлин и Темнолесье пали, наследник Сервина убит, кастелян Торрхенова Удела — тоже. Война повсюду, сказал он, и сосед воюет с соседом.

— Все это мы уже много раз пережевывали, — сказала Мира. — Ты хочешь идти к Стене и своей трехглазой вороне. Это понятно, но до Стены далеко, а у Брана, если не считать Ходора, ног нет. Если бы мы ехали верхом...

— Будь мы орлами, мы умели бы летать, — огрызнулся Жойен, — но крыльев у нас нет и лошадей тоже.

— Лошадей можно достать, — возразила Мира. — Даже в самой глуши Волчьего леса живут лесники, издольщики, охотники, и у кого-нибудь непременно найдутся лошади.

— Хорошо, а дальше? Прикажешь их красть? Недоставало еще, чтобы за нами начали охоту.

— Лошадей можно купить или обменять на что-то.

— Посмотри на нас, Мира. Мальчик-калека с лютоволком, дурачок огромного роста и двое болотных жителей в тысяче лиг от Перешейка. Нас тут же узнают, и пойдут слухи. Пока Бран остается мертвым, ему ничего не грозит. Живой он становится добычей для всякого, кто захочет умертвить его окончательно. — Жойен поворошил палкой в костре. — Там, где-то на севере, нас ждет трехглазая ворона. Бран нуждается в учителе более мудром, чем я.

— Но как мы туда доберемся, Жойен? — спросила его сестра. — Как?

— Пешком. Шаг за шагом.

— Мы целую вечность путешествовали из Сероводья в Винтерфелл, притом верхом. А ты хочешь, чтобы мы проделали еще более длинную дорогу пешком, не зная даже, где она кончается. Ты говоришь «за Стеной». Я там никогда не бывала, как и ты, но знаю, что край за Стеной очень велик. И сколько там этих трехглазых ворон — много или только одна? Как мы найдем ее?

— Быть может, она сама найдет нас.

Мира еще не успела подыскать ответа, когда они услышали звук, похожий на далекий волчий вой.

— Лето? — спросил Жойен, прислушиваясь.

— Нет. — Бран знал своего волка по голосу.

— Ты уверен? — настаивал «маленький дедушка».

— Уверен. — Лето нынче ушел далеко и до рассвета не вернется. Жойен видит зеленые сны, но волка от лютоволка отличить не может. Почему они, собственно, так слушаются Жойена? Он не принц, как Бран, не большой и не сильный, как Ходор, не такой хороший охотник, как Мира, но почему-то именно Жойен всегда говорит, что делать дальше. — Нам надо украсть лошадей, как хочет Мира, — сказал Бран, — и ехать к Амберам в Последний Очаг. Или лодку украсть и доплыть по Белому Ножу до Белой Гавани. Там правит толстый лорд Мандерли, и он обходился со мной очень приветливо на празднике урожая. Он хотел строить корабли. Может, он уже построил несколько штук — тогда мы поплыли бы в Риверран и привезли Робба домой со всем его войском. И уже все равно будет, если все узнают, что я жив. Робб нас никому не даст в обиду.

— Ходор! — промолвил конюх. — Ходор, ходор.

Но, видимо, замысел Брана пришелся по вкусу только ему. Мира в ответ только улыбнулась, а Жойен нахмурился. Они никогда не делают того, что хочет он, хотя он Старк и

принц к тому же, а Риды с Перешейка — знаменосцы Старков.

— Хоооодор, — завел Ходор, раскачиваясь, — хоооооодор, хоооооодор, хоДОР, хоДОР, хоДОР. — Иногда на него находит, и он может повторять свое имя без конца, а иногда сидит тихо, точно его здесь и нет. С Ходором ничего нельзя знать заранее. — ХОДОР, ХОДОР, ХОДОР!

Так просто он не уймется, понял Бран.

— Ходор, — сказал он, — ты бы вышел и поиграл со своим мечом.

Конюх, наверно, совсем забыл про меч, но теперь вспомнил и пошел за ним. Они взяли три меча в крипте Винтерфелла, где Бран и его брат Рикон скрывались от людей Теона Грейджоя. Бран выбрал меч своего дяди Брандона, Мира взяла свой с колен его деда лорда Рикарда. Меч Ходора гораздо старше, он просто огромен и за несколько веков потускнел и покрылся ржавчиной. Ходор может махать им часами. У башни есть гнилое дерево, которое он уже наполовину порубил в щепки.

Они даже сквозь стены продолжали слышать, как он ревет «ХОДОР!» и рубит свое дерево. К счастью, Волчий лес велик, и вряд ли кто-нибудь другой его услышит.

— Жойен, почему ты заговорил об учителе? — спросил Бран. — Мой учитель — ты. Я, правда, так и не пометил дерево, но в другой раз обязательно помечу. Мой третий глаз открылся, как ты хотел...

— Так широко открылся, что ты, я боюсь, можешь провалиться в него и всю оставшуюся жизнь блуждать волком по лесу.

— Этого не случится, я обещаю.

— Мальчик обещает, но запомнит ли волк его обещание? Ты бегаешь с Летом, охотишься с ним, убиваешь с ним... и подчиняешься его воле больше, чем он твоей.

— Я просто забыл, вот и все. Мне ведь только девять. Я стану лучше, когда вырасту. Даже Дориан-Дурак и принц Эймон, Дракониий Рыцарь, в девять лет еще не были великими рыцарями.

— Это правда и было бы даже умно, будь дни по-прежнему длинными, но они становятся все короче. Ты летнее дитя, я знаю. Назови мне девиз дома Старков.

— «Зима близко». — От одних этих слов на Брана повеяло холодом.

Жойен важно кивнул.

— Мне приснился крылатый волк, прикованный к земле каменными цепями, и я приехал в Винтерфелл, чтобы освободить его. Теперь цепи спали с тебя, но ты все еще не летаешь.

— Ну так научи меня. — Бран по-прежнему боялся трехглазой вороны, которая посещала порой его сны, и долбила его клювом между глаз, и приказывала ему лететь. — Ты ведь древовидец.

— Нет — просто мальчик, который видит сны. Древовидцы умели не только это. У них были крылья, как у тебя, и самые сильные из них могли превращаться во все, что летает, плавает или ползает; могли смотреть глазами чардрев и видеть истину за пределами этого мира. У богов даров много, Бран. Сестра моя — охотница. Ей дано быстро бегать и стоять так тихо, что ее совсем не слышно. У нее острый глаз, острый слух, она искусно владеет острогой и сетью. Она умеет дышать сквозь речной ил и прыгать с дерева на дерево. Я ничего этого не умею, и ты тоже. Мне боги дали зеленые сны, а тебе... ты можешь намного превзойти меня, Бран. Ты крылатый волк, и никто не знает, как далеко и как высоко ты способен летать... если тебя кто-нибудь этому научит. Как я могу помочь тебе овладеть

даром, который мне непонятен? У нас на Перешейке помнят Первых Людей и Детей Леса, которые были их друзьями... но многое забыто напрочь, и многого мы не узнаем никогда.

— Если мы останемся здесь и никого не потревожим, — сказала Мира, взяв Брана за руку, — ты будешь в безопасности до конца войны, но научиться сможешь только тому, чему способен научить тебя брат — а ты слышал, что он сказал. Если мы уйдем отсюда, чтобы поискать пристанища в Последнем Очаге или за Стеной, нас могут схватить. Ты только мальчик, я знаю, но еще и наш принц, сын нашего лорда и наследник нашего короля. Мы поклялись тебе в верности землей и водой, бронзой и железом, льдом и огнем. Дар твой, Бран, и риск тоже твой. Поэтому выбор, мне думается, тоже должен быть за тобой. Мы твои слуги — приказывай. По крайней мере в этом случае, — усмехнулась она.

— И вы сделаете, как я скажу? Правда?

— Правда, мой принц, так что подумай как следует.

Бран попытался рассуждать так, как, возможно, рассуждал бы отец. Дядья Большого Джона Амбера, Хозер Смерть Шлюхам и Морс Воронье Мясо, — люди буйные, но вроде бы преданные. И Карстарки тоже. Кархолд — сильный замок, отец всегда так говорил. У Амберов или Карстарков он будет в безопасности...

Они могут также отправиться на юг, к лорду Мандерли. В Винтерфелле тот много смеялся и никогда не смотрел на Брана жалостливо, как другие лорды. Замок Сервин ближе, чем Белая Гавань, но мейстер Ловин сказал, что Клей Сервин убит. Может быть, Амберы, Карстарки и Мандерли тоже мертвы — кто знает. И если его, Брана, схватят островитяне или Бастард Болтонский, он тоже умрет.

Можно еще остаться здесь, в Развалюхе, — тогда их никто не найдет, и он останется жив. Но калекой быть не перестанет.

Бран поймал себя на том, что плачет, и сказал себе: «Глупый сопляк. Куда бы ты ни отправился, в Кархолд, Белую Гавань или Сероводье, ты все равно будешь калекой». Он сжал кулаки и сказал:

— Я хочу летать. Ведите меня к вороне.

Когда он поднялся на палубу, позади таял длинный мыс Дрифтмарк, а впереди вставал из моря Драконий Камень. Бледно-серая струйка дыма поднималась в небо с вершины его горы. Драконова гора нынче утром неспокойна — если это не костер, на котором Мелисандра сжигает кого-то еще.

Мелисандра не покидала его мыслей, пока «Плясунья Шайяла» шла через Черноводный залив и Глотку, лавируя против встречного ветра. Огонь, горящий на сторожевой башне Острого мыса на конце Крюка Масси, напомнил ему рубин у нее на шее, а красные облака на утренней и вечерней заре вызывали в памяти шелк и атлас ее платьев.

Она ждет его на Драконьем Камне во всей своей красе и силе, со своим богом, своими тенями и его королем. Давос всегда думал, что красная жрица предана Станнису, но теперь переменял свое мнение. Она сломала его, как ломает человек норовистого коня. Чтобы взнуздать его и скакать на нем к власти, она предала огню сыновей Давоса. Я вырежу живое сердце у нее из груди и посмотрю, как оно горит, говорил он себе. И ласкал пальцами рукоять длинного красивого лиссенийского кинжала, который подарил ему капитан.

Капитан был очень добр к нему. Зовут его Хоран Сатмантес, и он лиссениец, как и Салладор Саан, которому принадлежит этот корабль. У него светло-голубые глаза, часто встречающиеся в Лиссе, костистое обветренное лицо, и он уже много лет занимается торговлей с Семью Королевствами. Узнав, что человек, подобранный им, — знаменитый Луковый Рыцарь, он уступил Давосу свою каюту, снабдил его своей одеждой и парой новых сапог, которые пришлось почти впору. Он настаивал, чтобы Давос и ел за его столом, но это ни к чему хорошему не привело. Желудок Давоса не мог переварить устриц, угрей и прочих изысканных блюд, любимых капитаном, и после их первой трапезы он провел остаток дня у борта, свешиваясь за него то одним концом, то другим.

С каждым ударом весел Драконий Камень становился все больше. Давос уже видел очертания горы и большую черную цитадель у нее на склоне, с горгульями и драконьими башнями. Бронзовая фигура на носу «Плясуньи Шайялы» резала волны, взмахивая солеными пенными крыльями. Давос привалился к планширу, радуясь, что может на что-то опереться. Пережитые им испытания ослабили его. Если он слишком долго стоял, ноги начинали трястись, и на него часто нападали приступы кашля, после которых он выплевывал кровавые сгустки. Это ничего, говорил он себе. Боги не для того провели меня через огонь и воду, чтобы после уморить кашлем.

Слушая, как стучит барабан гребного мастера, гудит парус и поскрипывают весла, он возвращался во времена своей молодости, когда те же звуки каким-нибудь туманным утром вселяли в его сердце страх. Они возвещали о приближении морской стражи старого сира Трестимуна, а морская стража несла смерть контрабандистам, когда на Железном Троне сидел Эйерис Таргариен.

Но это было в другой жизни. До лукового корабля, до Штормового Предела, до того, как Станнис укоротил ему пальцы. До войны и красной кометы, до того, как он стал Сивортом и рыцарем. Он был другим человеком в те дни, до того, как лорд Станнис возвысил его.

Капитан Хоран рассказал ему о крушении надежд Станниса в ночь, когда горела река. Ланнистеры обошли его с фланга, а переменчивые знаменосцы в час наибольшей нужды стали покидать его сотнями. «Там видели тень короля Ренли, — сказал капитан, — он рубил

направо и налево, возглавляя авангард львиного лорда. Говорят, его зеленые доспехи от дикого огня сияли призрачным светом, а оленье рога на шлеме горели золотом».

Тень Ренли. А вдруг и тени сыновей Давоса тоже вернутся в этот мир? Он слишком много повидал в море, чтобы утверждать, что призраков не существует.

— Неужели никто не остался верен ему? — спросил Давос.

— Лишь немногие — в основном это родственники королевы. Мы взяли на борт многих с лисой и цветами, но еще больше народу под всевозможными эмблемами осталось на берегу. Лорд Флорент теперь десница короля.

Гора, увенчанная бледным дымом, приближалась. Парус пел, барабан бил, весла работали в лад, и вскоре перед ними открылось устье гавани. Как пусто, подумал Давос, помнивший, сколько кораблей теснилось прежде у каждого причала и покачивалось за волнорезом. Флагман Салладора Саана «Валирийка» стоял у набережной, где прежде помещалась «Ярость» и ее сестры. Корпуса соседних кораблей тоже пестрели лиссенийскими полосками. Давос тщетно искал «Леди Марию» или «Духа».

Войдя в гавань, они спустили парус и подошли к причалу на веслах.

— Мой принц захочет повидать вас немедленно, — сказал капитан, пока матросы закрепляли концы.

На Давоса напал кашель. Он схватился за борт и сплюнул в море.

— Король, — просипел он. — Я должен видеть короля. — Где король, там будет и Мелисандра.

— Король никого не принимает, — твердо ответил капитан. — Салладор Саан вам все расскажет. Сначала к нему.

Давос, слишком слабый, чтобы противоречить, ограничился кивком.

На борту «Валирийки» Салладора не оказалось. Они нашли его за четверть мили от нее, в трюме пузатой пентошийской барки под названием «Богатый урожай», где он с двумя евнухами пересчитывал груз. Один евнух держал фонарь, другой восковую табличку и стилус.

— Тридцать семь, тридцать восемь, тридцать девять, — бубнил старый пират, когда Давос с капитаном вошли в трюм. Сегодня он был в винно-красном камзоле и высоких сапогах из выбеленной кожи с серебряным тиснением. Раскупорив один из сосудов, он понюхал, чихнул и сказал: — Грубый помол, второсортный — мой нос не проведешь. В накладной значатся сорок три сосуда — куда же, любопытно знать, подевались остальные? Эти пентошийцы думают, что я считать не умею? — Тут он увидел Давоса и осекся. — Что это так глаза щиплет — перец или слезы? Неужто передо мной Луковый Рыцарь? Нет, быть не может — все сходятся на том, что мой друг Давос погиб на горящей реке. Зачем же его призрак тревожит меня?

— Я не призрак, Салла.

— Да ну? Мой Луковый Рыцарь никогда не был таким тощим и бледным, как ты. — Тут Салладор Саан, пробравшись между грудями пряностей и рулонами тканей, стиснул Давоса в объятиях и расцеловал трижды, в щеки и в лоб. — Но ты еще теплый, сир, и я слышу, как стучит твое сердце. Так это правда? Море проглотило тебя, но выплюнуло обратно.

Давосу вспомнился Пестряк, полоумный шут принцессы Ширен. Он тоже побывал в морской пучине и вышел оттуда безумным. Может, и он, Давос, лишился разума? Кашлянув в перчатку, он сказал:

— Я проплыл под цепью, и меня выбросило на копьё сардиньего короля. Там бы я и

помер, если б не «Плясунья Шайяла».

Салладор обнял за плечи своего капитана.

— Молодец, Хоран. Мне сдается, ты получишь щедрую награду. Мейзо Мар, будь хорошим евнухом и проводи моего друга Давоса в хозяйскую каюту. Да принеси ему горячего вина с гвоздикой — не нравится мне этот кашель. Лимон тоже туда выжми. Подай еще белый сыр и миску тех зеленых оливок, которые мы только что считали. Я сейчас приду к тебе, Давос, только поговорю с нашим славным капитаном. Ты извинишь меня, я знаю. Смотри только не съешь все оливки, не то я рассержусь!

Давос вместе со старшим из двух евнухов проследовал в большую, богато обставленную каюту на корме. Ковры здесь были мягкими, окна цветными, а в каждом из глубоких кожаных кресел могли поместиться трое Давосов. Вскоре явились сыр, оливки и чаша горячего красного вина. Давос взял ее в руки и с благодарностью отпил глоток. По груди распространилось упоительное тепло.

Немного времени спустя появился и Салладор Саан.

— Извини за вино, дружище. Эти пентошийцы пили бы собственную мочу, будь она красная.

— Оно хорошо для груди. Моя матушка говаривала, что горячее вино помогает лучше всякого компресса.

— Компрессы тебе тоже понадобятся. Значит, ты все это время просидел на копье? Подумать только. Как ты находишь это превосходное кресло? Зад у него будь здоров, верно?

— У кого? — спросил Давос, попивая свое вино.

— У Иллирио Мопатиса. Кит с бакенбардами, право слово. Кресла делались по его мерке, хотя он нечасто вылезает из Пентоса. Толстяки любят сидеть с удобствами — впрочем, собственная подушка всегда при них.

— Как это ты оказался на пентошском судне? Никак снова пиратом заделался, милорд? — Давос отставил пустую чашу.

— Низкая клевета. Кто претерпел от пиратов больше Салладора Саана? Я беру лишь то, что принадлежит мне по праву. Мне много задолжали, очень много, но вместо золота я получил пока что пергамент, совсем свеженький. На нем имя и печать лорда Алестера Флорента, десницы короля. Теперь я — лорд Черноводного залива, и ни одно судно не смеет бороздить мои благородные воды без моего благородного разрешения. А если эти разбойники пытаются проскочить ночью, чтобы не платить мне законной пошрины, то они ничем не лучше контрабандистов, и я имею полное право взять себе их суда. Но пальцев я никому не рублю, — со смехом заметил Салладор. — На что мне их пальцы? Я беру только корабли, груз и выкуп — в разумных пределах. — Он бросил на Давоса острый взгляд. — А ты, дружище, плох. Этот кашель, и кости под кожей выпирают. Зато твоего мешочка с костями я что-то не вижу.

Рука Давоса по привычке потянулась к отсутствующей ладанке.

— Я потерял их на реке. — (А с ними и удачу.)

— Там творилось что-то ужасное, — посерьезнел Салладор. — Даже из залива страшно было смотреть.

Давос закашлялся, сплюнул и снова закашлялся.

— Я видел, как горели «Черная Бета» и «Ярость», — хрипло выговорил он наконец. — Вышло ли хоть сколько-нибудь наших кораблей из огня? — Частью души он все еще надеялся.

— «Лорд Стефан», «Дженна-оборванка», «Быстрый меч», «Веселый лорд» и еще несколько оказались выше пиромантовой мочи. Они не сгорели, но и уйти не смогли, поскольку цепь уже подняли. Некоторые сдались, но большинство двинулось на веслах вверх по Черноводной, подальше от боя, и там моряки затопили их, чтобы они не достались Ланнистерам. Я слышал, будто «Дженна-оборванка» и «Веселый лорд» все еще пиратствуют на реке, но кто знает, правда ли это.

— Что «Леди Мария»? И «Дух»?

Салладор Саан сжал плечо Давоса.

— Нет. Они не спаслись. Я сожалею, дружище. Твои Дейл и Аллард были хорошие ребята. Могу, однако, тебя утешить — твой юный Деван был среди тех, кого мы подобрали в конце битвы. Говорят, храбрый мальчонка не отходил от короля.

У Давоса даже голова закружилась от облегчения. Он боялся спрашивать о Деване.

— Хвала милосердной Матери. Я должен увидеть его, Салла.

— Конечно. И я думаю, ты захочешь сплавать на мыс Гнева, чтобы повидать жену и двух младших. Ты должен получить новый корабль.

— Его величество даст мне его.

— У его величества кораблей не осталось, зато у Салладора Саана их много. Королевские суда сгорели на реке, а мои нет. Ты получишь корабль, дружище, и будешь моим капитаном, так ведь? Будешь ходить между Браавосом, Миром и Волантисом темной ночью, невидимый, и возвращаться ко мне с шелком и пряностями. Наши кошельки лопнут от золота.

— Ты очень добр, Салла, но я обязался служить моему королю, а не твоему кошельку. Война продолжается, и Станнис остается законным наследником престола по всем законам Семи Королевств.

— Что проку в законах, когда корабли сожжены. И своего короля, боюсь, ты найдешь сильно изменившимся. С самой битвы он никого не хочет видеть и не выходит из своего Каменного Барабана. Всеми делами занимается королева со своим дядей Алестером, который именует себя десницей. Королева вручила ему королевскую печать, которую он ставит на все бумаги — вот и на мой пергамент тоже. Только вот королевство, которым они правят, маленькое, бедное и скалистое. В нем нет золота — даже такой малости, чтобы уплатить долг верному Салладору Саану, из рыцарей остались лишь те, кого мы приняли на борт, а из кораблей — только мой маленький храбрый флот.

Давос скрючился в приступе кашля. Салладор хотел помочь ему, но он махнул рукой и вскоре оправился.

— Как то есть — никого не видит? — просипел он. Собственный голос показался ему слабым и хриплым, и каюта на миг поплыла перед глазами.

— Никого, кроме нее. — Давосу не нужно было спрашивать, о ком Салладор говорит. — Дружище, ты себя изнуряешь. Тебе требуется постель, а не Салладор Саан. Постель, теплые одеяла, горячий компресс на грудь и побольше вина с гвоздикой.

— Ничего, — потрянул головой Давос. — Рассказывай, Салла, я должен знать. Никого, кроме Мелисандры?

Лиссениец с сомнением посмотрел на него и неохотно продолжил:

— Всех остальных стража отсылает прочь, даже королеву и маленькую принцессу. Слуги приносят еду, но к ней никто не прикасается. — Он подался вперед и понизил голос. — Я слышал странные разговоры о голодном огне в чреве горы и о том, как Станнис с

красной женщиной спускаются туда вместе поглядеть на пламя. Там будто бы есть шахты и тайные лестницы, ведущие в самое пекло, где только она может бывать безнаказанно. Немудрено, что старик после этаких ужасов есть не может.

Мелисандра. Давоса пробрала дрожь.

— Это все красная женщина сделала. Она наслала огонь, пожравший нас, в наказание за то, что Станнис отправил ее восвояси, и чтобы доказать ему, что без ее чар ему нечего надеяться на победу.

Салладор взял из миски сочную оливку.

— Ты не первый, кто это говорит, дружище, но на твоём месте я не стал бы говорить такое вслух. Дракониий Камень прямо кишит людьми королевы, у которых слух острый, а ножи ещё острее. — Он сунул оливку в рот.

— У меня у самого есть нож — мне его капитан Хоран подарил. — Давос вынул кинжал и положил его на стол. — Нож, чтобы вырезать у Мелисандры сердце. Если у нее оно есть.

Салладор выплюнул косточку.

— Давос, дорогой мой Давос, не говори таких вещей даже в шутку.

— Это не шутка. Я намерен убить ее. — Если ее можно убить обыкновенным человеческим оружием. Давос сомневался в этом. Он видел, как старый мейстер Крессен влил яд в ее вино, собственными глазами видел, но когда они оба, мейстер и женщина, выпили из отравленной чаши, мейстер умер, а красная жрица — нет. Однако нож в сердце... даже демонов можно убить холодным железом, так поется в песнях.

— Опасные это разговоры, дружище. Мне думается, ты все ещё болен морем, и мозги у тебя запеклись от жара. Ложись-ка ты в постель и отдыхай, пока не окрепнешь.

«Или пока моя решимость не ослабнет». Давос встал. Он действительно чувствовал жар и головокружение, но это пустяки.

— Ты старый предатель и негодяй, Салладор Саан, и все же ты мой друг.

Лиссениец погладил свою заостренную серебристую бороду.

— Ну вот и останься со своим добрым другом.

— Нет, я пойду. — Давос закашлялся.

— Куда ты пойдешь? Посмотри на себя! Кашляешь, весь дрожишь, сам тощий и хилый. Куда тебя несет?

— В замок. Моя постель там, и сын мой тоже.

— И красная женщина, — с подозрением молвил Салладор. — Она тоже в замке.

— И она. — Давос спрятал кинжал обратно в ножны.

— Ты, контрабандист луковый, что ты смыслишь в тайных убийствах? Ты же болен, ты даже кинжал свой не удержишь, знаешь, что с тобой сделают, если схватят? Пока вы горели там, на реке, королева сжигала изменников тут. «Слуги тьмы», называла она этих бедолаг, а красная женщина пела, когда горели костры.

Давоса это не удивило — ему казалось, что он знал это заранее.

— Она взяла из темниц лорда Сангласса, — предположил он, — и сыновей Губарда Рамбтона.

— Вот именно, и сожгла их, и тебя тоже сожжет. Если ты убьешь красную женщину, тебя сожгут ради возмездия, а если тебе не удастся ее убить, тебя сожгут за попытку убийства. Она будет петь, а ты будешь вопить, пока не умрешь. А ведь ты только-только вернулся к жизни!

— Я для того и вернулся, чтобы сделать это. Положить конец Мелисандре из Асшая и

всем ее козням. Зачем еще, по-твоему, море выплюнуло меня обратно? Ты знаешь Черноводный залив не хуже меня, Салла. Ни один капитан с головой на плечах не поведет свой корабль через копы сардиньего короля, рискуя пропороть себе днище. «Плясунья Шайяла» не должна была там появиться.

— Это ветер, — громко заявил Салладор, — противный ветер, только и всего. Он загнал ее слишком далеко на юг.

— А кто его послал, этот ветер? Салла, Мать говорила со мной.

— Твоя мать умерла, — заморгал лиссениец.

— Небесная Мать. Она даровала мне семерых сыновей, а я позволил сжечь ее. Она говорила со мной. Мы сами призывали огонь, сказала она. И тени тоже. Я отвез Мелисандру на лодке в подземелье Штормового Предела и видел ужас, который она родила там. — Он до сих пор видел в страшных снах, как тень, цепляясь черными руками за ляжки жрицы, вылезает из ее раздутого чрева. — Она убила Крессена, и лорда Ренли, и отважного человека по имени Кортни Пенроз, и сыновей моих тоже убила. Давно пора, чтобы кто-нибудь убил ее.

— Вот именно, «кто-нибудь» — только не ты. Ты слаб, как ребенок, и воин из тебя плохой. Останься, очень тебя прошу; мы поговорим, ты съешь что-нибудь, а потом мы, глядишь, поплывем в Браавос и найдем для этой цели Безликого, так ведь? Но ты сейчас должен сесть на место и поесть.

Он делает все еще более трудным, устало подумал Давос, хотя дело с самого начала было труднее некуда.

— Мечь сидит у меня в животе, Салла, и не оставляет места для еды. Отпусти меня. Ради нашей дружбы, пожелай мне удачи и дай мне уйти.

Салладор встал.

— Ты плохой друг, вот что. Когда ты умрешь, кто повезет твои кости и пепел твоей леди-жене, кто скажет ей, что она потеряла мужа и четырех сыновей? Бедный старый Салладор Саан, кто же еще. Но будь по-твоему, храбрый сир рыцарь, ступай, коли в могилу не терпится. Я соберу твои кости и раздам сыновьям, которые у тебя еще остались, — пусть носят в мешочках у себя на шее. — Он сердито махнул на Давоса унизанной перстнями рукой. — Ступай, ступай, ступай.

Давосу не хотелось уходить от него так.

— Салла...

— Сказано, ступай. Или оставайся, но если уж идешь, то иди.

И Давос ушел.

Путь от «Богатого урожая» к воротам замка был долгим и одиноким. Портовые улочки, где прежде кишели солдаты, матросы и простой люд, опустели. Там, где раньше под ноги подворачивались визжащие свиньи и голые ребятишки, шмыгали крысы. Ноги у Давоса были как кисель, и кашель трижды вынуждал его останавливаться и отдыхать. Никто не пришел ему на помощь и даже не выглянул в окошко, чтобы посмотреть, в чем дело. Окна и двери стояли закрытые, и больше половины домов были отмечены знаками траура. На Черноводную отплыли тысячи, а вернулись сотни. «Не один я потерял сыновей, — думал Давос. — Да помилует Мать всех павших».

Дойдя до ворот замка, он и их нашел закрытыми. Давос застучал кулаком в утыканное железными заклепками дерево. Ему никто не отвечал, но он стучал снова и снова. Наконец наверху, между двумя горгульями, появился человек с арбалетом.

— Кто там?

Давос задрал голову и сложил руки около рта.

— Сир Давос Сиворт к его величеству.

— Пьян ты, что ли? Ступай прочь и перестань дубасить в ворота.

Ну что ж, Салладор его предупреждал. Давос попробовал по-другому.

— Пошлите тогда за моим сыном. Это Деван, королевский оруженосец.

— Кто ты, говоришь, такой? — нахмурился стражник.

— Давос, Луковый Рыцарь.

Голова стражника исчезла, но вскоре вернулась.

— Убирайся, Луковый Рыцарь погиб на реке. Его корабль сгорел.

— Корабль сгорел, но я жив и стою перед тобой. Капитан ворот все еще Джейт?

— Кто?

— Джейт Блэкберн. Он меня знает.

— Не знаю такого. Его и в живых небось нет.

— Ну а лорд Читтеринг?

— Этого знаю. Он сгорел на Черноводной.

— Уилл Крючок? Хал-Боров?

— Все мертвы, — сказал часовой, но его явно одолело сомнение. — Подожди-ка, —

промолвил он и снова исчез.

Давос стал ждать. Никого не осталось, тупо думал он, вспоминая белое брюхо Хала, вечно выпиравшее из его засаленного дублета, и длинный след от рыболовного крючка на лице Уилла, и то, как Джейт снимал шапку перед всеми женщинами, пятилетними и пятидесятилетними, высокородными и простыми. Они утонули или сгорели, вместе с его сыновьями и тысячью других, и теперь продолжают гореть в аду.

Стражник вернулся и сказал:

— Идите к калитке, вас пропустят.

Давос повиновался. Стражники, впустившие его, были ему незнакомы. Вооруженные копьями, они носили на груди лису в цветочном венке, эмблему дома Флорентов. Давоса провели не к Каменному Барабану, как он ожидал, а под арку Драконова Хвоста, в Сад Эйегона, и сержант велел ему подождать здесь.

— Его величеству известно, что я вернулся? — спросил Давос.

— Будь я проклят, если знаю. Сказано — ждите. — И караул удалился.

В Саду Эйегона приятно пахло сосной и повсюду стояли высокие темные деревья. Сад окружали высокие колючие изгороди, в нем цвели дикие розы, а на заболоченном клочке земли росла клюква.

Давос не мог взять в толк, зачем его сюда привели.

Потом он услышал перезвон колокольчиков, детский смех, и из кустов вдруг выскочил шут Пестряк. Он мчался что есть мочи, а за ним гналась принцесса Ширен.

— Ну-ка вернись, Пеструшка, — кричала она. — Вернись сейчас же.

Увидев Давоса, дурак встал как вкопанный, и колокольчики на его жестяной шапке с оленьими рогами прозвенели: динь-дон, клинь-клон. Перескакивая с ноги на ногу, он запел:

— «Кровь дурака, и кровь короля, и кровь из девичьего лона — брачные цепи не хуже скуют, чем крепкие цепи закона». — Ширен совсем было догнала его, но в последнее мгновение он перескочил через высокий папоротник и исчез между деревьями. Принцесса помчалась за ним. Это зрелище вызвало у Давоса улыбку.

Он откашлялся в перчатку, когда сквозь изгородь проскочила еще одна маленькая фигурка, врезалась прямо в него и сбила его с ног.

Мальчик тоже упал, но тут же вскочил.

— Ты что здесь делаешь? — осведомился он, отряхиваясь. Угольно-черные волосы падали ему на плечи, но глаза, как ни странно, были синие. — Ты не должен загораживать мне дорогу, когда я бегу.

— Верно, не должен. — Давос привстал на колени и скрючился в новом приступе кашля.

— Ты нездоров? — Мальчик взял его за руку и помог подняться. — Может, мастера позвать?

— Ничего. Это просто кашель. Скоро пройдет.

— Мы играем в дев и чудовищ, — сообщил мальчик. — Я изображаю чудовище. Детская забава, но моей кухне нравится. Тебя как зовут?

— Сир Давос Сиворт.

Мальчик смерил его недоверчивым взглядом.

— Вы уверены? Вид у вас не очень-то рыцарский.

— Я Луковый Рыцарь, милорд.

Синие глаза моргнули.

— Который плавал на черном корабле?

— Вы знаете эту историю?

— Вы привезли дяде Станнису рыбу еще до моего рождения, когда лорд Тирелл держал его в осаде. — Мальчик вытянулся во весь свой рост и представился: — Я Эдрик Шторм, сын короля Роберта.

— Оно и видно. — Давос понял это почти сразу. Уши у парня оттопырены, как у Флорента, но волосы, глаза, челюсть, скулы — все это Баратеоновское.

— Вы знали моего отца?

— Я видел его много раз, бывая с вашим дядей при дворе, но мы ни разу не разговаривали.

— Отец научил меня сражаться, — гордо заявил Эдрик. — Он навещал меня почти каждый год, и мы иногда устраивали учебные бои. В мои последние именины он прислал мне боевой молот, совсем как у него, только поменьше. Но мне велели оставить его в Штормовом Пределе. Это правда, что дядя Станнис отрубил вам пальцы?

— Только последний сустав. Пальцы остались при мне, просто стали короче.

— Покажите.

Давос снял перчатку, и мальчик внимательно осмотрел его руку.

— А большой палец он не стал рубить?

— Нет. — Давос закашлялся. — Его он оставил в целости.

— Ему совсем не следовало рубить вам пальцы. Это нехорошо.

— Я был контрабандистом.

— Но ведь именно поэтому вы сумели привезти ему рыбу и лук.

— За лук лорд Станнис посвятил меня в рыцари, а за контрабанду урезал мне пальцы. — Давос снова надел перчатку.

— Мой отец не стал бы трогать ваши пальцы.

— Вам виднее, милорд. — Роберт был не такой, как Станнис, это верно. Мальчик похож на него — и на Ренли тоже. Эта мысль вызвала у Давоса беспокойство.

Эдрик хотел сказать еще что-то, но тут они услышали шаги. Сир Акселл Флорент шел к ним по садовой дорожке с дюжиной стражников в стеганых кафтанах, с огненным сердцем Владыки Света на груди. Люди королевы, подумал Давос, и на него снова напал кашель.

Сир Акселл коренаст и мускулист, с мощными руками, грудь у него колесом и ноги тоже, а из ушей растут волосы. Он приходился королеве дядей и уже лет десять служил кастеляном Драконьего Камня. С Давосом он всегда обращался учтиво, зная, что тот пользуется расположением лорда Станниса. Но теперь в его голосе не было ни учтивости, ни тепла.

— Я думал, вы утонули, сир Давос. Как вам удалось спастись?

— Лук не тонет, сир. Вы пришли отвести меня к королю?

— Я пришел отвести вас в темницу. — Сир Акселл сделал знак своим людям. — Отберите у него кинжал — он хотел убить им нашу госпожу.

Джейме заметил гостиницу первым. Она приютилась в излучине южного берега, и два ее длинных низких крыла тянулись вдоль реки, как будто открывая объятия плывущим вниз путникам. Нижний этаж был из серого камня, верхний из побеленного дерева, крыша грифельная. Джейме разглядел и конюшню, и увитую плющом беседку.

— Дым из труб не идет, — сказал он, — и света в окнах нет.

— Гостиница была еще открыта, когда я проезжал здесь в последний раз, — вспомнил Клеос Фрей. — Тут варят отменный эль. Может быть, в погребе еще что-нибудь сохранилось.

— Тут могут быть люди, — сказала Бриенна. — Как живые, так и мертвые.

— Ведь ты же не боишься мертвецов, женщина?

— Меня зовут...

— Знаю, Бриенна. Разве тебе не хочется поспать в мягкой постели, Бриенна? Здесь безопаснее, чем на реке, к тому же не худо было бы выяснить, что здесь случилось.

Она не ответила, но миг спустя направила лодку к ветхому деревянному причалу. Сир Клеос спустил парус, а когда они ткнулись носом в сваи, вылез и привязал лодку. Джейме в цепях неуклюже выкарабкался вслед за ним.

В конце причала на железном шесте висела облупленная вывеска. Она изображала некоего коленопреклоненного короля — он сложил руки, как бы принося клятву верности. Джейме посмотрел на нее и засмеялся.

— Лучшего приюта мы не могли найти.

— Это что, какое-то особенное место? — с подозрением спросила женщина.

— Это гостиница «Коленопреклоненный», миледи, — ответил ей Клеос. — Она стоит на том самом месте, где последний Король Севера преклонил колени перед Эйегоном Завоевателем в знак того, что сдается. Он, полагаю, и нарисован на вывеске.

— После поражения двух королей на Огненном Поле Торрхен повел своих людей на юг, — подхватил Джейме, — но, увидев Эйегонова дракона и величину его войска, он проявил благоразумие и склонил свои обмороженные колени. — Он остановился, услышав ржание. — Но крайней мере одна лошадь в конюшне есть. — (А больше ему и не нужно, чтобы оставить женщину позади.) — Давайте-ка поглядим, кто есть дома. — И Джейме, не дожидаясь ответа, нажал плечом на дверь.

Сделав это, он увидел прямо перед собой заряженный арбалет, который держал крепкий парнишка лет пятнадцати.

— Лев, волк или рыба? — осведомился стрелок.

— Мы надеялись на каплуна, — сказал Джейме, слыша, что его спутники вошли вслед за ним. — Арбалет — оружие трусов.

— Это не помешает мне пустить стрелу тебе в сердце.

— Возможно. Но прежде чем ты успеешь зарядить его снова, мой кузен выпустит твои кишки на пол.

— Не надо пугать парня, — сказал сир Клеос.

— Мы ничего тебе не сделаем, — сказала женщина. — И у нас есть деньги, чтобы заплатить за еду и питье. — Она выудила из кошелька серебряную монету. Парень бросил подозрительный взгляд на нее и на кандалы Джейме.

— Почему он у вас в оковах?

— Я убил парочку лучников, — сказал Джейме. — У тебя эль есть?

— Есть. — Парень опустил арбалет на дюйм. — Расстегните пояса и сбросьте их на пол — тогда вас, может, и накормят. — Он подобрался боком к окну с толстыми, ромбом, стеклами и выглянул наружу. — У вас на лодке парус Талли.

— Мы плывем из Риверрана. — Бриенна расстегнула пояс с оружием, и он звякнул об пол. Сир Клеос последовал ее примеру.

Из погреба вылез мужчина с желтым рябым лицом, с мясницким тесаком в руках.

— Вас трое? Есть конина — на троих как раз хватит. Кляча была старая и жилистая, но мясо еще свежее.

— А хлеб? — спросила Бриенна.

— Сухари и черствые овсяные лепешки.

— Вот честное заведение, — усмехнулся Джейме. — Здесь подают только черствый хлеб и жесткое мясо, зато открыто в этом признаются.

— Гостиница не моя. Хозяина я похоронил на заднем дворе, и женщин его тоже.

— Это ты их убил?

— Стал бы я говорить про них в таком разе. — Мужчина сплюнул. — Это сделали волки либо львы — какая разница? Мы с женой нашли их уже мертвыми и так понимаем, что дом теперь наш.

— А где же твоя жена? — спросил Клеос.

— Зачем это она вам понадобилась? — подозрительно прищурился мужчина. — Нет ее тут... и вас тоже не будет, коли ваше серебро окажется фальшивым.

Бриенна бросила ему монету. Он поймал ее на лету, попробовал на зуб и спрятал.

— У нее еще есть, — сообщил парень с арбалетом.

— Вот и ладно. Ступай, мальчик, вниз и принеси мне луку.

Парень вскинул арбалет на плечо, окинул гостей угрюмым взглядом и скрылся в погребе.

— Сын твой? — спросил Клеос.

— Приемный. Мы с женой взяли его к себе. У нас своих двое было, но одного убили львы, а другой помер от поноса. А у мальчика Кровавые Скоморохи убили мать. В наши дни нужно, чтобы кто-то сторожил тебя, пока ты спишь. — Мужчина указал тесаком на столы. — Можете присесть.

Очаг давно остыл, но Джейме все равно выбрал стул поближе к нему и вытянул под столом свои длинные ноги. Цепи сопровождали звоном каждое его движение. Экий мерзкий звук. Скоро его терпение кончится, и он обмотает их женщине вокруг шеи — посмотрим, как ей это понравится.

Человек, который не был хозяином гостиницы, зажарил дочерна три огромных куса конины и подрумянил на ветчинном сале лук, что почти искупило черствые лепешки. Джейме и Клеос пили эль, Бриенна — сидр. Парень сидел чуть поодаль, на бочонке с сидром, держа на коленях заряженный арбалет. Рябой тоже налил себе кружку эля и сел рядом с ними.

— Что там нового в Риверране? — спросил он Клеоса, принимая его за главного. Тот взглянул на Бриенну, прежде чем ответить.

— Лорд Хостер плох, но его сын стойко обороняет броды на Красном Зубце от Ланнистеров. Там произошло несколько сражений.

— Теперь повсюду сражения. А вы далеко ли путь держите, сир?

— В Королевскую Гавань. — Клеос вытер сало с губ.

— Дураки же вы после этого, — фыркнул рябой. — Я слышал, король Станнис стоит под самыми стенами города. Говорят, у него сто тысяч человек войска и волшебный меч.

Джейме скрутил цепь между запястьями, жалея, что не может разорвать ее пополам. Показал бы он тогда Станнису, куда засунуть этот волшебный меч.

— На вашем месте я держался бы подальше от Королевского тракта, — продолжал рябой. — Там незнамо что творится — и волки тебе, и львы, и разные другие шайки, которые нападают на всякого, кто подвернется.

— На вооруженных людей этот сброд напасть не осмелится, — презрительно молвил сир Клеос.

— Прошу прощения, сир, но я вижу только одного вооруженного человека, который путешествует вместе с женщиной и пленником в цепях.

Бриенна мрачно уставилась на рябого. Ох, не любит она, когда ей напоминают, что она женщина. Джейме снова скрутил свою цепь. Холодное, твердое, неподатливое железо. Кандалы стерли ему запястья в кровь.

— Я собираюсь спуститься по Трезубцу до самого моря, — объявила женщина. — В Девичьем Пруду мы найдем лошадей и поедем через Синий Дол и Робби. Так мы сможем избежать самой гущи боевых действий.

Хозяин дома покачал головой.

— До Девичьего Пруда вам по реке не добраться. Милях в тридцати отсюда сгорела и затонула пара лодок, и Зубец мимо них еле-еле струится. В том месте разбойники подстерегают всех, кто пытается проплыть через завал; такие же места есть и ниже, у Россыпи и Оленьего острова. Лорда-молнию тоже в тех краях видели. Он переправляется через реку где хочет, туда и сюда, не сидит на месте.

— Что это за лорд-молния? — спросил Клеос.

— Лорд Берик, с вашего позволения. Его так прозвали за то, что он наносит удар внезапно, как молния с ясного неба. Говорят, будто смерть его не берет.

Все умирают, если проткнуть их мечом, подумал Джейме и спросил:

— Торос из Мира все еще с ним?

— Ага. Красный жрец. Говорят, он наделен волшебной силой.

Ну что ж — он мог пить наравне с Робертом Баратеоном, а это почти сродни волшебству. Торос как-то сказал королю при Джейме, будто стал красным жрецом потому, что на красном винных пятен не видно. Роберт тогда заржал так, что оплевал элем шелковую мантию Серсеи.

— Я не хотел бы вмешиваться, — сказал Джейме, — но, возможно, Трезубец — не самая безопасная для нас дорога.

— Вот и я говорю, — согласился хозяин. — Если вы даже Олений остров минуете, не встретившись с лордом Бериком и его жрецом, остается еще Рубиновый брод. По моим последним сведениям, его держат волки лорда-пиявки, но эта новость уже устарела. Может, теперь там снова львы, или лорд Берик, или кто угодно.

— А может, и никого нет, — вставила Бриенна.

— Если миледи хочет рискнуть головой, чтобы в этом убедиться, я ей мешать не стану... только на вашем месте я бросил бы реку и двигался по суше. Если держаться подальше от больших дорог и прятаться под деревьями ночью... я, конечно, вам все равно не завидую, но авось и проскочите.

Женщина засомневалась.

— Нам понадобятся лошади.

— Они тут есть, — заметил Джейме. — Одну я точно слышал.

— Есть, — согласился хозяин. — Как раз три, будто нарочно, да только они не продаются.

— Еще бы, — не сдержал смеха Джейме. — Но все равно покажи их нам.

Бриенна нахмурилась, но рябой выдержал ее взгляд, не мигая.

— Показывай, — неохотно подтвердила она, и все встали из-за стола.

Конюшню, судя по запаху, давно уже не чистили. Кучи соломы и навоза, над которыми роились жирные черные мухи, высились повсюду, хотя лошадей было только три: бурый крестьянский коняга, древний белый мерин, слепой на один глаз, и резвая верховая кобылка, серая в яблоках.

— Не продаются ни за какие деньги, — объявил их предполагаемый владелец. — Бурый уже стоял здесь, когда мы с женой пришли, как и тот, которого вы нынче съели, белый сам пришел как-то ночью, а кобылку мальчик поймал — она бегала на воле, под седлом и в уздечке. Сейчас покажу.

Седло, украшенное серебром, было когда-то расписано в розовую и черную клетку, но краска почти вся стерлась. Джейме не помнил, чьи это цвета, но пятна крови узнал без труда.

— Ну, хозяин нескоро за ней явится. — Он осмотрел ноги кобылы и пересчитал зубы у мерина. — Дай ему золотой за серую вместе с седлом, — посоветовал он Бриенне, — серебряного оленя за плуговую лошадь, а за мерина еще и приплатить бы полагалось.

— Не отзываетесь с таким пренебрежением о вашей лошади, сир. — Женщина раскрыла кошелек, который дала ей леди Кейтилин, и достала три золотых. — Даю тебе дракона за каждую.

Рябой заморгал и протянул руку к золоту, но тут же убрал ее.

— Не знаю, право. На золотого дракона верхом не сядешь, если понадобится уехать, и не съешь его, если голод настанет.

— Можешь взять в придачу нашу лодку, — сказала женщина. — Будешь плавать на ней вверх или вниз, куда захочешь.

— Дайте-ка попробовать это золото на вкус. — Он прикусил каждую из монет. — Гм. Настоящее вроде бы. Значит, три дракона и лодка?

— Он тебя грабит, женщина, — беззлобно заметил Джейме.

— Нам понадобится еще и провизия, — сказала она, пропустив это мимо ушей. — Сколько сможешь дать.

— Есть лепешки. — Он зажал золотые в кулаке и потряс, блаженно улыбаясь их звону. — И копченая рыба, но за нее придется заплатить серебром. Постели у меня тоже не даровые — вы ведь, поди, на ночь захотите остаться.

— Нет, — тут же отрезала Бриенна.

— Женщина, — нахмурился хозяин, — ведь не поедете же вы ночью по чужой местности, да еще на незнакомых лошадях. Забредете еще в болото или который-нибудь из коняг ногу сломает.

— Ночь будет лунная, и мы без труда найдем дорогу.

Хозяин пораздумал.

— Ну, не серебром, так хоть медью заплатите за постели и теплые одеяла. Я путников не

хочу от себя прогонять.

— По-моему, это честное предложение, — сказал Клеос.

— Одежда у меня чистая. Жена постирала их, прежде чем уйти. Ни блошки не сыщете, слово даю. — Он снова потряс монетами и улыбнулся.

Сир Клеос явно соблазнился.

— Мягкая постель всем бы нам пошла на пользу, миледи, — сказал он Бриенне. — Отдохнув, мы будем ехать бодрее. — Он посмотрел на кузена, ища поддержки.

— Нет, кузен, женщина права. Нам надо сдержать свои обещания, а путь еще долог. Надо ехать.

— Но ты же сам говорил...

— Это было раньше. — (Тогда он думал, что гостиница пуста.) — Теперь мой живот туго набит, и прогулка при лунном свете — как раз то, что мне надо. — Джейме улыбнулся женщине. — Но если ты не собираешься перекинуть меня через плуговую лошадь, как мешок с мукой, надо что-то сделать с этими железами. Трудненько ехать верхом, когда у тебя лодыжки скованы.

Бриенна нахмурилась, а хозяин подсказал:

— Там на задах есть кузня.

— Покажи где, — сказала Бриенна.

— И чем скорее, тем лучше, — подхватил Джейме. — Слишком тут много лошадиного дерьма на мой вкус — еще вступишь. — Он многозначительно посмотрел на женщину, не зная, поняла ли она смысл его слов.

Он надеялся, что она и руки ему раскует, но Бриенна не оставила своих подозрений на его счет. Она разрубила пополам ножную цепь несколькими сильными ударами с помощью долота и кузнечного молота, но осталась глуха к его намекам относительно ручной.

— В шести милях вниз по реке увидите сожженную деревню, — сказал хозяин, помогая им седлать лошадей и привязывать поклажу. На этот раз он обращался к Бриенне. — Там дорога раздваивается. Если повернете на юг, приедете к каменной башне сира Уоррена. Сам сир Уоррен погиб где-то в поле, и кто ее держит теперь, я не знаю, но этого места лучше избегать. Советую вам ехать через лес, на юго-восток.

— Хорошо, так и сделаем, — ответила Бриенна. — Благодарю тебя.

«Хватит и того, что ты заплатила ему золотом», — подумал Джейме, но промолчал. Он был сыт по горло пренебрежением, которое выказывала ему эта корова.

Крестьянскую лошадь она взяла себе, кобылу отдала сиру Клеосу. Джейме, как она и грозились, достался мерин, что пресекло его мечты прищипорить своего скакуна и оставить женщину позади в облаке пыли.

Мужчина и мальчик вышли проводить их. Хозяин пожелал им счастливого пути и пригласил заезжать в лучшие времена. Парень стоял молча, держа арбалет под мышкой.

— Ты заведи себе копьё или палицу, — сказал ему Джейме, — они тебе больше подойдут.

Парень набычился — вот и давай после этого советы. Джейме пожал плечами и поехал прочь, не оглядываясь.

Клеос не переставал жаловаться, скорбя об утраченной перине. Они ехали на восток вдоль освещенной луной реки. Красный Зубец здесь был очень широк, но мелок, с илистыми, заросшими тростником берегами. Конь Джейме шел ровно, хотя и уклонялся, бедняга, в сторону зрячего глаза. Хорошо было снова оказаться в седле... Джейме не сидел на коне с тех

пор, как лучники Робба Старка убили под ним его скакуна в Шепчущем лесу.

Они доехали до сожженной деревни, и перед ними открылись обе дороги, равно непривлекательные, узкие, изрытые телегами крестьян, свозивших зерно к реке. Одна сворачивала на юго-восток и на обозримом расстоянии ныряла в лес, другая, более прямая и каменистая, вела на юг. Бриенна, окинув их взглядом, направила коня на южную дорогу, чем приятно удивила Джейме — он и сам бы так поступил.

— Но хозяин гостиницы предостерегал нас против этой дороги, — возразил Клеос.

— Он не хозяин гостиницы. — Бриенна сидела верхом без особого изящества, но уверенно. — Слишком уж он заботился о том, по какой дороге мы поедем, а в таких лесах как раз лихие люди и водятся. Может, он нарочно послал нас в ловушку.

— Молодец, женщина, — улыбнулся Джейме. — Могу поспорить, что у нашего хозяина на той дороге есть друзья. Те, чьи кони придают его конюшне столь неповторимый аромат.

— Может быть, он и про реку тоже солгал, чтобы всучить нам этих лошадей, — сказала женщина, — но я не могла рисковать. У Рубинового брода и на перекрестке дорог определено должны быть солдаты.

Она, конечно, страшна, но не так уж и глупа, признал про себя Джейме.

Тусклый красный свет в верхних окнах башни они увидели еще издали, и Бриенна свернула в поле. Лишь когда маленький замок остался далеко позади, они снова выбрались на дорогу.

Прошло полночи, прежде чем женщина сочла безопасным остановиться. Все они к тому времени уже клевали носом в седлах. Они нашли приют в маленькой роще из дубов и ясеней, у лениво струящегося ручья. Костер женщина разводить не разрешила, и их запоздалый ужин состоял из черствых лепешек и копченой рыбы. Ночь дышала странным покоем. Месяц, окруженный звездами, светил на черном бархатном небе. Вдали слышался волчий вой. Одна из лошадей отозвалась на него тревожным ржанием, и снова настала тишина. Этих мест война не тронула. Джейме радовался, что он здесь, и что он жив, и что он возвращается к Серсее.

— Первая стража моя, — сказала Бриенна Клеосу, и Фрей вскоре тихо захрапел.

Джейме прислонился к стволу дуба, думая, что-то поделявают теперь Серсея и Тирион.

— Есть у вас братья и сестры, миледи? — спросил он.

Бриенна подозрительно покосилась на него.

— Нет, я у отца единственный... ребенок.

— Вы хотели сказать «сын»? — усмехнулся Джейме. — А он тоже считает вас сыном? Дочь из вас странная, должен признать.

Она молча отвернулась от него, крепко стиснув рукоять меча. Что за несчастное создание. Она чем-то напоминала ему Тириона, хотя на первый взгляд трудно было найти двух более несхожих людей. Возможно, это мысль о брате побудила его сказать:

— Я не хотел вас обидеть, Бриенна. Простите меня.

— Твоим преступлениям прощения нет, Цареубийца.

— Опять за свое. — Джейме рассеянно перекрутил свою цепь. — Ну чего ты злишься? Тебе я, насколько помню, никакого зла не сделал.

— Зато другим сделал. Тем, кого поклялся защищать. Слабым, невинным...

— Это ты про короля? — Все всегда сводится к нему, к Эйерису. — Не суди о том, чего не знаешь, женщина.

— Меня зовут...

— Да знаю, знаю. Тебе никто не говорил, что ты столь же занудлива, как и страшна?

— Ты не сможешь вывести меня из себя, Цареубийца.

— Смог бы, если б постарался.

— Зачем же ты тогда давал клятву? Зачем надел белый плащ, если знал, что предашь все, знаком чего он служит?

Зачем... Как бы объяснить, чтобы она поняла?

— Я был тогда мальчишкой пятнадцати лет, а в таком возрасте это великая честь.

— Это не оправдание, — презрительно бросила она.

«Что ж, верно — но правда тебе не понравится». В Королевскую Гвардию он вступил из-за любви.

Отец взял Серсею ко двору, когда ей было двенадцать, надеясь выдать ее за принца. Он отказывал всем искателям ее руки и держал при себе в башне Десницы, где она подрастала, делаясь все прекраснее. Отец, несомненно, ждал возмужания Визериса, а быть может, надеялся, что жена Визериса умрет в родах — Элия Дорнийская не отличалась крепким здоровьем.

Джейме, в свою очередь, провел четыре года, служа оруженосцем у сира Самнера Кракехолла, и заслужил свои шпоры в битве с Братством Королевского леса. Но когда он на обратном пути в Бобровый Утес заехал в Королевскую Гавань — главным образом, чтобы повидать сестру, — Серсея отвела его в сторону и рассказала, что лорд Тайвин намерен женить его на Лизе Талли и даже пригласил лорда Хостера в город, чтобы поговорить о приданом. Но если Джейме наденет белое, он всегда может быть рядом с ней, Серсеей.

Старый сир Харлан Грандисон недавно скончался во сне, что как раз прилично человеку, у которого в гербе спящий лев. Эйерису понадобится молодой человек на его место, так почему бы не взять рыкающего льва вместо спящего?

— Отец ни за что не согласится, — возразил Джейме.

— Король его и спрашивать не станет. А когда дело будет сделано, он уже не сможет выражать свое недовольство открыто. Эйерис вырвал язык сиру Илину Пейну только за похвальбу насчет того, что страной, мол, по-настоящему правит Десница. Он капитан гвардии Десницы, однако отец не посмел вмешаться! И тут тоже ничего не сможет сделать.

— Но ведь есть еще Бобровый Утес...

— Что тебе дороже — Утес или я?

Он помнил ту ночь, как будто это было вчера. Они провели ее в старой гостинице в Угровом переулке, подальше от любопытных глаз. Серсея пришла к нему в платье служанки, и это возбудило его еще больше. Джейме никогда еще не видел ее такой страстной. Она будила его каждый раз, когда он пытался уснуть. К утру Бобровый Утес стал казаться ему очень скромной ценой за счастье всегда быть с ней рядом. Он дал согласие, и Серсея обещала устроить остальное.

Месяц спустя в Бобровый Утес прилетел королевский ворон с уведомлением о том, что он, Джейме, избран для служения в Королевской Гвардии. Ему предписывалось предстать перед королем на большом турнире в Харренхолле, чтобы произнести свой обет и надеть белый плащ.

Это назначение избавило его от Лизы Талли, но в остальном все пошло не так, как было задумано. Отец никогда еще не бывал в такой ярости. Он не мог возражать открыто — тут Серсея рассудила верно, — но отказался под каким-то надуманным предлогом от поста десницы и возвратился в Бобровый Утес, взяв с собой дочь. Вместо того чтобы быть вместе,

Серсея и Джейме просто поменялись местами, и он остался при дворе один, телохранителем безумного короля, а на шатком отцовском кресле тем временем сменилось четверо куда менее способных человек. Десницы возвышались и падали столь быстро, что Джейме помнил их гербы лучше, чем лица. Десницу с рогом изобилия и десницу с пляшущими грифонами отправили в изгнание, десницу с кинжалом и палицей окунули в дикий огонь и сожгли заживо. Лорду Россарту, последнему, служил эмблемой пылающий факел — не слишком счастливый выбор, учитывая судьбу его предшественника, но он был алхимиком и получил свой пост в основном за то, что разделял королевскую страсть к огню. Россарта надо было утопить, а не испаривать ему живот.

...Бриенна по-прежнему ждала ответа.

— Ты была слишком мала, чтобы знать Эйериса Таргариена... — начал Джейме, но она и слушать не захотела.

— Эйерис был безумен и жесток, этого никто не отрицает. Однако он оставался королем, коронованным и помазанным, а ты поклялся защищать его.

— И знаю, в чем я клялся.

— И что сделал потом, тоже знаешь. — Она нависла над ним шестью футами мрачного, веснушчатого, с лошадиными зубами осуждения.

— А ты что сделала? Мы оба здесь цареубийцы, если то, что я слышал, правда.

— Я неповинна в смерти Ренли. Я убью всякого, кто будет утверждать обратное.

— Начни тогда с Клеоса. А потом тебе еще многих придется порешить, судя по его рассказу.

— Леди Кейтилин присутствовала при том, как был убит его величество, и видела. Там была тень. Свечи погасли, в шатре похолодало, а потом хлынула кровь...

— Прекрасно, — засмеялся Джейме. — Ты соображаешь быстрее, чем я, должен признать. Когда меня застали над телом моего короля, мне и в голову не пришло сказать: «Нет-нет, это не я, это тень, ужасная холодная тень». Скажи по правде, как один цареубийца другому: кто заплатил тебе за то, чтобы ты перерезала ему глотку, — Старки или Станнис? А может, Ренли пренебрег тобой? Или у тебя в ту пору месячные случились? Нельзя давать женщине в руки оружие, когда у нее месячные.

Ему показалось, что сейчас Бриенна его ударит. Ну, еще шаг — тогда он вырвет кинжал у нее из ножен и всадит ей в живот. Джейме уже подобрал ногу, готовясь вскочить, но женщина не двинулась с места.

— Быть рыцарем — это редкий и драгоценный дар, — сказала она, — тем более рыцарем Королевской Гвардии. Такой дар дается немногим, а ты презрел его и осквернил.

«Дар, которого ты, женщина, отчаянно желаешь сама, но никогда не получишь».

— Я честно заслужил свое рыцарское звание. Даром мне ничего не давалось. Я выиграл общую схватку на турнире в тринадцать лет, еще оруженосцем. В пятнадцать я выступил с сиром Эртуром Дейном против Братства Королевского леса, и он посвятил меня в рыцари прямо на поле брани. Не я замарал белый плащ, а он меня, так что избавь меня от своей зависти. Это боги позабыли снабдить тебя мужским членом, а не я.

Бриенна наградила его полным омерзения взглядом. «Она охотно изрубила бы меня на куски, если б не ее хваленая клятва. Ну и хорошо. Довольно с меня высоконравственных проповедей и девичьих бредней». Женщина отошла, не сказав больше ни слова, и Джейме свернулся под плащом, надеясь, что ему приснится Серсея.

Но ему приснился Эйерис Таргариен — король расхаживал один по тронному залу,

ковыряя свои покрытые коростой руки. Этот болван вечно умудрялся поранить себя об острия и шипы Железного Трона. Джейме проскользнул через королевскую дверь в своих золотых доспехах, с мечом в руке. Золотые доспехи, а не белые, только об этом никто не помнит. Надо было снять заодно и тот проклятый плащ.

Эйерис увидел его обгаренный клинок и осведомился, чья это кровь — не лорда ли Тайвина? «Мне нужно, чтобы этот изменник умер. Мне нужна его голова, и ты мне ее принесешь, а иначе я сожгу тебя со всеми остальными. Со всеми предателями. Россарт говорит, что они прячутся в стенах! Ничего, скоро им станет жарко. Чья это кровь? Чья?»

«Россарта», — сказал Джейме.

Тогда пурпурные глаза округлились, и королевский рот в ужасе раскрылся. Эйерис обмарался и побежал к Железному Трону. Джейме под пустыми взорами черепов на стенах стащил со ступеней последнего короля-дракона, визжащего, как свинья, и воняющего, как выгребная яма. Единственный надрез по горлу — больше ничего не потребовалось. Как все просто, подумал он тогда. Король не должен умирать с такой легкостью. Россарт по крайней мере оказал сопротивление, хотя, по правде сказать, дрался он как алхимик. Странно, что никого никогда не занимало, кто убил Россарта... впрочем, он был низкого рода. Десница на час, еще одна причуда Безумного Короля.

Сир Элис Вестерлинг, лорд Кракехолл и другие отцовские рыцари ворвались в зал как раз вовремя, чтобы увидеть заключительную сцену, поэтому Джейме не успел исчезнуть и не дал случая какому-нибудь хвостуну присвоить себе его вину и славу. Нет, только вину... он понял это сразу, увидев, как они на него смотрят... хотя, возможно, они просто боялись. Ведь он, хотя и Ланнистер, входил в число семерых белых рыцарей Эйериса.

«Замок наш, сир, и город тоже», — сказал ему Роланд Иракехолл, но это было правдой только наполовину. Верные Таргариену воины все еще умирали на дворовой лестнице и в оружейной, Григор Клиган и Амори Лорд штурмовали стены крепости Мейегора, а Нед Старк еще только провел своих северян в Королевские ворота, но Кракехолл этого знать не мог. Лорд как будто даже не удивился, найдя Эйериса убитым: ведь Джейме был сыном лорда Тайвина задолго до того, как стал рыцарем Королевской Гвардии.

«Скажите им, что Безумный Король мертв, — приказал Джейме. — Пощадите всех, кто сдастся, и возьмите их в плен».

«Следует ли мне также провозгласить нового короля?» — спросил Кракехолл, и Джейме хорошо понял смысл его вопроса. Кто это будет: ваш отец, Роберт Баратеон, или вы хотите посадить на престол другого драконьего короля? Джейме вспомнил на миг о Визерисе, бежавшем на Драконий Камень, и грудном сыне Рейегара Эйегоне, который остался со своей матерью в крепости Мейегора. Новый Таргариен на троне, и отец десницей при нем. Волки подымут вой, а штормовой лорд лопнет от ярости. Какой-то миг Джейме тешился этой мыслью, а потом взглянул на короля, распростертого на полу в луже крови, и подумал: в них обоих течет его кровь. «Провозглашайте, кого вам охота», — сказал он Кракехоллу, взошел наверх и сел на Железный Трон, положив меч на колени. Он желал посмотреть, кто первый потребует себе королевство. Так случилось, что первым явился Эддард Старк.

«Ты тоже не имел права судить меня, Старк».

В его сне мертвецы горели клубящимся зеленым пламенем, а Джейме метался вокруг них со своим золотым мечом, но на месте каждого срубленного им возникало двое новых.

Бриенна разбудила его, ткнув сапогом в ребра. Было еще темно, и начинался дождь. Они позавтракали лепешками, рыбой и ягодами, которые набрал Клеос, и сели на коней еще до

восхода.

Евнух вошел, мурлыча что-то под нос, в одеждах из персикового шелка и благоухающий лимоном. Увидев Тириона, сидящего у очага, он замер на месте.

— Милорд Тирион, — воскликнул он вслед за этим. Возглас получился визгливым и сопровождался нервным смешком.

— Стало быть, ты еще помнишь меня? А я уж начал сомневаться.

— Очень, очень рад видеть вас воспрявшим и полным сил. — Варис расплылся в самой подобострастной из своих улыбок. — Хотя я, признаться, не ожидал найти вас здесь, в моем скромном жилище.

— Оно у тебя действительно скромное — даже слишком. — Тирион дождался, когда Вариса вызовут к отцу, а затем потихоньку нанес ему визит. Покои евнуха состояли из трех тесных, без окон, каморок под северной стеной замка. — Я надеялся найти здесь корзины, полные сочных секретов, которые помогли бы мне скоротать ожидание, но ничего такого не обнаружил. — Тирион и потайные ходы заодно искал, зная, что Паук способен появляться в самых разных местах незамеченным, но и тут не преуспел. — В кувшине у тебя вода, о милосердные боги, спальня не шире гроба, а уж кровать... она правда каменная или только на ощупь такая?

Варис закрыл за собой дверь и запер ее.

— Меня мучают боли в спине, милорд, и я предпочитаю спать на твердом.

— Я всегда думал, что ты любишь нежиться на перине.

— Я полон неожиданностей. Вы, должно быть, сердитесь за то, что я бросил вас после битвы.

— Просто я теперь смотрю на тебя как на члена моей семьи.

— Это произошло не от недостатка любви, мой добрый лорд. У меня нежное сердце, а ваш шрам так ужасен... — Евнух изобразил, что содрогается. — Ваш бедный нос...

Тирион раздраженно потер свой рубец.

— Я сделаю себе новый, золотой. Какой бы ты предложил, Варис? Как у тебя, чтобы вынюхивать секреты? Или мне заказать золотых дел мастеру отцовский нос? — Тирион улыбнулся. — Мой благородный отец трудится столь усердно, что я почти не вижу его. Правда ли, что он хочет вернуть великого мастера Пицеля в малый совет?

— Да, милорд.

— Кого же мне следует благодарить за это — мою дражайшую сестрицу? — Обнаружив, что Пицель шпионит в пользу сестры, Тирион лишил его чина, бороды и достоинства и бросил в темницу.

— Нет-нет, милорд. Благодарите архимейстеров Старгорода — это они настаивали на возвращении Пицеля, заявляя, что только Конклав может сместить великого мастера.

Дурачье проклятое, подумал Тирион.

— Мне помнится, палач Мейегора детского сместил трех подряд посредством своего топора.

— Совершенно верно — а Эйегон Второй скормил великого мастера Герардиса своему дракону.

— У меня, увы, дракона нет. Пожалуй, мне следовало окунуть Пицеля в дикий огонь и поджечь — возможно, Цитадель это бы больше устроило.

— Во всяком случае, это бы больше соответствовало традиции, — хихикнул евнух. — К счастью, мудрость возобладала — Конклав утвердил отставку Пицеля и теперь приискивает ему преемника. Рассмотрев кандидатуры мейстера Тарквина, сына веревочных дел мастера, и мейстера Эррека, побочного отпрыска межевого рыцаря, и доказав тем к собственному удовлетворению, что одаренность в их ордене значит больше, чем происхождение, Конклав вознамерился прислать нам мейстера Гормена, Тирелла из Хайгардена. Когда я доложил об этом вашему лорду-отцу, он незамедлительно принял меры.

Тирион знал, что Конклав заседает в Старгороде при закрытых дверях и его решения предположительно должны быть тайной для всех. Стало быть, у Вариса и в Цитадели есть свои пташки.

— Понимаю. Отец решил сорвать розу до того, как она расцветет. — Тирион не сдержал усмешки. — Пицель — мерзкая жаба, но лучше уж ланнистерская жаба, чем тирелловская, верно?

— Великий мейстер Пицель всегда был добрым другом вашего дома, — умильно произнес Варис. — Возможно, вам будет утешительно узнать, что сир Борос Блаунт тоже восстановлен.

Серсея лишила сира Бороса белого плаща за то, что он не умер, защищая принца Томмена, когда Бронн захватил мальчика на дороге в Росби. Борос никогда не числился у Тириона в друзьях, но после всего случившегося он, пожалуй, и Серсею ненавидит не меньше, а это уже кое-что.

— Блаунт — отъявленный трус, — проронил Тирион.

— Что вы говорите. Но королевские гвардейцы, по традиции, принимаются на службу пожизненно. Быть может, сир Борос в будущем еще проявит храбрость, а уж преданность — несомненно.

— Преданность моему отцу, — со значением сказал Тирион.

— Раз уж мы заговорили о Королевской Гвардии... быть может, ваш приятнейше неожиданный визит имеет отношение к павшему собрату сира Бороса, отважному сиру Мендону Муру? — Евнух погладил свою напудренную щеку. — Ваш Бронн с недавних пор проявляет к нему большой интерес.

Бронн раскопал о сире Мендоне все, что мог, но Варису наверняка известно намного больше... вот только захочет ли он поделиться своими знаниями?

— У него, похоже, не было ни единого друга, — осторожно сказал Тирион.

— Печально, очень печально. В Долине, если поворошить камни, можно было бы найти какую-то его родню, но здесь... Лорд Аррен привез его в Королевскую Гавань, а Роберт дал ему белый плащ, но особой любви к нему ни один из них не питал, и он был не из тех, кого простой народ приветствует на турнирах, несмотря на свое неоспоримое мастерство. Даже его собратья по Королевской Гвардии не испытывали к нему теплых чувств. Сир Барристан сказал однажды, что у сира Мендона нет иного друга, кроме меча, и в жизни для него не существует ничего, кроме долга... но, по-моему, это задумывалось не совсем как похвала. А ведь это странно, если вдуматься, не так ли? Именно эти качества мы хотим видеть в наших королевских гвардейцах — мы как бы ожидаем, что они посвятят своему королю всю свою жизнь без остатка. С этой точки зрения наш Храбрый сир Мендон был идеальным белым рыцарем. И умер он, как подобает рыцарю Королевской Гвардии — с мечом в руке, защищая лицо королевской крови. — Евнух сладко улыбнулся, пристально глядя на Тириона.

Пытаясь убить лицо королевской крови, следовало бы сказать. Вероятно, Варис знает

гораздо больше, чем говорит. Ничего нового Тирион от него не услышал. Бронн докладывал в основном то же самое. Тирион нуждался в каком-нибудь звене, связывавшем рыцаря с Серсеей, в каком-нибудь знаке того, что он был ее орудием... Но мы не всегда получаем то, что хотим, уныло подумал Тирион, и это напомнило ему...

— Я пришел к тебе не из-за сира Мендона.

— Понимаю. — Варис прошел к кувшину с водой и спросил, наполняя чашу: — Могу ли я угостить вас, милорд?

— Да, только не водой. Я хочу, чтобы ты привел мне Шаю.

Варис отпил глоток.

— Разумно ли это, милорд? Она такое милое дитя — жаль будет, если ваш отец ее повесит.

Тириона не удивило, что Варис об этом знает.

— Нет, это неразумно. Это откровенное безумие. Я хочу повидать ее в последний раз, прежде чем отослать ее прочь. Не могу выносить, когда она так близко.

— Понимаю.

«Где уж тебе понять!» Тирион видел ее не далее как вчера — она поднималась по наружной лестнице с ведром воды. Какой-то молодой рыцарь предложил помочь ей, а она тронула его за руку и улыбнулась, а у Тириона от этого зрелища все нутро скрутило. Они прошли в паре дюймов друг от друга — он вниз, она вверх — так близко, что Тирион ощутил чистый запах ее волос. «Милорд», — сказала она с легким реверансом, и ему захотелось схватить ее и поцеловать при всех, но он только коротко кивнул и проковылял мимо.

— Я видел ее несколько раз, — сказал он Варису, — но не посмел заговорить с ней. Я подозреваю, что за каждым моим шагом следят.

— И правильно подозреваете, милорд.

— Ты о чем это?

— Кеттлблэки то и дело ходят с докладами к вашей дражайшей сестре.

— Как подумаешь, сколько я им переплатил... может, если добавить еще, они перестанут бегать к Серсее?

— Все возможно, но я бы за это не поручился. Они теперь рыцари, все трое, и ваша сестра обещала, что и впредь не оставит их своей милостью. — С губ евнуха сорвался ехидный смешок. — А старший, сир Осмунд из Королевской Гвардии, мечтает о милостях... особого рода. Вы можете платить им наравне с королевой, но у нее имеется и другой кошелек, совершенно неистощимый.

Седьмое пекло.

— Ты полагаешь, что Серсея спит с Осмундом Кеттлблэком.

— О боги мои, нет — такое предположение было бы смертельно опасным, вам не кажется? Нет, королева только намекает... возможно, завтра... или после свадьбы короля... улыбка, шепот, откровенная шутка... грудь, мимоходом задевшая рукав... но все это приносит свои плоды. Впрочем, что может евнух смыслить в таких вещах? — Кончик языка шмыгнул по нижней губе Вариса, как робкий розовый зверек.

«Если бы я смог вывести их за рамки невинного ухаживания и устроить так, чтобы отец застал их вместе...» Тирион потрогал рубец на носу. Пока он не знал, как это сделать, но потом, может, что-нибудь и придумает.

— Этим занимаются только Кеттлблэки?

— Если бы так, милорд. Боюсь, что за вами наблюдает много глаз. Вы, как бы это

сказать... человек заметный. И не пользуетесь особой любовью, как это ни печально. Сыновья Яноса Слинта охотно донесли бы на вас, чтобы отомстить за отца, а наш любезный лорд Петир имеет друзей в половине борделей Королевской Гавани. Случись вам проявить неосторожность и посетить одно из этих заведений, он сразу же узнает об этом, а за ним и ваш лорд-отец.

Значит, все обстоит еще хуже, чем он опасался.

— А сам отец? Кого он приставил шпионить за мной?

На этот раз евнух засмеялся громко.

— Меня, милорд, меня.

Тирион тоже посмеялся. Не такой он дурак, чтобы доверять Варису больше, чем приходится, — но евнух уже знает о Шае вполне достаточно, чтобы хоть сейчас вздернуть ее на виселицу.

— Ты проведешь Шаю ко мне сквозь стены, втайне от все этих соглядатаев, как раньше делал.

— Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, милорд, но... Король Мейегор не желал, чтобы крысы водились в его собственных стенах, если вы понимаете, о чем я. Один потайной ход на случай возможного бегства от врагов у него все-таки был, но ни с какими другими он не связан. Я мог бы, конечно, ненадолго увести вашу Шаю от леди Лоллис, но не смогу провести ее в вашу спальню незамеченной.

— Тогда приведи ее в какое-нибудь другое место.

— Куда же? Безопасного места нет.

— Есть, — усмехнулся Тирион. — Тут. Мне сдается, пора использовать твое твердокаменное ложе с большей пользой.

Евнух раскрыл рот и хихикнул.

— Лоллис уже на сносях и легко утомляется. Думаю, к восходу луны она будет крепко спать.

Тирион соскочил со стула.

— Стало быть, как луна взойдет. Позаботься, чтобы здесь стояло вино и две чаши.

— Слушаюсь, милорд, — поклонился Варис.

До конца дня время ползло, словно червь в патоке. Тирион поднялся в замковую библиотеку и попытался отвлечься, читая «Историю ройнарских войн» Бельдекара, но вместо слонов на картинках ему виделась улыбка Шаи. Ближе к вечеру он оставил чтение и приказал налить себе ванну. Он скреб себя, пока вода не остыла, и даже велел Поду подстричь ему бакенбарды. Эта пегая поросль, составленная из бело-желто-черных жестких и скрученных волос, вряд ли могла порадовать глаз, но закрывала часть его лица и тем выполняла свое назначение.

Чистый, розовый и подстриженный, Тирион выбрал в своем гардеробе пару тугих атласных бриджей, окрашенных в багряный цвет Ланнистеров, и свой лучший дублет из черного бархата с заклепками в виде львиных голов. Сюда хорошо подошла бы его цепь из золотых рук, но отец украл ее у него, пока он лежал на смертном одре. Только одевшись, Тирион осознал всю глубину своего безумия. Седьмое пекло, карлик, неужто ты и рассудок утратил заодно с носом? Всякий, кто увидит тебя, непременно полюбопытствует, с чего это ты так вырядился, идя к евнуху. Тирион выругался и переоделся в черные шерстяные бриджи, белую рубашку и потертый кожаный камзол. Ничего, говорил он себе, дожидаясь восхода луны. Что бы ты на себя ни надел, все равно останешься карликом. Все равно не станешь

таким, как тот рыцарь на лестнице, длинноногим и широкоплечим, с твердым мускулистым животом.

Как только луна выглянула из-за стен замка, он сказал Подрику, что идет к Варису.

— Надолго, милорд? — спросил мальчик.

— Надеюсь.

Красный Замок теперь был перенаселен, и он не мог пройти незамеченным. У дверей на часах стоял сир Бейлон Сванн, у подъемного моста — сир Лорас Тирелл. Тирион обменялся любезностями с обоими. Странно было видеть Рыцаря Цветов в белом — прежде он всегда блистал всеми цветами радуги.

— Сколько вам лет, сир Лорас? — спросил Тирион.

— Семнадцать, милорд.

Ему семнадцать, он красив и успел уже сделаться легендой. Половина девушек Семи Королевств мечтает лечь с ним в постель, и все мальчишки мечтают стать такими, как он.

— Простите, что я спрашиваю, сир, — но зачем молодому человеку семнадцати лет вступать в Королевскую Гвардию?

— Эймон, Дракониий Рыцарь, тоже принес обет в семнадцать, а ваш брат Джейме и того раньше.

— Их мотивы мне известны, но ваши? Честь служить рядом с такими образцами рыцарства, как Меррин Трант и Борос Блаунт? Ради того, чтобы охранять жизнь короля, вы жертвуете собственной жизнью. Отказываетесь от земель и титулов, от надежды иметь жену, детей...

— Род Тиреллов продолжают мои братья. Третьему сыну нет нужды жениться и обзаводиться потомством.

— Нужды нет, это верно, но многие находят это приятным. И как же быть с любовью?

— Когда солнце закатилось, ни одна свеча его не заменит.

— Это строка из песни? — Тирион с улыбкой склонил голову набок. — Теперь я вижу, что вам семнадцать.

— Вы смеетесь надо мной? — напрягся сир Лорас. Экий щепетильный юноша.

— Нет-нет. Простите меня, если я вас обидел. Я тоже любил когда-то, и у нас была своя песня. «Была моя любовь прекрасна, словно лето, и локоны ее — как солнца свет». — Тирион пожелал сиру Лорасу доброго вечера и пошел дальше.

Около псарни латники стравливали пару собак. Тирион посмотрел, как более мелкий отгрыз полморды большому, и заслужил несколько смешков, заметив, что побежденный теперь похож на Сандора Клигана. Затем, надеясь, что усыпил все подозрения, он дошел до северной стены и спустился по короткой лестнице в комнаты евнуха. Дверь отворилась, не успел он постучать.

— Варис? — Тирион скользнул внутрь. — Ты здесь? — В комнате горела одинокая свеча, насыщая воздух ароматом жасмина.

— Милорд. — На свет вышла дородная женщина с розовым лунообразным лицом и тяжелыми темными локонами. Тирион попятился. — Что-то не так? — спросила она.

Варис, раздраженно сообразил Тирион.

— На один жуткий миг я подумал, что ты привел мне Лоллис вместо Шаи. Где она?

— Здесь, милорд. — Она закрыла ему глаза руками сзади. — Угадай, что на мне надето.

— Ничего.

— Ишь какой приткий, — надулась она и убрала руки. — Как ты узнал?

— Ты очень красива без ничего.

— Правда?

— Правда.

— Тогда нечего болтать — пора делом заняться.

— Сначала надо избавиться от леди Варис. Я не из тех карликов, что ломаются на публике.

— Он уже ушел.

Тирион оглянулся. Евнух и правда исчез, вместе с юбками и прочими финтифлюшками. Значит, тут потайная дверь имеется. Он не успел додумать эту мысль, потому что Шая повернула его голову обратно и поцеловала его. Рот у нее был мокрый и жадный, и она как будто даже не замечала его шрама и урезанного наполовину носа. Ее кожа под его пальцами напоминала теплый шелк. Когда Тирион задел ее левый сосок, тот сразу отвердел.

— Скорей, — прошептала она между поцелуями, пока он развязывал свои тесемки, — скорей. Хочу тебя, хочу, хочу. — Он не успел даже раздеться как следует — Шая выдернула его член из штанов, кинула Тириона на пол и оседлала. Она вскрикнула, когда он вонзился в нее, и понеслась вскачь, стеная: — Мой гигант, мой гигант, мой гигант. — Тирион так изголодался, что взорвался уже на пятом ее возгласе, но Шая не стала его укорять, только улыбнулась с озорством и поцеловала его потный лоб. — Мой гигант Ланнистер. Остайся во мне — мне нравится чувствовать тебя там.

Тирион обнял ее и остался. Как это хорошо — обниматься. Неужели это можно счесть преступлением, достойным казни через повешение?

— Шая, милая, — сказал он, — это наша последняя встреча. Опасность слишком велика. Если мой лорд-отец узнает о твоём существовании...

— Мне нравится твой шрам. — Она провела по нему пальцем. — Ты с ним такой свирепый и сильный.

— Страшный, ты хочешь сказать, — засмеялся он.

— Милорд мне никогда не покажется страшным. — Она поцеловала обрубок его носа.

— Тебя должны беспокоить не мои шрамы, а мой отец...

— Я его не боюсь. Милорд отдаст мне мои драгоценности и шелка? Я просила Вариса, когда тебя ранили, но он не отдал. Что было бы с ними, если б ты умер?

— Но я же не умер — вот он я.

— Это верно. — Шая с улыбкой поерзала на нем. — Ты там, где тебе и положено быть. — Ее рот капризно скривился. — Но долго ли мне еще маяться у Лоллис теперь, когда ты поправился?

— Ты что, не слышала? Ты можешь остаться у Лоллис, но лучше будет, если ты уедешь из города.

— Не хочу я никуда уезжать. Ты обещал, что после битвы снова поселишь меня в моем доме. — Ее плоть легонько сжала его внизу, и он почувствовал, что снова твердеет. — Ты говорил, что Ланнистеры всегда платят свои долги.

— Шая, проклятие богам, перестань. Послушай меня. Ты должна уехать. В городе полно Тиреллов, и с меня не спускают глаз. Ты не понимаешь, как это опасно.

— А можно мне пойти на королевскую свадьбу? Лоллис не пойдет. Я ей толкую, что в тронном зале короля ее никто насиловать не станет, но она такая глупая. — Шая скатилась с него, и их тела с чмоканьем разъединились. — Саймон говорит, там будет состязание певцов, и акробаты, и дурацкий турнир.

Тирион совсем позабыл об этом трижды проклятом певце, развлекавшем Шаю.

— Где ты с ним встретилась?

— Я рассказала о нем леди Танде, и она наняла его играть для Лоллис. Музыка успокаивает ее, когда ребенок брыкается. Саймон говорит, там будет ученый медведь и борские вина. Я никогда не видела, как медведь пляшет.

— Он это делает еще хуже, чем я. — Его заботил певец, а не медведь. Одно неосторожное слово, попавшее не в то ухо, — и Шаю повесят.

— Саймон говорит, на пиру будет семьдесят семь блюд и большой пирог, в который запекут сто голубей. Когда пирог разрежут, они вылетят.

— А потом усядутся на стропилах и будут гадить на головы гостям. — Тирион уже имел дело с подобного рода свадебными пирогами и подозревал, что его голуби предпочитают всем остальным.

— Можно, я наряжусь в шелк и бархат и пойду как леди, а не как служанка? Никто и не узнает, кто я такая.

Еще как узнают, подумал Тирион.

— Леди Танда может удивиться, откуда на горничной ее дочери столько драгоценностей.

— Саймон говорит, гостей будет целая тысяча. Она меня и не увидит. Я найду себе место в темном уголке ниже солонки, а когда ты выйдешь по нужде, улизну и встречу с тобой. — Она взяла его член в ладони. — Под платье я ничего надевать не стану, и милорду даже развязывать ничего не придется. — Ее пальцы дразнили его, двигаясь вверх и вниз. — А если захочешь, я сделаю вот так. — Она охватила его плоть губами.

На этот раз он продержался подольше. Шая свернулась калачиком рядом с ним.

— Ты ведь позволишь мне пойти, правда?

— Шая, — простонал он, — это опасно.

Она замолчала. Тирион пытался говорить о другом, но каждый раз натыкался на стену надутой учтивости, столь же ледяную и неподатливую, как та Стена, которую он посетил на севере. Боги праведные, устало думал он, следя, как догорает свеча, — как я мог допустить такое снова, после Тиши? Или я в самом деле такой дурак, каким считает меня отец? Он охотно пообещал бы ей все, что она хочет, и ввел бы ее в свою опочивальню, и одел бы в шелк и бархат, которые она так любит. Будь его воля, на свадьбе у Джоффри она сидела бы рядом с ним и плясала со всеми медведями подряд. Но если бы ее повесили, он бы этого не вынес.

Когда свеча догорела, Тирион освободился из объятий Шай и зажег другую, а потом принялся простукивать стены, ища потайную дверь. Шая, сидевшая, поджав ноги и охватив себя руками, долго смотрела на него и наконец сказала:

— Это под кроватью. Люк и ступеньки.

— Под кроватью? — недоверчиво повторил он. — Да ведь она каменная. Сто пудов весит.

— Варис на что-то нажимает, и она поднимается в воздух. Я спросила, как он это делает, а он говорит — это волшебство.

— Угу, — не сдержал усмешки Тирион. — Такое волшебство называется «противовес».

— Мне надо идти, — сказала Шая и встала. — Иногда, если ребенок сильно брыкается, Лоллис просыпается и зовет меня.

— Варис вот-вот вернется. Он, думаю, слушает все, о чем мы тут говорим. — Тирион поставил свечу. На бриджах спереди виднелось мокрое пятно, но авось в темноте его никто

не заметит. Шае он велел одеться и ждать евнуха.

— Ладно, подожду. Ты мой лев, правда? Мой гигант Ланнистер?

— Да. А ты...

— ...твоя шлюха. — Она приложила палец к его губам. — Знаю, знаю. Твоей леди я быть не могу, иначе ты бы взял меня на праздник. Ну ничего. Мне и шлюхой твоей нравится быть. Ты только не отпускай меня никуда, мой лев, и береги меня.

— Хорошо, — пообещал он, а голос внутри кричал: дурак ты, дурак. Ну зачем ты это сказал? Ты же собирался отослать ее прочь! Тирион, вопреки всему, поцеловал Шаю еще раз.

Обратная дорога показалась ему долгой и одинокой. Подрик Пейн уже спал на своем тюфячке в ногах кровати, но Тирион разбудил его и сказал:

— Бронна мне.

— Сира Бронна? — Под протер глаза. — Привести его, милорд?

— О нет, я разбудил тебя для того, чтобы обсудить, как он одевается. — Сарказм Тириона пропал понапрасну — Под только вытаращился на него, и он, воздев в отчаянии руки, сказал: — Да. Приведи его. Прямо сейчас.

Парень поспешно оделся и опрометью выскочил из комнаты. «Неужели я действительно такой страшный?» Тирион переоделся в халат и налил себе вина.

Миновало уже полночи, и он допивал третью чашу, когда Под наконец вернулся с рыцарем-наемником.

— Надеюсь, у парня была веская причина вытащить меня от Катаи, — сказал Бронн, усаживаясь.

— От Катаи? — раздраженно повторил Тирион.

— Хорошо быть рыцарем — не надо больше выискивать бордели подешевле, — ухмыльнулся Бронн. — Теперь Алаяйя и Марей лежат на одной перинке с сиром Бронном посередке.

Тирион постарался подавить свое раздражение. Бронн имеет такое же право спать с Алаяйей, как любой другой, но все же... Тирион-то к ней ни разу не прикоснулся, несмотря на то что хотел. Правда, Бронн об этом знать не может. Сам он не осмеливался больше ходить к Катае. Если он пойдет, Серсея позаботится, чтобы отец об этом услышал, и тогда Яйя одними плетями не отделается. Он послал ей серебряное, с яшмой, ожерелье и пару таких же браслетов в качестве извинения, но что до остального...

Ладно, нечего терзать себя попусту.

— Есть один певец, именующий себя Саймон Серебряный Язык, — устало молвил Тирион, отгоняя от себя чувство вины. — Иногда он играет для дочери леди Танды.

— Ну и что?

Убей его, следовало бы сказать — но ведь Саймон ничего такого не делает, только песни поет. И забивает Шае голову голубями и пляшущими медведями.

— Найди его, — сказал Тирион. — Найди, пока кто-нибудь другой не нашел.

Копаясь в огороде покойника, она услышала пение.

Арья замерла, недвижимая как камень, зажав в руке три тощие морковки. При мысли о Кровавых Скоморохах и людях Русе Болтона по ней прошла дрожь. Так нечестно. Особенно теперь, когда они наконец добрались до Трезубца и думали, что опасность почти миновала.

Только с чего Скоморохи стали бы петь?

Песня разносилась вверх по реке из-за маленького пригорка на востоке.

— В Чаячьем городе девушка ждет, хей-хо, хей-хо!

Арья встала с морковками в руке. Похоже было, что певец идет по дороге вдоль реки. Пирожок в капусте, судя по выражению его лица, тоже слышал. Джендри спал в тени сожженного дома и не слышал ничего.

— Жди и надейся, твой милый придет, хей-хо, хей-хо!

За тихим плеском реки Арье, кроме голоса, слышались и звуки арфы.

— Слышишь? — хрипло прошептал Пирожок, прижимая к груди кочан капусты. Идет кто-то.

— Буди Джендри, только без шума, — велела она. — Потряси его. — Джендри просыпался легко в отличие от Пирожка, который без пинков и криков не поднимался.

— За годы разлуки любовь наградит, хей-хо, хей-хо. — Песня с каждым словом становилась все громче.

Пирожок бросил капусту.

— Надо спрятаться.

Хорошо бы, вот только куда? Сожженный дом и заросший огород торчат на самом берегу. У реки растет несколько ив, а внизу, на отмели, — тростник, но дальше место совсем голое. Не надо было им выходить из леса. Это голод их оттуда выгнал — захотелось овощей набрать. Хлеб и сыр, украденные из Харренхолла, вышли еще шесть дней назад.

— Уведи Джендри и лошадей за дом, — распорядилась Арья. Часть стены уцелела — авось двое мальчишек и трое лошадей сумеют за ней укрыться. Если только лошади будут вести себя тихо, а этому певцу не вздумается порыться в огороде.

— А ты?

— И спрячусь за деревом. Может, он там один. Если привяжется, я его убью. Иди!

Пирожок ушел, а она бросила морковки и вытащила из-за плеча краденый меч. Она носила его за спиной — он был сделан на взрослого мужчину и чиркал по земле, если повесить его на пояс. А уж тяжелый какой! Арья вспоминала свою Иглу всякий раз, как брала в руки эту неуклюжую железяку. Но все-таки это меч, которым можно убить — этого достаточно.

Легко ступая, она укрылась за стволом старой плакучей ивы на повороте дороги, вдавив колено в илистую, поросшую травой почву. «Старые боги, — молилась она под звуки песни, — древесные боги, укройте меня, и пусть он пройдет мимо. — Но тут одна из лошадей заржала, и песня оборвалась. — Он слышал — но, может быть, он там один, а если нет, то ведь они могут так же бояться нас, как мы их».

— Слышал? — спросил мужской голос. — Там за стеной кто-то есть.

— Точно, — ответил другой голос, пониже. — Как по-твоему, Лучник, кто это может быть?

Стало быть, их двое. Арья прикусила губу. Она не видела их из-за ивовых ветвей, только слышала.

— Медведь. — Третий голос — или это снова первый?

— На медведе мяса много, — сказал бас, — и сала тоже, по осени. Если правильно приготовить, очень вкусно.

— А может, там волк. Или лев.

— На четырех ногах или на двух?

— Да какая разница.

— И то верно. Что ты хочешь делать с этими стрелами, Лучник?

— Пушу парочку поверх стены. Тогда тот, кто там затаился, мигом выскочит, вот увидишь.

— А если там какой-нибудь добрый человек прячется? Или женщина с грудным дитем?

— Добрый человек вышел бы и показался — это только разбойники прячутся.

— И то верно. Ладно, стреляй.

— Не надо! — крикнула, вскочив на ноги, Арья и выставила вперед свой меч. Их было трое. Только трое. Сирио и не со столькими бы справился. Может, Джендри с Пирожком тоже придут ей на подмогу. Правда, они мальчишки, а эти взрослые.

Мужчины были пешие и все в грязи. Певца она узнала по маленькой арфе, которую он прижимал к груди, как мать младенца. Небольшого роста, лет пятидесяти, большеротый, остроносый, с редкими бурыми волосами. Одет в выгоревшее зеленое сукно со старыми кожаными заплатами, на поясе связка метательных ножей, за спиной топор лесоруба.

Другой был на добрый фут выше и походил на солдата. У него на кожаном с заклепками поясе висели длинный меч и кинжал, на рубаху были нашиты перехлестывающиеся стальные кольца, голову покрывал черный железный, конусом, полушлем. В косматой бурой бороде прятались плохие зубы, но больше всего в глаза бросался желтый плащ с капюшоном. Толстый и тяжелый, с пятнами от травы и крови, подпаленный внизу и залатанный замшей на правом плече, этот плащ придавал своему хозяину сходство с какой-то огромной желтой птицей.

Последний из троицы, молодой парень, был тонок, как его лук, но не столь высок. Рыжий и веснушчатый, он имел на себе нагрудник с заклепками, высокие сапоги и кожаные перчатки без пальцев, а за спиной у него висел колчан. Шесть стрел с серым гусиным оперением торчали в земле перед ним, как маленькая изгородь.

Все трое смотрели на Арию, стоящую посреди дороги с мечом в руке. Наконец арфист дернул одну из струн и сказал:

— Мальчик, положи-ка свой меч, пока не порезался. Он чересчур велик для тебя, и потом, Энги успеет пустить в тебя три стрелы, прежде чем ты до нас доберешься.

— Не успеет. И я девочка, а не мальчик.

— В самом деле? Виноват, — поклонился певец.

— Идите своей дорогой. Просто ступайте мимо, а ты себе пой дальше, чтобы мы слышали, где вы. Уходите, и я вас не трону.

— Лим, ты слышал — она нас не тронет! — засмеялся рыжий лучник.

— Слышал, — басом ответил здоровяк Лим.

— Дитя, — сказал певец, — положи меч, а мы отведем тебя в безопасное место и накормим. В этих краях водятся волки, львы и твари еще хуже этих. Негоже маленькой девочке бродить здесь одной.

— Она не одна. — Джендри выехал из-за дома, а за ним Пирожок с ее лошастью в поводу. Джендри в своей кольчуге и с мечом казался почти взрослым и весьма опасным, Пирожок оставался Пирожком. — Делайте как она говорит и оставьте нас в покое.

— Двое да трое, — нараспев произнес певец, — все, что ли? А кони-то у вас славные — где вы их украли?

— Они наши. — Арья пристально наблюдала за ними. Певец заговаривает ей зубы, но опасность заключается в лучнике. Если он выдернет стрелу из земли...

— Может, назовете свои имена, как честные люди? — спросил певец.

— Я Пирожок, — тут же выпалил Пирожок.

— Тебе подходит, — улыбнулся певец. — Не часто встретишь мальчика с таким вкусным именем. А друзей твоих как звать — Окорок и Голубенок?

Джендри хмуро посмотрел на него с седла.

— С чего мне называть вам свое имя? Ваших-то я пока не слышал.

— Ну что ж: я Том Семиручевский, называемый чаще Томом Семиструнным или Томом-Семеркой. Этот верзила с черными зубами — Лим, прозванный так из-за своего лимонно-желтого плаща и сам кислый, как лимон. А паренек — это Энги, или Лучник.

— Теперь говорите, кто вы такие будете, — громыхнул своим басом Лим.

Арья не собиралась говорить им свое настоящее имя.

— Хотите, зовите Голубенком — мне все равно.

— Голубенок с мечом, — хохотнул Лим. — Такое не каждый день встретишь.

— А я Бык, — следуя примеру Арьи, заявил Джендри. Она его не упрекала — Бык все-таки лучше Окорока.

Том прошелся по струнам своей арфы.

— Пирожок, Голубенок и Бык. Никак сбежали с кухни лорда Болтона?

— Как ты догадался? — с беспокойством спросила Арья.

— Ты носишь на груди его знак, малютка.

Арья совсем забыла, что у нее под плащом, на пажеском дублете вышит ободранный человек Дредфорта.

— Не называй меня малюткой!

— Почему? — спросил Лим. — Ты ведь и правда маленькая.

— Нет, большая. Я уже не ребенок. — Еще бы: малые дети людей не убивают.

— Это я вижу, Голубенок. Никого из вас нельзя назвать детьми, раз вы служили у Болтона.

— Мы у него не служили. — Пирожок, как обычно, не понимал, когда лучше промолчать. — Мы уже жили в Харренхолле, когда он пришел, вот и все.

— Выходит, вы лвята? — спросил Том.

— Нет, и не лвята. Мы ничьи. А вы?

— Мы люди короля, — заявил Энги-Лучник.

— Какого короля? — нахмурилась Арья.

— Короля Роберта, — ответил Лим.

— Этого старого пьяницы? — презрительно бросил Джендри. — Да он же помер давно, его вепрь заporол — это все знают.

— Да, парень, к великому нашему сожалению, — сказал Том и взял на своей арфе печальную ноту.

Арье не верилось, что они люди короля — эти оборванцы смахивали скорее на

разбойников. У них даже лошадей нет, а люди короля должны быть конными.

Но Пирожок тут же распустил язык:

— Мы ищем Риверран. Не знаете, сколько еще дней до него ехать?

Арья охотно убила бы его.

— Молчи, не то я камней тебе в болтливый рот напихаю.

— До Риверрана еще долго вверх по реке, — сказал Том. — Долго и голодно. Не хотите ли поесть горячего, прежде чем трогаться в путь? Тут недалеко есть гостиница, которую держат наши друзья. Разделим лучше эль и хлеб за одним столом, чем драться.

— Гостиница? — При мысли о горячем у Арьи в животе заурчало, но она не питала доверия к этому Тому. Не всякий, кто говорит с тобой ласково, тебе друг. — Недалеко, говоришь?

— Две мили вверх по реке — ну, скажем, не больше лиги.

Джендри, как и Арья, колебался.

— Что у вас за друзья такие? — настороженно спросил он.

— Просто друзья. Забыл, что это означает?

— Хозяйку зовут Парна, — вставил Том. — Язык у нее острый и глаз тоже, с этим не поспоришь, но сердце добре, и маленьких девочек она любит.

— Я не маленькая, — сердито отрезала Арья. — А еще кто там есть? Ты сказал «друзья».

— Еще ее муж и сирота, которого они к себе взяли. Ничего дурного они вам не сделают. Там есть эль, если вы до него уже доросли, свежий хлеб — а может, и мясо найдется. — Том оглядел усадьбу. — Пригодится и то, что вы тут наворовали у старого Пата.

— Мы не воры, — возразила Арья.

— А кто ты старому Пату — дочь или племянница? Только не ври, Голубенок. Я сам хоронил старого Пата под той ивой, где ты пряталась, и ты на него совсем не похожа. — Том снова извлек из арфы печальный звук. — Мы много хороших людей схоронили за прошлый год, и нам неохота хоронить еще и вас, клянусь моей арфой. Лучник, покажи ей.

Лучник отозвался так быстро, что Арья глазам своим не поверила, и стрела просвистела в дюйме от ее уха, вонзившись в ствол ивы позади нее. Лучник тем временем уже приготовил вторую стрелу. Ей казалось, что она понимает, что подразумевал Сирио, говоря «быстро, как змея» или «гладко, как летний шелк», но теперь она впервые увидела, что это такое на самом деле. Стрела снова прожужжала мимо, как пчела.

— Ты промахнулся, — заметила Арья.

— Дура же ты, если так думаешь. Они летят, куда я их посылаю.

— Это верно, — подтвердил Лим.

Лучника отделяло от острия ее меча около дюжины шагов. Ничего не поделаешь, поняла Арья, жалея, что у нее нет лука и она не умеет так же хорошо стрелять. Она угрюмо уперла свой тяжелый меч в землю.

— Ладно, поглядим на вашу гостиницу, — сказала она, скрывая сомнение за храбрыми словами. — Вы ступайте вперед, а мы поедем сзади, чтобы вас видеть.

— Впереди или позади, все едино, — с низким поклоном ответил ей Том. — Пошли, ребята, покажем им дорогу. Вытаскивай свои стрелы, Энги, они нам еще пригодятся.

Арья спрятала меч в ножны и перешла через дорогу к своим друзьям, которые держались подальше от трех незнакомцев.

— Пирожок, заberi капусту, — сказала она, садясь верхом. — И морковку тоже.

В кои-то веки он не стал с ней спорить. Они отправились в путь в указанном ею порядке. Лошади медленно двигались по изрытой дороге в десятке шагов от трех пешеходов, но вскоре конные незаметно для себя почти поравнялись с пешими. Том Семиструнный шел медленно и все время брнчал на своей арфе.

— Вы какие-нибудь песни знаете? — спросил он. — Я охотно спел бы с кем-нибудь. У Лима слуха нет, а наш стрелок знает только марочные баллады, по сотне стихов каждая.

— Только у нас на Марках поют настоящие песни, — беззлобно ответил Энги.

— Петь вообще глупо, — заявила Арья. — Только шум поднимать. Мы вас слышали за целую милю и запросто могли бы убить.

Том улыбнулся, показывая, что он другого мнения.

— Есть вещи и похуже, чем умереть с песней на устах.

— Если бы тут поблизости были волки, мы бы знали, — вставил Лим. — Это наш лес.

— Но про нас-то вы не знали, — заметил Джендри.

— Не будь так уверен, парень, — сказал Том. — Иногда человек знает больше, чем говорит.

Пирожок поерзал в седле и сказал:

— Я знаю песню про медведя. Немного.

— Что ж, давай споем, сдобный ты наш. — Том ударил по струнам, запрокинул голову и запел: «Жил-был медведь, косолапый и бурый! Страшный, большой и с косматою шкурой!»

Пирожок подхватил с увлечением, покачиваясь на ходу в такт. К удивлению Арьи, голос у него оказался хороший, и пел он верно. Она не знала, что он способен еще на что-нибудь, кроме своего пекарского дела.

Чуть подальше в Трезубец впадала мелкая речка. Они перешли ее вброд, и пение спугнуло утку из тростника. Энги тут же сорвал с плеча лук и сбил ее. Утка шлепнулась недалеко от берега, и Лим, скинув свой желтый плащ, с охами и жалобами побрел к ней по колено в воде.

— Как по-твоему, есть у Шарны в погребе лимоны? — спросил Энги Тома, наблюдая за его продвижением. — Одна дорнийская девушка как-то приготовила мне утку с лимоном. — В его голосе слышалась грусть.

На том берегу Том и Пирожок возобновили пение, а утка заняла место на поясе у Лима под желтым плащом. Пение помогло скоротать дорогу, и недолгое время спустя в том месте, где Трезубец делал широкую излучину к северу, на берегу возникла гостиница. Арья подозрительно прищурилась, приближаясь к ней. На разбойничье логово этот дом не походил, что правда, то правда — он казался приветливым, даже уютным со своим беленым верхом, грифельной крышей и ленивым дымком из трубы. К гостинице примыкала конюшня и другие службы, позади имелась пристань и росли яблони. А у пристани...

— Джендри, — тихо сказала Арья, — у них есть лодка. Мы могли бы проплыть на ней остаток пути до Риверрана. Мне кажется, это быстрее, чем ехать верхом.

— А ты ею управлять умеешь? — с сомнением спросил он.

— Надо только парус поставить, и ветер сам нас повезет.

— А если ветер не в ту сторону дует?

— Тогда надо грести.

— Против течения-то? — нахмурился Джендри. — Мне сдается, это будет медленно. И потом, вдруг она перевернется, и мы упадем в воду? Да и не наша это лодка, а гостиничная.

Ее можно и увести. Арья прикусила губу и промолчала. Они спешили перед

конюшней. Других лошадей не было видно, но в стойлах громоздились кучи свежего навоза.

— Кто-то из нас должен остаться и постеречь лошадей, — сказала Арья.

— В этом нет нужды, Голубенок, — сказал, услышав ее, Том. — Пошли поедим, куда они не денутся.

— Я останусь, — вызвался Джендри. — Только принесите мне что-нибудь из еды.

Арья кивнула и пошла за Пирожком и Лимом. Меч все так же висел у нее за спиной, а руку она не отводила от кинжала, украденного ею у Русе Болтона — на случай, если ей не понравится то, что окажется внутри.

Вывеска над дверью представляла какого-то старого короля на коленях. Посреди общей комнаты стояла, подбоченившись, очень высокая безобразная женщина с торчащим вперед подбородком.

— Не стой столбом, мальчик, — рявкнула она при виде Арьи, — или ты девочка? Все равно, не стой у меня на дороге. Либо войди, либо выйди. А ты, Лим, что делаешь? Посмотри, как на полу наследил!

— Мы подстрелили утку. — Лим выставил птицу вперед, как мирный флаг.

Женщина тут же ее схватила.

— Ты хочешь сказать, что ее Энги подстрелил. Снимай сапоги — ты что, глухой или просто дурак? Муж!! — завопила она. — Иди сюда, ребята вернулись. Муж!

Из погреба, ворча, вылез мужчина в грязном переднике, на голову ниже женщины, с желтым одутловатым и рябым лицом.

— Я здесь, женщина, хватит орать. Чего тебе?

— Повесь ее, — сказала она, протягивая ему утку.

Энги пошаркал ногами.

— Мы, собственно, располагали ее съесть, Шарна. С лимоном, если у тебя найдется.

— С лимоном! Где ж мне его взять? Тут тебе не Дорн, дуралей конопатый! Если так нейдет, сбегай туда да нарви нам корзинку, а заодно оливок и гранатов прихвати. Могу разве что от Лимова плаща кусок оторвать, только утка все равно должна повисеть пару дней. Ешь крольчатину или вовсе ничего не получишь. Кролика на вертеле поджарить быстрее всего, если не терпится. А не то можно жаркое приготовить, с луком и элем.

Арья прямо-таки чувствовала во рту вкус этого кролика.

— Денег у нас нет, зато мы принесли вам капусту и морковки, — сказала она.

— Да ну? И где же они?

— Отдай ей капусту, Пирожок, — велела Арья, и он повиновался, глядя на женщину с опаской, точно она была Роржем, Кусакой или Варго Хоутом.

Женщина внимательно осмотрела овощи и вперила еще более пристальный взгляд в мальчишку.

— А пирожок где?

— Здесь. Это меня так зовут. — А она вот... это... Голубенок.

— Только не у меня в доме. Я своих едоков и блюда называю по-разному, чтобы отличать одних от других. Муж!!

Муж вышел было за дверь, но на ее окрик сразу вернулся.

— Утку я повесил. Чего еще, женщина?

— Помой эти овощи. А вы все сидите и ждите, когда я приготовлю кроликов. Мальчик принесет вам выпить. — Она взглянула вдоль своего длинного носа на Арию и Пирожка. — Детям я эль не даю, но сидр у нас вышел, молока нет, а по реке мертвецы плавают, и от воды

разит войной. Бульон сдохлыми мухами вы ведь не стали бы пить?

— Арри выпила бы, — сказал Пирожок. — То есть Голубенок.

— Лим тоже, — ехидно вставил Энги.

— За Лима ты не волнуйся. Нынче все будут пить эль. — И Шарна удалилась на кухню.

Энги и Том сели за стол около очага. Лим повесил свой желтый плащ на колышек.

Пирожок плюхнулся на скамью поближе к двери, и Арья примостилась рядом с ним.

Том снял с плеча арфу и запел, подбирая мелодию к словам:

— Харчевня стоит у речной быстрины... хозяйка ее пострашнее войны.

— Тихо ты, а то не видать нам крольчатины, — остановил его Лим. — Сам знаешь, какая она.

— Ты лодкой умеешь управлять? — спросила, придвинувшись к Пирожку, Арья. Но он не успел ответить, потому что в комнату вошел крепкий парень лет пятнадцати-шестнадцати, неся кружки с элем. Пирожок благоговейно принял свою в обе руки и попробовал. Такой широкой улыбки Арья у него ни разу еще не видела.

— Эль, — блаженно произнес он, — да еще и кролик...

— За его величество, — воскликнул Энги, подняв свою кружку. — Пусть боги хранят короля!

— Все, сколько ни есть, — подхватил Лим, выпил и вытер пену с бороды. Хозяйкин муж вбежал со двора, неся в переднике мытые овощи, и объявил:

— На конюшне чужие лошади. — Как будто без него никто не знал.

— Да, — подтвердил Том, отложив арфу в сторону, — и лучше тех, которых ты отдал.

Муж раздраженно высыпал овощи на стол.

— Не отдал, а продал за хорошую цену, да еще и лодку взял в придачу. Это вам, между прочим, полагалось забрать их назад.

Так я и знала — это разбойники, подумала Арья. Она нащупала под столом рукоять кинжала, убедившись, что он на месте. Если они попробуют нас ограбить, то пожалеют об этом.

— Они мимо нас не проезжали, — сказал Лим.

— Я их туда посылал — а вы, верно, перепились или дрыхли.

— Чтоб мы перепились? — Том хлебнул эля. — Да ни в жизнь.

— Тебе надо было самому их задержать, — сказал Лим Мужу.

— Вдвоем с мальчишкой? В третий раз вам говорю: старуха ушла в Ламбсвольд принимать у Ферн роды — а обрюхатил девушку не иначе как кто-то из вас. — Муж устремил укоряющий взгляд на Тома. — Бьюсь об заклад — это из-за твоих песенок бедняжка Ферн скинула с себя все одежды.

— Если звуки песни побуждают девушку сбросить с себя одежду и ощутить поцелуй солнца на своей коже, разве певец виноват? И потом, ей Энги больше приглянулся. Только и слышишь, бывало: можно потрогать твой лук? Ох, какой же он твердый да гладкий. А можно, я его немножко потяну?

— Ты или Энги — невелика разница, — фыркнул Муж. — Вы не меньше моего виноваты, что лошади пропали. Их было трое — что ж я один-то мог?

— Из этих троих одна была баба, а другой в цепях — сам говорил, — презрительно бросил Лим.

— Баба была здоровенная и одета по-мужски. А который в цепях... уж больно мне не понравилось, как он смотрит.

— Если мне не нравится, как человек смотрит, я пускаю стрелу ему в глаз, — улыбнулся над кружкой Энги.

Арья вспомнила стрелу, просвистевшую около ее уха, и снова пожалела, что не умеет стрелять.

— А ты бы помолчал, когда старшие говорят, — одернул молодого стрелка Муж. — Пей свой эль и сиди тихо, не то напушу на тебя старуху с поварешкой.

— Старшие больно много мелют языками, а эль я и без тебя пью. — И Энги в подтверждение своих слов сделал большой глоток.

Арья последовала его примеру. После воды, которую они пили из ручьев, прудов и мутного Трезубца, эль показался ей таким же вкусным, как вино, которое давал ей пробовать отец. Из кухни между тем плыл запах, от которого слюнки текли, но мысли Арьи по-прежнему занимала лодка. Увести-то ее будет нетрудно, а вот плыть на ней... Если дожждаться, когда все уснут...

Парень появился снова с круглыми ковригами хлеба. Арья отломил кусок и впиалась в него зубами, но хлеб оказался жестким и с подгоревшей нижней коркой.

Пирожок, отведав его, даже сморщился и заявил:

— Плохой у них хлеб.

— Ты дождись жаркого — если макать его в подливку, он ничего, — посоветовал Лим.

— Я бы так не сказал, но хоть зубы целее будут, — сказал Энги.

— Не нравится — сиди голодный, — буркнул Муж. — Что я тебе, пекарь? Поглядел бы я, какой бы ты испек.

— А что, я могу, — сказал Пирожок. — Ничего тут хитрого нет. Вы слишком долго месите тесто, вот хлеб и получается жесткий. — Он глотнул еще эля и понес свою обычную околесицу о хлебе, пирогах и плюшках — Арья только глаза закатила.

— Голубенок, — сказал Том, садясь напротив нее, — или Арри, или как там тебя зовут по-настоящему — это тебе. — И он положил перед ней грязный клочок пергамента.

— Что это? — с подозрением спросила она.

— Три золотых дракона. За лошадей.

— Лошади наши, — насторожилась Арья.

— То есть вы украли их сами, так? Тут стыдиться нечего, девочка. Война многих честных людей делает ворами. — Том постучал пальцем по пергаменту. — Я даю тебе хорошую цену. Ни одна лошадь столько не стоит, по правде сказать.

Пирожок развернул пергамент и заявил громко:

— Так ведь это не золото. Просто писанина какая-то.

— Да, — сказал Том, — к моему сожалению. Но после войны мы превратим это в золото — даю вам слово, как солдат короля.

Арья отодвинулась от стола и встала.

— Вы не люди короля, вы разбойники.

— Если б ты имела когда-нибудь дело с настоящими разбойниками, то знала бы, что они даже на бумаге не платят. Мы не для себя берем лошадей, дитя, а для блага державы, чтобы передвигаться быстрее, когда война того требует. Мы сражаемся за королевское дело — ты ведь не против короля, нет?

Все в комнате смотрели на нее: Энги, Лим и желтолицый, с бегающими глазками Муж. Даже Шарна, стоящая на пороге кухни. «Они все равно отнимут у нас лошадей, что бы я ни сказала, — поняла Арья. — И нам придется идти в Риверран пешком, если только...»

— Эта писулька нам не нужна, — сказала она, забрав пергамент у Пирожка. — Мы можем обменять лошадей на вашу лодку. Только покажите сначала, как ею управлять.

Том, поглядев на нее, скривил свой большой рот и вдруг рассмеялся. Энги присоединился к нему, и они зареготали все: Лим, Шарна, Муж и даже мальчишка-подавальщик, вышедший из-за груды бочек с арбалетом. Арье захотелось наорать на них, но вместо этого она сама заулыбалась...

— Всадники! — ворвавшись в комнату, завопил Джендри. — Солдаты. Едут по речной дороге, дюжина человек.

Пирожок вскочил, опрокинув кружку, но все прочие даже с места не двинулись.

— Это не причина, чтобы лить хороший эль на пол, — сказала Шарна. — Сядь и успокойся, мальчик, кролик сейчас поспеет. И ты тоже, девочка. Если вам прежде довелось натерпеться чего-то худого, теперь с этим покончено: люди короля не дадут вас в обиду. Мы позаботимся о вас, как умеем.

Вместо ответа Арья нащарила за плечом рукоять меча, но успела вытащить его только наполовину, потому что Лим перехватил ее руку.

— Ну, хватит дурить. — Он сжал ее запястье так, что пальцы раскрылись. У него самого пальцы были мозолистые и ужасно сильные. Опять начинается! Как тогда, в деревне, с Чизвиком, Радфом и Скачущей Горой. Они отнимут у нее меч и снова превратят ее в мышь. Схватив свободной рукой кружку, Арья треснула Лима по лицу. Эль выплеснулся ему в глаза, нос хрустнул, и оттуда брызнула кровь. Лим, взревев, схватился за него обеими руками, и Арья освободилась.

— Бежим! — крикнула она и ринулась к двери.

Но Лим, делая один шаг на ее три, тут же догнал ее и поднял в воздух. Она билась и брыкалась, но он продолжал держать ее на весу, а кровь у него из носа так и хлестала.

— Перестань, глупая! — крикнул он, тряхнув ее. — Перестань сейчас же! — Джендри двинулся ей на помощь, но Том с кинжалом загородил ему дорогу.

Бежать все равно уже было поздно. Снаружи топотали кони и слышались мужские голоса. Миг спустя в открытую дверь ввалился тирошиец еще больше Лима, с косматой бородищей — седой, но зеленой на концах. Дальше шли, поддерживая раненого, еще двое с арбалетами, следом валили остальные.

Арья никогда еще не видывала такой оборванной шайки, но мечи, топоры и луки у них были в отличном состоянии. Двое или трое вошедших взглянули на нее с любопытством, но никто из них не сказал ни слова. Одноглазый человек в ржавом полушлеме понюхал воздух и ухмыльнулся, лучник с копной желтых волос потребовал эля. За ними вошли еще люди: копейщик с львиным гребнем на шлеме, человек средних лет с заметной хромотой, наемник из Браавоса и...

— Харвин! — прошептала Арья. Да, это он! У него отросла борода и волосы, но это был он, сын Халлена, который водил ее пони по двору, на скакивал на кинтану с Джоном и Роббом и слишком много пил на пирах. Похудевший и посуровевший, это был, несомненно, он — человек ее отца. — Харвин! — Она дернулась, стараясь вырваться из железных рук Лима. — Харвин, это я, ты ведь узнаешь меня, правда? — У нее потекли слезы, и она разревелась, как самый настоящий ребенок. — Харвин, это же я!

Взгляд Харвина перешел с ее лица на ободранного человека у нее на дублете.

— Откуда ты меня знаешь? — нахмурился он. — Ободранный человек... ты кто, слуга лорда-пиявки?

На миг она растерялась, не зная, что ему отвечать. Слишком много у нее было имен. Может быть, Арья Старк ей только приснилась?

— Я девочка, — пролепетала она, шмыгая носом. — У лорда Болтона я служила чашницей, но он собрался оставить меня козлу, и мы с Джендри и Пирожком убежали. Ты должен меня узнать! Ты катал меня на пони, когда я была маленькая.

Глаза у Харвина стали круглыми.

— Боги праведные! Арья-Надоеда! Отпусти ее, Лим.

— Она мне нос сломала. — Лим бесцеремонно поставил ее на пол. — А кто она такая, седьмое пекло?

— Дочь десницы, — сказал Харвин и преклонил перед ней колено. — Арья Старк из Винтерфелла.

Робб, поняла она в ту же минуту, как собаки разразились лаем.

Ее сын вернулся в Риверран, и Серый Ветер вместе с ним. Только запах лютоволка мог свергнуть здешних собак в такое неистовство. Кейтилин знала, что сын непременно придет к ней. Эдмар после того первого визита у нее больше не бывал — он проводил время с Марком Пайпером и Патреком Маллистером, слушая сочиненную Раймундом-Рифмачом песню о битве у Каменной Мельницы. Но Робб — не Эдмар. Робб к ней придет.

Уже несколько дней как шел дождь, холодный и серый, хорошо подходивший к настроению Кейтилин. Отец слабел и с каждым днем все больше бредил, а в редкие минуты просветления произносил имя Ромашки и молил ее о прощении. Эдмар чурался ее, а сир Десмонд Грелл по-прежнему не разрешал ей свободно гулять по замку, хотя это, похоже, делало несчастным его самого. Только возвращение сира Робина Ригера и его людей, сбивших ноги и промокших насквозь, немного подняло ее дух. Обратно они, по всей видимости, добирались пешком. Цареубийца каким-то образом умудрился потопить их галею и уйти, как поведал Кейтилин мейстер Виман. Кейтилин просила разрешения поговорить с самим сиром Робинотом, чтобы узнать подробности, но в этом ей отказали.

Помимо этого, случилось еще кое-что. В день возвращения брата, через несколько часов после разговора с ним, она услышала внизу во дворе сердитые голоса. С крыши ей стала видна суeta у главных ворот замка. Из конюшни выводили лошадей: и было много шума и крика, но слов она за дальностью расстояния не разбирала. Одно из белых знамен Робба валялось на земле, и какой-то конный рыцарь проскакал по нему к воротам. Несколько других последовали его примеру. Это люди, которые сражались вместе с Эдмаром на бродах, поняла Кейтилин. Что же могло вызвать у них такой гнев? Неужели брат чем-то оскорбил их? Ей показалось, что она узнала сира Первина Фрея, который ездил с ней к Горькому Мосту и Штормовому Пределу, и его брата, бастарда Картина Риверса, но с такой высоты она не могла быть в этом уверена. Из ворот выехали около сорока человек, и причина их отъезда осталась для нее загадкой.

Больше они не вернулись, а мейстер Виман так и не сказал ей, кто они, куда отправились и что их так рассердило.

— Я здесь нахожусь, чтобы ухаживать за вашим отцом, миледи, и только, — отрезал он. — Скоро лордом Риверрана будет ваш брат, он и сообщит вам все, что сочтет нужным.

Но теперь с запада вернулся Робб — и вернулся победителем. «Он простит меня, — говорила себе Кейтилин. — Он должен простить, он мой сын, и Санса с Арьей ему такая же родная кровь, как и мне. Он освободит меня из заточения, и я узнаю наконец, что случилось».

К тому времени, как сир Десмонд пришел за ней, она вымылась, оделась понаряднее и красиво причесала свои золотисто-рыжие волосы.

— Король Робб вернулся с запада, миледи, — сказал рыцарь, — и требует вас к себе в Великий Чертог.

Вот он, миг, о котором она мечтала и которого боялась. Сколько сыновей она потеряла — двух или трех? Скоро она это узнает.

Чертог, когда они вошли, был полон. Глаза собравшихся были устремлены на помост, но Кейтилин узнавала их и по спинам. Вот леди Мормонт в залатанной кольчуге, вот

возвышаются над всеми остальными Большой Джон с сыном, вот седовласый лорд Ясон Маллистер с крылатым шлемом на согнутой руке, Титос Блэквуд в своем великолепном плаще из вороньих перьев... Половина из них охотно вздернула бы ее на виселицу, а другая половина разве что отвернулась бы при этом. Кроме того, Кейтилин мучило чувство, будто здесь кого-то недостает.

Робб стоял на возвышении. Он уже не мальчик, с болью убедилась Кейтилин. Ему шестнадцать, и он теперь взрослый мужчина — стоит только посмотреть на него. Война вытравила всю мягкость из его черт, сделав лицо худощавым и твердым. Бороду он бреет, но золотисто-рыжие волосы падают до самых плеч. От дождей его кольчуга заржавела и оставляет бурые пятна на белизне плаща и камзола. Или это кровь, а не ржавчина? На голове у него корона с зубцами в виде мечей, которую ему выковали из бронзы и железа. Теперь он носит ее уверенно, как настоящий король.

Эдмар стоял внизу, под помостом, скромно склонив голову, и принимал похвалы Робба за одержанную победу.

— ...Битва у Каменной Мельницы никогда не будет забыта. Неудивительно, что лорд Тайвин бежал и предпочел сразиться со Станнисом, устранившись северян и речного народа. — Это вызвало смех и одобрительные возгласы в зале, но Робб поднял руку, призывая к тишине. — Не будем, однако, заблуждаться. Ланнистеры еще вернутся, и нам не раз еще придется вступить с ними в бой, чтобы обеспечить безопасность королевства.

— Король Севера! — взревел Большой Джон, вскинув вверх свой одетый в кольчугу кулак.

— Король Трезубца! — хором поддержали его речные лорды. Кулаки взлетали над головами, и ноги топотали по полу.

Среди общего гама Кейтилин с сиром Десмондом заметили лишь немногие, но эти немногие принялись толкать своих соседей, и скоро вокруг нее воцарилась тишина. Она держала голову высоко и не отвечала ни на чьи взгляды. Пусть думают что хотят — для нее важно только мнение Робба.

Она немного приободрилась, увидев на помосте рубленые черты сира Бриндена Талли. Незнакомый ей мальчик, видимо, исполнял обязанности оруженосца Робба. Рядом стоял молодой рыцарь в песочном камзоле с морскими раковинами и рыцарь постарше, с тремя черными перечницами на шафрановой перевязи поперек зеленого в серебристую полосу поля. Место между ними занимали красивая дама средних лет и хорошенькая девушка — видимо, ее дочь. Была там и другая девушка, на вид ровесница Сансе. Кейтилин помнилось, что раковины служат эмблемой какого-то мелкого дома, но перечниц старшего рыцаря она не узнала. Быть может, это пленники? Но зачем Робб поставил пленников на помост?

Сир Десмонд вывел Кейтилин вперед, и Утерайдс Уэйн стукнул посохом об пол. Что ей делать, если Робб взглянет на нее так же, как Эдмар? Но вместо гнева в глазах сына ей померещилось нечто иное... как будто предчувствие недоброго. Да нет же, это бессмысленно. Чего ему бояться? Он Молодой Волк, Король Трезубца и Севера.

Дядя, сир Бринден, поздоровался с ней первым. Черная Рыба, оправдывая свое прозвище, не заботился о мнении других. Он соскочил с помоста и заключил Кейтилин в объятия.

— Рад видеть тебя дома, Кет. — Услышав это, она с трудом сохранила спокойствие и прошептала в ответ:

— Я тоже рада.

— Матушка.

Кейтилин подняла глаза на своего высокого сына.

— Ваше величество, я молилась за ваше благополучное возвращение. Я слышала, вы были ранены.

— Стрела пробила мне руку при штурме Крэга, но все уже зажило. За мной превосходно ухаживали.

— Хвала богам. — Кейтилин перевела дух. Ну, говори же — этого все равно не избежать. — Вам должны были сказать о том, что я сделала. Но назвали ли вам причину?

— Это из-за девочек, я знаю.

— У меня было пятеро детей, а теперь осталось трое.

— Да, миледи. — Лорд Рикард Карстарк отстранил Большого Джона и вышел вперед, словно мрачный призрак, в черной кольчуге, с длинной седой бородой и холодным выражением на узком лице. — У меня тоже было трое сыновей, а теперь только один, и вы отняли у меня возможность мщения.

— Лорд Рикард, — спокойно ответила ему Кейтилин, — смерть Цареубийцы не вернет ваших детей, но жизнь его способна выкупить моих.

— Джейме Ланнистер одурачил вас, — неумолимо отрезал Карстарк. — Вы купили у него мешок пустых слов, не более. Мой Торрхен и мой Эддард заслуживали лучшего отношения с вашей стороны.

— Оставь ее, Карстарк, — громыхнул Большой Джон, скрестив на груди свои ручищи. — Она мать, и ее обуяло безумие. Все женщины так устроены.

— Безумие? — повернувшись к нему, повторил лорд Рикард. — Я назвал бы это другим словом: измена.

— Довольно. — Это Робб выпалил скорее как Брандон, чем как отец. — Никто не смеет называть леди Винтерфелла изменницей в моем присутствии, лорд Рикард. — Затем Робб обратился к самой Кейтилин, и его голос смягчился: — Если бы я мог одним желанием вернуть Цареубийцу в оковы, я сделал бы это. Вы освободили его без моего ведома и согласия... но я знаю, что в этом вами двигала любовь. Любовь к Арье и Сансе и горе по утраченным нами Брану и Рикону. Любовь же, как я узнал теперь, не всегда бывает мудра. Она способна привести нас к безумию, и все же мы следуем зову своего сердца, куда бы оно нас ни вело. Не так ли, матушка?

Вот, значит, как он на это смотрит?

— Если я по велению своего сердца совершила безумство, я готова покаяться в этом перед лордом Рикардом и вами.

— Разве ваше покаяние согреет Торрхена и Эддарда в холодных могилах, куда уложил их Цареубийца? — произнес непоколебимый лорд Карстарк. Сказав это, он протиснулся между Большим Джоном и Мейдж Мормонт и вышел вон.

Робб не стал его удерживать.

— Простите его, матушка.

— Охотно, если и вы простите меня.

— Уже простил. Я понимаю, каково это — любить так, что ни о чем другом думать не можешь.

— Благодарю вас, — склонила голову Кейтилин. (Это дитя по крайней мере остается моим.)

— Нам нужно поговорить в семейном кругу, — продолжал Робб. — Об этом... и о

других вещах. Стюард, объяви конец ассамблеи.

Утерайдс Уэйн, стукнув посохом об пол, возвестил, что король отпускает свой двор, и речные лорды вместе с северянами двинулись к выходу. Только тогда Кейтилин поняла, кого здесь недостает. Волка. Где же он? Она знала, что Серый Ветер вернулся в замок, иначе собаки не бесились бы так, но в чертоге его не было, хотя прежде он не отходил от ее сына.

Но она не успела спросить об этом Робба, поскольку ее обступили доброжелатели.

— Миледи, — сказала леди Вермонт, взяв ее за руку, — если бы Серсея Ланнистер держала в плену моих дочерей, я бы сделала то же самое.

Большой Джон, презиравший условности, приподнял ее над полом и стиснул в могучих объятиях.

— Твой волчонок уже покусал однажды Цареубийцу и сцапает его снова, если будет нужда.

Галбарт Гловер и лорд Ясон Маллистер держались более прохладно, а от Джонаса Браккена веяло холодом, однако высказывались они учтиво. Брат подошел к ней последним.

— Я, как и ты, молюсь за твоих девочек, Кет. Надеюсь, ты в этом не сомневаешься.

— Конечно, нет. — Кейтилин поцеловала его. — Я люблю тебя за это.

Наконец все слова были сказаны, и в Большом Чертоге остались только Робб, трое Талли и шестеро незнакомцев.

— Миледи, сирь, — с любопытством спросила их Кейтилин, — вы, должно быть, недавно примкнули к моему сыну?

— Да, — ответил рыцарь с морскими раковинами, — но это не мешает нам быть самыми преданными и горячими сторонниками его величества, что мы надеемся вскоре доказать вам, миледи.

— Матушка, — с несколько растерянным видом произнес Робб, — позвольте представить вам леди Сибеллу, жену лорда Гавена Вестерлинга из Крэга. — Старшая женщина с важной миной вышла вперед. — Ее муж был одним из тех, кого мы взяли в плен в Шепчущем лесу.

Ах да, Вестерлинги, вспомнила Кейтилин. У них в гербе шесть морских раковин, белых, на песчаном поле. Вассалы Ланнистеров.

Робб между тем поочередно называл ей других незнакомцев.

— Сир Рольф Спайсер, брат леди Сибеллы. При взятии Крэга он был кастеляном замка. — Перечный рыцарь склонил голову. Коренастый, со сломанным носом и коротко подстриженной седой бородой, он имел довольно доблестный вид. — Далее идут дети лорда Гавена и леди Сибеллы. Сир Рейнальд Вестерлинг. — Рыцарь с раковинами улыбнулся в свои пышные усы — молодой, гибкий, но крепко сбитый, с отменными зубами и целой копной каштановых волос. — Эления. — Младшая девочка сделала короткий реверанс. — Роллам Вестерлинг, мой оруженосец. — Мальчик хотел было преклонить колено, но, поскольку никто другой этого не сделал, ограничился поклоном.

— Знакомство с вами — честь для меня, — сказала Кейтилин. Видимо, Крэг присягнул Роббу? Если так, то не диво, что Вестерлинги приехали вместе с ним. Бобровый Утес измен не прощает — так повелось с тех пор, как Тайвин Ланнистер дорос до войны.

Из всей семьи только одна осталась неназванной. Девушка робко вышла вперед, и Робб взял ее за руку.

— Матушка, имею честь представить вам леди Жиенну Вестерлинг, старшую дочь лорда Гавена... и мою леди-жену.

Первым, что пронеслось у Кейтилин в уме, было: «Нет. Не может быть. Ведь ты еще ребенок». Следом явилась вторая мысль: «Кроме того, ты дал обещание другой». И третья: «Да помилует нас Матерь, Робб, что ты наделал?»

И только потом до нее дошло. Безумства, совершаемые ради любви! Он поймал меня, как зайца в силок, мне поневоле придется простить его. Несмотря на все свое раздражение, она не могла не восхититься им — он разыграл эту сцену с мастерством опытного лицедея... или короля. Кейтилин, не видя иного выбора, взяла руки Жиенны Вестерлинг в свои.

— Теперь у меня есть еще одна дочь, — произнесла она более чопорно, чем намеревалась, и расцеловала испуганную девушку в обе щеки. — Добро пожаловать под наш кров и к нашему очагу.

— Благодарю вас, миледи. Я клянусь, что буду Роббу хорошей и преданной женой. И постараюсь быть мудрой королевой.

Королевой... Ну да, эта девочка теперь королева, надо об этом помнить. Она бесспорно хороша со своими каштановыми локонами, сердцевидным личиком и застенчивой улыбкой. Она стройна, но бедра у нее широкие — рожать по крайней мере она должна без труда.

Леди Сибелла вмешалась, прежде чем она успела произнести еще хоть слово:

— Родство с домом Старков — честь для нас, миледи, но мы, право же, очень устали, проделав столь долгий путь за короткое время. Позвольте нам удалиться в наши комнаты, чтобы вы могли побыть с вашим сыном.

— Так будет лучше всего, — молвил Робб, целуя свою Жиенну. — Стюард укажет вам подходящие покои.

— Я провожу вас к нему, — вызвался Эдмар.

— Вы очень любезны, — сказала леди Сибелла.

— Мне тоже идти с ними? — спросил маленький Роллам. — Я ведь ваш оруженосец.

— Твои услуги мне пока не понадобятся, — засмеялся Робб.

— Его величество обходился без тебя шестнадцать лет, Роллам, — авось обойдется еще несколько часов. — Сир Рейнальд взял младшего брата за руку и повел прочь.

— Твоя жена прелестна, — сказала Кейтилин, когда они все удалились, — и эти Вестерлинги как будто достойные люди... но ведь лорд Равен — вассал Тайвина Ланнистера?

— Да. Ясон Маллистер взял его в плен и держит в Сигарде, чтобы получить за него выкуп. Теперь я, разумеется, освобожу его, хотя он, возможно, и не захочет стать на мою сторону. Мы поженились без его согласия, и наш брак подвергает его большой опасности. Крэг — не самая мощная из крепостей. Из любви ко мне Жиенна может лишиться всего.

— А ты из-за нее лишился Фреев, — тихо заметила Кейтилин.

Его гримаса была красноречивее слов. Теперь Кейтилин поняла, почему так сердито звучали голоса во дворе и почему Первин Фрей с Мартином Риверсом уехали столь поспешно, растоптав знамя Робба в пыли.

— Смею ли я спросить, сколько мечей привела с собой твоя невеста, Робб?

— Пятьдесят. И дюжину рыцарей. — Робб отвечал угрюмо, и не диво. Когда они заключили брачный договор с Близнецами, старый лорд Уолдер Фрей отправил с Роббом тысячу конных рыцарей и около трех тысяч пехоты. — Жиенна не только красива, но и умна, и сердце у нее доброе.

«Тебе нужны мечи, а не добрые сердца. Как ты мог поступить так, Робб? Так неосмотрительно, так глупо? Как ты мог оказаться таким... таким... юным». Но ее упреки

ничему уже не могли помочь, и она сказала только:

— Расскажи мне, как это произошло.

— Я взял ее замок, а она похитила мое сердце, — улыбнулся Робб. — Гарнизон в Крэге слабый, и мы управились с ним за одну ночь. Уолдер Черный и Маленький Джон командовали отрядами, штурмовавшими стены, а я ломал ворота тараном. Стрела попала мне в руку как раз перед тем, как сир Рольф сдал нам замок. Поначалу рана казалась пустячной, но потом воспалилась. Жиенна уложила меня в собственную постель и ухаживала за мной, пока не прошла лихорадка. Она была со мной, когда Большой Джон принес мне новости о... Винтерфелле. О Бране и Риконе. — Имена братьев дались Роббу с трудом. — В ту ночь она... утешала меня, матушка.

Кейтилин не нужно было объяснять, какого рода утешение предложила Жиенна Вестерлинг ее сыну.

— И наутро ты женился на ней.

Сын посмотрел ей в глаза, гордый и в то же время несчастный.

— Честь не позволяла мне поступить иначе. Она мила и добра, матушка, она будет мне хорошей женой.

— Возможно, но лорда Фрея этим не умиротворить.

— Знаю. Я порчу все, не считая сражений, правда? Я думал, что сражаться будет труднее всего, а на деле... Если б я послушал тебя и оставил Тесна в заложниках, я бы по-прежнему правил Севером, а Бран с Риконом благополучно жили бы в Винтерфелле.

— Быть может, так, а быть может, и нет. Лорд Бейлон, полагаю, все равно бы начал войну. В прошлый раз попытка возложить на себя корону стоила ему двух сыновей, и теперь он, возможно, не дрогнул бы перед риском потерять всего лишь одного. — Кейтилин тронула сына за руку. — Что сделали Фреи после твоей женитьбы?

— С сиром Стевроном я бы еще договорился... но сир Риман туп, как колода, а Уолдер Черный получил свое прозвище не только за цвет бороды, уверяю тебя. Он дошел до того, что заявил, что его сестры, мол, и за вдовца не побрезгуют выйти. Я убил бы его за это, если б Жиенна меня не умолила.

— Ты нанес дому Фреев тяжкое оскорбление, Робб.

— Я не хотел этого. Сир Стеврон погиб, сражаясь за меня, а более преданного оруженосца, чем Оливар, ни один король не мог бы ждать. Он просил, чтобы его оставили со мной, но сир Риман увез его вместе со всем своим войском. Большой Джон подбивал меня напасть на них...

— Драться со своими в окружении врагов? Это стало бы твоей гибелью.

— Да. Я подумал, что мы, возможно, могли бы найти дочерям лорда Уолдера других женихов. Сир Бендел Мандерли предложил взять одну, и Большой Джон говорит, что его дяди не прочь жениться снова. Если лорда Уолдера можно будет урезонить...

— Урезонить его нельзя. Он горд и щепетилен до крайности, сам знаешь. Он хотел стать дедом короля, а ты хочешь предложить ему взамен двух старых волосатых разбойников и второго сына самого толстого человека в Семи Королевствах. Мало того, что ты нарушил свою клятву — ты оскорбил честь Близнецов, взяв жену из менее значительного дома.

— Вестерлинги знатнее Фреев, — ошетинился Робб. — Это старинный род, восходящий к Первым Людям. Короли Скалы до Завоевания часто женились на девицах этого дома, и король Мейегор триста лет назад взял в жены другую Жиенну Вестерлинг.

— Все это — соль на раны лорда Уолдера. Его всегда бесило, что более древние дома

смотрят на Фреев как на выскочек. Это уже не первое оскорбление, которое он получает, судя по его словам. Джон Аррен не захотел взять на воспитание его внуков, а мой отец не дал согласия на брак Эдмара с одной из его дочерей. — При этих ее словах Эдмар как раз вернулся в зал.

— Ваше величество, — сказал Бринден Черная Рыба, — нам, пожалуй, лучше продолжить разговор в более уединенном месте.

— Да, — устало согласился Робб. — Я готов убить за чашу вина. Пойдемте в приемную палату.

Поднимаясь с ним по лестнице, Кейтилин задала наконец давно беспокоивший ее вопрос:

— Робб, а где Серый Ветер?

— Во дворе, гложет баранью ногу. Я велел мастеру над псарней накормить его.

— Раньше ты не отпускал его от себя.

— Чертог — не место для волка. Он начинает вести себя беспокойно, рычать и огрызаться — ты сама это видела. Мне не следовало брать его с собой на войну. Он загрыз слишком много людей и теперь совсем их не боится. Жиенна боится его, а ее мать он приводит в ужас.

Вот она, главная причина.

— Вы с ним нераздельны, Робб. Бояться его — все равно что бояться тебя.

— Я не волк, что бы обо мне ни говорили, — резко ответил Робб. — Серый Ветер убил человека в Крэге, еще одного в Эшмарке, шестерых или семерых у Окскросса. Если бы ты видела...

— Я видела, как волк Брана перегрыз горло одному человеку в Винтерфелле, и полюбила его за это.

— Там было по-другому. Мой убил в Крэге рыцаря, которого Жиенна знала всю свою жизнь, и нельзя ее винить за то, что ей страшно. К тому же Серый Ветер невзлюбил ее дядю и скалит зубы каждый раз, как сир Рольф проходит мимо.

Кейтилин пробрало холодом.

— Отошли сира Рольфа от себя. Немедленно.

— Куда? Обратно в Крэг, чтобы Ланнистеры вздели его голову на пику? Жиенна любит его. Он ее дядя и притом доблестный рыцарь. Мне бы побольше таких людей, как Рольф Спайсер, и я не собираюсь изгонять его только потому, что моему волку не нравится его запах.

— Робб. — Она остановилась и взяла сына за руку. — Я просила тебя не отпускать Теона Грейджоя, но ты не послушал. Теперь я снова прошу: отошли прочь этого человека. Я не об изгнании говорю. Поручи ему какое-нибудь почетное, требующее отваги дело, все равно какое... только не оставляй его рядом с собой.

— Неужели Серый Ветер должен обнюхивать всех моих рыцарей? — нахмурился он. — Вдруг ему кто-нибудь еще не понравится?

— Я не допустила бы к тебе никого из тех, кто не нравится Серому Ветру. Эти волки — не просто волки, Робб. Ты сам это знаешь. Мне думается, что их послали вам боги. Боги твоего отца, старые боги Севера. Пять волчат, Робб, на пятерых детей Старков.

— Шесть. Там был волк и для Джона. Ты же помнишь — я сам нашел их. Мне ли не знать, сколько их было и откуда они взялись. Раньше я думал так же, как и ты. Думал, что они наши стражи и защитники, пока...

— Пока что?

Губы Робба сжались в жесткую линию.

— Пока мне не сказали, что Теон убил Брана и Рикона. Им волки не помогли. Я уже не мальчик, матушка. Я король и сам себя могу защитить. Я найду предлог, чтобы отослать сира Рольфа, — вздохнул он. — Не потому, что от него плохо пахнет, а чтобы тебе стало легче. Довольно ты настрадалась.

Обрадованная Кейтилин легонько поцеловала сына в щеку, когда другие скрылись за поворотом лестницы, и на этот миг он снова стал ее мальчиком, а не королем.

Личная приемная лорда Хостера помещалась над Великим Чертогом и больше подходила для доверительных бесед. Робб, заняв высокое место, снял корону и поставил ее на пол рядом с собой, а Кейтилин позвонила в колокольчик и велела принести вина. Эдмар тем временем занимал дядю рассказом о битве у Каменной Мельницы. Дождавшись, когда слуги подадут вино и выйдут, Черная Рыба прочистил горло и сказал:

— Ну, будет хвастать, племянник, — мы тебя уже вдоволь наслушались.

— Хвастать? — опешил Эдмар. — Что ты такое говоришь?

— Говорю, что тебе следует поблагодарить его величество за оказанное тебе снисхождение. Это представление в Великом Чертоге он разыграл, чтобы не срамить тебя перед твоими же людьми. Будь на то моя воля, я бы с тебя шкуру спустил за глупость, а не хвалил за геройство на бродях.

— На этих бродях погибли хорошие люди, дядя, — оскорбился Эдмар. — Или у нас только Молодой Волк может одерживать победы? Я украл у тебя часть твоей славы, Робб?

— Ваше величество, — ледяным тоном поправил Робб. — Ты сам выбрал меня своим королем, дядя, — или ты и об этом забыл?

— Тебе было приказано оборонять Риверран, Эдмар, — и только, — сказал Черная Рыба.

— Я оборонял его и вдобавок пустил лорду Тайвину кровь из носу...

— Верно, — сказал Робб, — но разбитыми носами войн не выигрывают. Ты ни разу не задавался вопросом, зачем мы так долго остаемся на западе после Окскросса? Ты ведь знал, что людей у меня слишком мало, чтобы грозить Ланниспорту или Бобровому Утесу.

— Но там есть и другие замки... золото, скот...

— Ты думал, что мы остаемся там ради добычи? — удивленно спросил Робб. — Я хотел, чтобы лорд Тайвин двинулся на запад, дядя.

— Мы все конные, — продолжил сир Бринден, — а войско Ланнистера состоит в основном из пехоты. Мы намеревались погнать лорда Тайвина взад-вперед вдоль побережья, а потом обойти его сзади и занять хорошую оборонительную позицию поперек Золотой дороги — мои разведчики уже нашли подходящее место, благоприятное для нас во всех отношениях. Коли бы он завязал с нами бой там, ему пришлось бы заплатить высокую цену. Если же он предпочел бы не вступать в бой, то оказался бы зажатым на западе, в тысяче лиг оттуда, где ему полагалось быть. И все это время мы кормились бы за его счет, а не он за наш.

— Лорд Станнис уже подошел к Королевской Гавани, — вставил Робб. — Он мог бы избавить нас от Джоффри, королевы и Беса одним ударом, и тогда мы, возможно, договорились бы о мире.

Эдмар переводил взгляд с дяди на племянника.

— Вы мне ни слова об этом не сказали.

— Я велел тебе держать Риверран, — сказал Робб. — Что в этом приказе было непонятного?

— Остановив лорда Тайвина на Красном Зубце, — снова взял слово Черная Рыба, — ты задержал его ровно настолько, чтобы гонцы от Горького Моста успели привезти ему весть о том, что происходит на востоке. Лорд Тайвин тут же повернул свое войско, соединился с Матисом Рованом и Рендиллом Тарли у истоков Черноводной и двинулся ускоренным маршем к водопаду Полная Чаша, где Мейс Тирелл и двое его сыновей ждали его с огромным войском и флотилией торговых судов. Они спустились на баржах вниз по реке, высадились в дневном переходе от города и ударили Станнису в тыл.

Кейтилин вспомнился двор короля Ренли, каким она видела его у Горького Моста. Тысяча струящихся по ветру золотых роз, застенчивая улыбка и тихие слова королевы Маргери и ее брат, Рыцарь Цветов, с окровавленной повязкой на голове. «Коли уж тебе суждены были женские обаяния, сын мой, отчего ты не выбрал Маргери Тирелл? Богатство и мощь Хайгардена могли бы склонить твою чашу весов к победе. И возможно, Серому Ветру понравился бы ее запах».

— Но у меня и в мыслях не было... — лепетал сломленный Эдмар. — Робб, ты должен позволить мне искупить свою вину, я возглавлю авангард в следующем сражении!

Ради искупления вины, брат, или ради славы?

— В следующем... — повторил Робб. — Ну что ж, нам недолго его ждать. Как только Джоффри женится, Ланнистеры, несомненно, снова выступят против меня, и на этот раз вместе с Тиреллами. Возможно, мне придется сражаться еще и с Фреями, если мнение Уолдера Черного возобладает...

— Пока Теон Грейджой сидит на месте твоего отца с руками, обагренными кровью твоих братьев, другим врагам придется подождать, — прервала сына Кейтилин. — Твой первый долг — защитить свой народ, отвоевать Винтерфелл и вздернуть Теона на медленную смерть в вороньей клетке. В противном случае можешь снять свою корону насовсем — все и так будут знать, что ты не настоящий король.

По взгляду Робба она поняла, что с ним давно уже никто не осмеливался говорить с такой прямоотой.

— Когда мне сказали, что Винтерфелл пал, я хотел сразу идти на север, — как бы оправдываясь, сказал он. — Я хотел освободить Брана и Рикона, но я не думал... мне и в голову не пришло, что Теон способен причинить им какой-то вред. Если бы я...

— Теперь уже поздно для «если» и мальчиков уже не спасти, — молвила Кейтилин. — Нам остается одно: мстить.

— Согласно последнему известию, полученному нами, сир Родрик разбил островитян у Торрхенова Удела и собирал у замка Сервин войско, чтобы идти на Винтерфелл, — сказал Робб. — Может быть, замок уже в его руках — мы долго не имели оттуда никаких новостей. И как быть с Трезубцем, если я поверну на север? Я не могу просить речных лордов бросить на произвол судьбы собственную землю.

— И не надо. Предоставь им защищать свое и ступай отвоевывать Север вместе с северянами.

— Но каким образом твои северяне попадут на Север? — спросил Эдмар. — Закатное море во власти Железных Людей, Ров Кейлин — тоже. Еще ни одной армии не удавалось взять Ров Кейлин с юга. Даже идти туда было бы безумием. Мы можем попасть в ловушку с островитянами впереди и разгневанными Фреями сзади.

— Фреев надо вернуть назад, — сказал Робб. — С ними мы еще можем надеяться на успех, без них я никакой надежды не вижу. Я готов дать лорду Уолдеру все, что бы он ни потребовал... свои извинения, почести, земли, золото... должно же быть что-то, способное польстить его гордости.

— Не что-то, — сказала Кейтилин. — Кто-то.

— Ну как, достаточно велики они для тебя? — Снег летел в широкое лицо Тормунда, тая на волосах и бороде.

Великаны, покачиваясь на своих мамонтах, попарно ехали мимо. Конек Джона беспокойно топтался, глядя на такое диво, и неизвестно, что пугало его больше — мамонты или наездники. Даже Призрак отступил на шаг, безмолвно обнажив зубы. Мамонты namного превосходили величиной даже его, большого лютоволка, и их было много, очень много.

Джон успокоил коня и принялся считать великанов, выезжающих из снега и бледного, клубящегося над Молочной тумана. Он перевалил за пятьдесят, когда Тормунд что-то сказал и сбил его со счета. Всего их, должно быть, несколько сотен — все едут и едут, конца им нет.

В сказках старой Нэн великаны были просто громадными людьми, которые жили в огромных замках, сражались огромными мечами, и в каждом их сапоге мог спрятаться маленький мальчик. Эти походили скорее на медведей, чем на людей и были такими же волосатыми, как мамонты, на которых ехали. Пока они сидели верхом, трудно было судить об их истинном росте. В них, должно быть, футов десять, а то и двенадцать, но уж точно не больше четырнадцати. Их грудная клетка еще могла сойти за человеческую, но руки были слишком длинны, а нижняя часть торса казалась раза в полтора шире верхней. Ноги, короче рук, были очень толсты, и никаких сапог они не носили — зачем им обувь при таких больших, плоских, черных и ороговевших ступнях. Тяжелые головы, лишенные шеи, торчали прямо из плеч, приплюснутые лица имели зверский вид. Крысиные глазки-бусинки почти терялись в складках ороговевшей кожи, зато ноздри постоянно шевелились — нюх у великанов, видимо, был не слабее зрения.

Да ведь это на них не звериные шкуры, понял Джон. Это их собственная шерсть. Ниже пояса она гуще, вверху пореже. Смерд от них идет такой, что с ног валит, но, может, это мамонты так пахнут. И Джорамун затрубил в Рог Зимы и поднял из земли великанов. Джон искал мечи десятифутовой длины, но видел только дубины. Одни были просто сухими деревьями с еще сохранившимися обломками ветвей, к другим были привязаны здоровенные камни. В сказке не говорилось, может ли Рог снова погрузить их в сон.

Один великан по виду казался старше остальных. Шерсть у него поседела, и такая же седина покрывала шкуру мамонта, на котором он ехал, — тот был крупнее всех других животных. Тормунд прокричал ему что-то резкое и звучное на непонятном Джону языке. Великан открыл рот, полный огромных прямоугольных зубов, и произвел нечто среднее между отрыжкой и рокотом грома. Джон не сразу понял, что он смеется. Мамонт повернул к людям свою массивную голову и прошествовал мимо, пронеся громадный бивень над самой головой Джона и оставив громадные следы в свежем снегу и мягком речном иле. Великан что-то крикнул Тормунду на том же языке.

— Это кто, их король? — спросил Джон.

— У великанов нет королей, как нет их у мамонтов, белых медведей и китов, плавающих в сером море. Это Мег Мар Тун Доб Вег, Мег Могуций, можешь стать перед ним на колени — он возражать не будет. Коленки-то у тебя небось так и чешутся, до того им не терпится согнуться перед каким-нибудь королем. Смотри только, чтобы он на тебя не наступил. Великаны видят плохо, и он может не разглядеть мелкую ворону у себя под ногами.

— А что ты ему сказал? Это древний язык, да?

— Да. Я спросил, не на своем ли родителе он верхом едет — уж больно они похожи, только от папаши пахнет получше.

— И что он тебе ответил?

Тормунд Громовой Кулак расплылся в щербатой улыбке.

— Спросил, не моя ли это дочурка рядом со мной, с таким гладким и розовым личиком. — Тормунд отряхнул снег с плеч и повернул коня. — Он, наверно, еще ни разу не видал безбородых мужчин. Поехали назад. Манс злится, когда меня нет на месте.

Джон последовал за ним к голове колонны. Новый плащ тяжело давил ему на плечи. Плащ был сшит из невымытых овечьих шкур овчиной внутрь — одичалые говорили, что он не пропускает снега, а по ночам хорошо держит тепло. Но Джон и черный свой плащ при себе оставил — тот, свернутый, лежал у него под седлом.

— Это правда, что ты однажды убил великана? — спросил он Тормунда. Призрак молча бежал рядом, оставляя на снегу отпечатки лап.

— Ты сомневаешься, что мне это под силу? Тогда стояла зима, а я был еще мальчишкой, глупым, как все юнцы. Я заехал слишком далеко, лошадь моя пала, а тут еще и вьюга началась. Настоящая, а не легкий снежок вроде этого. Я знал, что она меня прикончит, поэтому нашел спящую великаншу, вспорол ей брюхо и залез туда, внутрь. Там я, конечно, согрелся, зато чуть не задохся от вони. А хуже всего, что весной она проснулась, решила, что я ее новорожденный младенец, и кормила меня грудью целых три месяца, пока я не сбежал. Хар-р! Впрочем, я и до сих пор еще скучаю по вкусу великаньего молока.

— Если она кормила тебя, то выходит, что ты ее не убил.

— Смотри только никому не рассказывай. Тормунд Великанья Смерть звучит куда лучше, чем Тормунд Великанье Дитяtko, и это святая правда.

— А как ты приобрел другие свои имена? — спросил Джон. — Манс называл тебя Трубящим в Рог, Медовым Королем Красных Палат, Медвежьим Мужем, Отцом Тысяч... — Особенно занимал Джона рог, в который будто бы трубил Тормунд, но он не смел спросить об этом прямо. И Джорамун затрубил в Рог Зимы, и поднял из земли великанов. Не из недр ли земных вышли они все вместе со своими мамонтами? Быть может, Манс нашел Рог Джорамуна и отдал его Тормунду?

— У вас все вороны такие любопытные? Ладно, сейчас расскажу. Была другая зима, еще холоднее той, что я провел в брюхе у великанши. Снег валил день и ночь, и хлопья были величиной с твою голову, не то что эти вот белые мушки. Деревню нашу совсем засыпало. Я сидел в своих Красных Палатах один-одинешенек, не считая бочонка с медом, и делать мне было нечего, кроме как пить его. И чем больше я пил, тем больше думал об одной бабенке, что жила по соседству, — здоровенной такой и с самыми большими на свете грудями. Нрав у нее был буйный, зато и жаром она дышала, как печка, а чего мужику еще надо в разгаре зимы?

Пил я, пил и все думал о ней, и до того додумался, что терпеть неволю стало. Закутался я с головы до пят, рожу шарфом замотал и подался к ней.

Снег водил меня по кругу, ветер пробирал до костей, но в конце концов я дошел-таки до нее.

Баба, как я уже говорил, была нравная и полезла в драку, когда я ее облапил. Сгреб я ее в охапку, приволок к себе домой, стащил с нее шубу, и она оказалась еще горячее, чем мне запомнилось. Позабавились мы с ней на славу, и я уснул. Просыпаюсь утром — гляжу, снег

перестал и солнце светит, да только мне не до него, потому как на мне места живого нет и половины члена как не бывало, а на полу валяется медвежья шкура. А потом пошли слухи, что в лесу видели лысую медведицу с парой диковинных медвежат. Хар-р! — Тормунд хватил себя по ляжке. — Вот бы найти ее снова — уж больно хороша. Ни одна баба еще не задавала мне такого жару и не рожала таких сильных сыновей.

— А что бы ты стал с ней делать, если б нашел? — улыбнулся Джон. — Ты ж говоришь, она тебе член откусила.

— Только половину — а он у меня и ополовиненный в два раза длиннее, чем у всех остальных. Ну а ты? Правда это, что вам отрезают причиндалы, когда берут вас на Стену?

— Нет, конечно, — оскорбился Джон.

— А я думаю, что да — с чего бы тебе иначе отказывать Игритт? Она бы с тобой драться не стала, так мне сдается. Девушка хочет тебя, это ясно.

Слишком ясно — похоже, об этом уже половина колонны знает. Джон отвернулся, чтобы Тормунд не заметил, как он покраснел. «Я брат Ночного Дозора, — напомнил он себе, — и не должен вести себя, как стыдливая девица».

Он проводил в обществе Игритт почти все свои дни, да и ночи тоже. От Манса не укрылось недоверие, испытываемое Гремучей Рубашкой к «перелетной вороне», и король, дав Джону новый овчинный плащ, предложил ему перейти в отряд Тормунда. Джон охотно согласился, а на другой же день Игритт и Рик Длинное Копье тоже ушли от Гремучей Рубашки к Тормунду. «Вольные люди сами выбирают себе атаманов, — заявила девушка, — а нам этот мешок с костями до смерти надоел».

Каждую ночь, когда разбивали лагерь, Игритт расстилала свои спальные шкуры рядом с Джоном независимо от того, близко или далеко от костра он устраивался. Однажды, проснувшись, он увидел, что она прильнула к нему, положив руку ему на грудь. Он долго лежал и слушал, как она дышит, стараясь не поддаваться охватившему его возбуждению. В Дозоре разведчики часто спали вместе для тепла, но он подозревал, что Игритт не одного тепла хочет. После этого случая он стал класть с собой Призрака. Старая Нэн, бывало, рассказывала о рыцарях и дамах, которые спали в одной постели, положив между собой меч, но он, должно быть, первый использовал вместо меча лютоволка.

Но Игритт и тут от него не отстала. Позавчерашним днем Джон допустил оплошность, мечтательно упомянув о горячей ванне. «Холодная лучше, — тут же сказала Игритт, — если тебя потом есть кому согреть. Река еще не до конца замерзла — пошли?»

— Заморозить меня хочешь? — засмеялся Джон.

— Холодной водички боишься, ворона? Ничего тебе не будет — я сама с тобой нырну для храбрости.

— А потом мы весь день будем ехать во всем мокром, чтобы одежда к телу примерзла?

— Ничего ты не понимаешь, Джон Сноу. Кто ж в одежде купается?

— Я купаться вообще не собираюсь, — твердо заявил он и сделал вид, что слышит, как Тормунд его зовет.

Одичалые, по-видимому, считали Игритт писаной красавицей из-за ее рыжих волос, редких среди вольного народа — о рыжих здесь говорили, что их поцеловал огонь, и верили, что им сопутствует счастье. Может, оно и так, только у Игритт на голове такой колтун — похоже, в последний раз она причесывалась еще в прошлую зиму.

При дворе какого-нибудь лорда на нее никто и смотреть бы не стал. Лицо у нее по-крестьянски круглое, нос вздернутый, зубы кривоваты, глаза слишком широко поставлены.

Джон все это заметил с первого раза, когда приставил кинжал ей к горлу, но потом стал замечать и другое. Когда она улыбается, кривизна ее зубов как-то сглаживается, а глаза у нее красивого серо-голубого цвета и очень выразительны. Иногда она поет, и ее низкий, с хрипотцой, голос волнует его. А иногда она просто сидит у костра, обняв колени, и с улыбкой смотрит на него, а огонь порождает эхо в ее рыжих волосах, и это волнует его еще больше.

Но он брат Ночного Дозора и поклялся не брать себе жены, не владеть землей и не быть отцом. Он произнес эти слова перед чардревом, перед ликами богов своего отца. Он не может взять их назад... как не может объяснить причину своего отказа Тормунду, Медвежьему Отцу.

— Она тебе не нравится, что ли? — спросил Тормунд. Они миновали еще двадцать мамонтов, несших на себе вместо великанов высокие деревянные башенки.

— Не в этом дело... — (Что бы ему такое сказать?) — Просто я еще молод для женитьбы.

— Кто тебе говорит о женитьбе? — засмеялся Тормунд. — Разве у вас на юге женятся на всех девушках, с которыми спят?

Джон почувствовал, что снова краснеет.

— Она заступилась за меня, когда Гремучая Рубашка хотел меня убить. Я не стану ее бесчестить.

— Ты теперь вольный человек, а Игритт вольная женщина. Какое бесчестье в том, что вы будете спать вместе?

— У нее может родиться ребенок.

— Надеюсь, что так. Крепкий парнишка или озорница-девчушка, отмеченные поцелуем огня, — что в этом плохого?

Джон не сразу нашелся с ответом.

— Этот мальчик... этот ребенок был бы бастардом.

— А разве бастарды рождаются слабее других детей? Что они, не жильцы на этом свете?

— Нет, но...

— Ты сам родился бастардом. А если Игритт не захочет ребенка, она пойдет к какой-нибудь лесной ведьме и выпьет чашу лунного чая — это уж будет ее дело, не твое.

— Не стану я плодить бастардов.

Тормунд покачал косматой головой.

— Экие же вы дурни, поклонщики. Зачем же ты украл эту девушку, если не хочешь ее?

— Украл? Я?

— Ты, ты. Ты убил двух мужиков, которые с ней были, и утащил ее — как же это еще назвать?

— Я взял ее в плен, только и всего.

— Ты заставил ее сдаться тебе.

— Да, но... Тормунд, клянусь тебе, я к ней не прикасался.

— Ты уверен, что тебе ничего не отрезали? — Тормунд повел плечами, как бы не в силах понять подобного сумасбродства. — Ну что ж, теперь ты вольный человек, но если девушка тебе не нужна, то найди себе медведицу. Если мужчина не пользуется своим естеством, оно усыхает — захочешь однажды посикать, а его и нету.

Джон опять-таки не нашел, что ответить. Неудивительно, что в Семи Королевствах

вольный народ почти не считают людьми. Они не знают, что такое закон, честь и даже простое приличие. Они постоянно воруют друг у друга, совокупляются, как животные, предпочитая грех честному браку, и населяют мир незаконнорожденными детьми. Но Джон успел уже привязаться к Тормунду, этому мешку вранья и бахвальства, и к Длинному Копью тоже. А Игритт... нет, об Игритт лучше не думать.

Среди одичалых, кроме Тормунда и Длинного Копья, встречаются и другие — вроде Гремучей Рубашки и Плакальщика, которым перерезать человеку глотку все равно что плюнуть. У них есть Харма Собачья Голова — приземистая бочка со щеками, как глыбы белого мяса, ненавидящая собак и убивающая по одной каждые две недели, чтобы нацепить на свое копьё свежую голову. Есть безухий магнар Стир, которого собственное племя, тенны, считает скорее богом, чем лордом. Есть маленький, как мышка, Варамир Шестишкурый, едущий верхом на свирепом белом медведе, в котором будет тринадцать футов росту, если он встанет на задние лапы; и эту пару повсюду сопровождают трое волков и сумеречный кот. Джон встречался с ним только раз и весь покрылся мурашками — и Призрак тоже ошетинился при виде медведя и длинного черного с белым кота.

Есть тут и такие, которые будут почище Варамира: жители крайних северных границ Зачарованного леса; выходцы из укромных долин Клыкков Мороза; племена со Стылого Берега, которые ездят в санках из моржовой кости, запрягая в них стаи свирепых собак; страшные людоедские кланы, живущие на речном льду, и пещерные люди, раскрашивающие лица в голубой, пурпурный и зеленый цвет. Джон собственными глазами видел, как Рогоногие шагают в колонне босиком, на подошвах, крепких, как вареная кожа. Снарки и грампкины ему пока не попадались, но Тормунд, судя по всему, ест их на ужин.

Половина войска одичалых за всю свою жизнь ни разу даже издали не видела Стену и не слыхала ни слова на общем языке. Но Мансу это не мешает. Он говорит на древнем наречии, а иногда даже поет на нем, перебирая струны лютни и наполняя ночь странной дикой музыкой.

Манс много лет собирал свое огромное разношерстное войско. Он толковал с матерями кланов и магнарами. Завоевывал одну деревню сладкими словами, другую песней, третью мечом. Мирил Харму с Костяным Лордом, Рогоногих с Полуночниками, моржовых людей со Стылого Берега с людоедскими кланами великих ледяных рек. Сир, словно кузнец, машущий молотом, превращал сто кинжалов в одно большое копьё, нацеленное в сердце Семи Королевств. У него нет ни короны, ни скипетра, ни одежд из шелка и бархата, но ясно, что Манс — король не только по имени.

Джон примкнул к одичалым по приказу Куорена Полурукого. «Дели с ними дорогу, еду, сражайся с ними рядом, — сказал ему разведчик в ночь перед своей смертью. — И примечай». Джон примечал, но пока что это не принесло ему особой пользы. Полурукий предполагал, что одичалые искали на голых высотах Клыкков Мороза некое оружие или волшебство, которое позволило бы им проломить Стену... но если они и нашли нечто подобное, открыто этим Джону никто не хвастался, а Манс не делился с ним своими планами. С той первой ночи Джон и видел-то его только издали.

И убью его, если придется, говорил себе Джон, и эта мысль не доставляла ему радости. Убийство не принесет ему чести и будет стоять собственной жизни. Но он не даст одичалым проломить Стену и обрушиться на Винтерфелл и весь Север, на пустоши и курганы, на Белую Гавань и Каменный Берег, а там и на Перешеек. Вот уже восемь тысяч лет мужчины дома Старков живут и умирают ради того, чтобы защищать свой народ от подобных

набегов... и пусть он бастард, в его жилах течет та же кровь. Кроме того, в Винтерфелле до сих пор живут Бран и Рикон, мейстер Лювин, сир Родрик, старая Нэн, Фарлен на псарне, Миккен в кузнице, Гейдж на кухне... все, кого он знал в жизни, все, кого любил, и если Джону придется убить одного человека, даже такого, который вызывает у него восхищение и симпатию, чтобы спасти их от Хармы, Гремучей Рубашки и безухого магнара теннов, то Джон это сделает.

И все же он молил отцовских богов избавить его от этого страшного жребия. Войско движется медленно, обремененное скотом, малыми детьми и скарбом, а снег еще больше затрудняет его продвижение. Но большая часть колонны уже вышла из предгорий и струится по западному берегу Молочной вяло, как мед в холодное зимнее утро, следуя вдоль реки в сердце Зачарованного леса.

А там впереди, как известно Джону, торчит над деревьями Кулак Первых Людей, стан трехсот черных братьев Ночного Дозора, вооруженных, конных и знающих, чего ожидать. Старый Медведь посылал в горы и других разведчиков, кроме Полурукого. Наверняка Джармен Баквел или Торен Смолвуд уже вернулись и доложили, что одичалые двинулись в поход.

Мормонт не побежит, думал Джон. Он слишком стар и слишком далеко зашел, чтобы бежать. Он нанесет удар, как бы враг его ни перевешивал. Скоро Джон услышит звуки боевых рогов и увидит несущихся навстречу всадников в черных плащах, с холодной сталью в руках. Триста человек не могут надеяться, что убьют в сто раз больше врагов, но им это и не понадобится. Даже тысячу нет нужды убивать — довольно будет и одного. Только Манс и держит их вместе.

Король за Стеной делает что может, но одичалые страдают безнадежным отсутствием дисциплины, и это делает их уязвимыми. Кое-где в растянувшейся на многие лиги колонне можно найти бойцов не менее сильных, чем в Дозоре, но добрая треть их сосредоточена на противоположных концах: в авангарде Хармы Собачьей Головы и в диком арьергарде с великанами, зубрами и огнеметами. Еще одна треть следует в середине вместе с Мансом, охраняя повозки, сани и собачьи нарты, везущие основную долю провианта — все, что сохранилось от последнего летнего урожая. Остальные, раскиданные по отрядам Гремучей Рубашки, Ярла, Тормунда и Плакальщика, служат дозорными, фуражирами и погонялами — они несутся вдоль колонны, чтобы придать движению хотя бы видимость порядка.

И, что еще важнее, только один одичалый из ста едет верхом. Старый Медведь пройдет сквозь них, как топор сквозь овсянку, и когда это случится, Мансу придется пустить в дело свой средний отряд, чтобы отвести угрозу. Если он падет в бою, который неминуемо за этим последует, Стена спокойно простоят еще лет сто — так рассудил Джон. Если же нет...

Он согнул и разогнул обожженные пальцы на правой руке. Длинный Коготь был приторочен к седлу, и Джон в любой миг мог взяться за его оплетенную кожей рукоять с каменным эфесом в виде волчьей головы.

Когда они несколько часов спустя добрались до своего отряда, снег повалил еще гуще. Призрак по дороге скрылся в лесу, почуяв добычу. Он вернется, когда они остановятся на ночлег, самое позднее к рассвету. Призрак всегда возвращается, как бы далеко ни убежал... и Игритт, видимо, тоже.

— Ну что, поверил теперь, Джон Сноу? — спросила она, увидев его. — Видел великанов верхом на мамонтах?

— Хар-р! — крикнул Тормунд, не дав Джону ответить. — Ворона влюбился! Хочет

жениться на одной из них!

— На великанше? — засмеялся Длинное Копье.

— Нет, на мамонтихе! Хар-р!

Игритт поравнялась с Джоном, который перевел коня на шаг. Она на полфута ниже его, хотя уверяет, что на три года старше, но, сколько бы там ей ни было лет, палец ей в рот не клади. Каменный Змей сразу нарек ее копыеносицей, когда они взяли ее в плен на Воющем перевале. Ее излюбленное оружие — короткий лук из рога и чардрева, но тем не менее она в самом деле копыеносица, воительница. Она немного напоминает Джону его сестренку Арию, хотя Ария гораздо младше ее и, пожалуй, худее. Об Игритт не поймешь, худая она или толстая, столько всего на ней намотано.

— Ты знаешь песню «Последний из великанов»? — спросила Игритт. — Тут нужен голос пониже, чем у меня. — И она запела: — «О-о-о! Я последний из великанов, народ мой исчез навсегда».

— «Когда-то мы правили миром, но те миновали года», — загремел, вторя ей, Тормунд.

— «На смену великим и сильным ничтожный пришел человек», — присоединился к ним Рик Длинное Копье.

— «Он занял леса и долины и выловил рыбу из рек», — гудели великанскими голосами Игритт и Тормунд.

Песню подхватили сыновья Тормунда Торегг и Дормунд, дочь Мунда и все остальные. Копья застучали о кожаные щиты, отбивая такт, и хор грянул:

В горах моих горны пылают
И молот тяжелый стучит,
А я все брожу, одинокий,
Тоскую и плачу навзрыд.
Затравленный, всеми гонимый,
Я слышу собак за спиной —
Ведь мелкий не станет великим,
Чтоб честно сразиться со мной,
Я последний из великанов,
Услышьте же песню мою:
Умрет она вместе со мною
В украденном вами краю.

Игритт допела песню со слезами на щеках.

— О чем ты плачешь? — спросил Джон. — Ведь это только песня. Великанов сотни — я сам видел.

— Сотни, сотни, — огрызнулась она. — Ничего ты не понимаешь, Джон Сноу. Ты... ДЖОН!

Шум крыльев внезапно послышался над самой его головой. Джон обернулся и увидел перед собой голубовато-серые перья. Острые когти вонзились в лицо, и мир наполнился красной болью. Клюв навис над Джоном, не оставляя времени выхватить оружие. Отшатнувшись назад, Джон упустил стремя, конь в панике метнулся вбок, и он почувствовал, что падает. Орел продолжал терзать его когтями, крича и хлопая крыльями. Мир

перевернулся вверх ногами в хаосе перьев, лошадиной шерсти и крови, и земля рванулась навстречу.

Опомнившись, он сообразил, что лежит ничком со ртом, полным грязи и крови, а Игритт стоит на коленях с костяным кинжалом в руке, прикрывая его собой. Крылья еще шумели, но орел уже скрылся из виду. Мир стал наполовину черным.

— Глаз, — в испуге сказал Джон, потянувшись рукой к лицу.

— Это только кровь, Джон Сноу. Глаз цел, он только кожу с тебя содрал.

Лицо горело. Джон, протирая от крови левый глаз, видел правым орущего Тормунда. Потом застучали копыта, закричали чьи-то голоса и заклацали старые сухие кости.

— Эй ты, Костяной Мешок, — рявкнул Тормунд, — отзови свою паскудную птицу!

— Паскудная птица — это твоя ворона! — крикнул в ответ Гремучая Рубашка. — Валяется весь изодранный, точно паршивый пес! — Орел уселся на пробитый череп великана, служивший Костяному Лорду шлемом. — Я приехал за ним.

— Ну так бери его, — сказал Тормунд, — только сначала достань меч, потому что я достану свой. На этот раз я сам выварю в котле твои кости, а череп возьму вместо ночного горшка. Хар-р!

— Когда я проткну тебе брюхо и выпущу воздух, ты станешь меньше этой вот девчонки. Отойди, не то я скажу Мансу.

— Так это Манс его требует? — встав, спросила Игритт.

— А я что толкую? Пускай поднимается на свои черные ноги.

— Ступай тогда, раз Манс зовет, — нахмурился Тормунд.

Игритт помогла Джону встать.

— Из него кровь хлещет, как из резаной свиньи. Поглядите, что с ним сделал Орелл.

Способна ли птица так ненавидеть? Джон убил одичалого по имени Орелл, но часть души убитого перешла в орла. Золотые глаза смотрели на Джона с холодной злобой.

— Иду, — сказал Джон. Кровь продолжала течь, заливая глаз, и щека горела огнем. Джон потрогал лицо, и его черная перчатка стала красной. — Только коня поймаю. — Призрак был нужен ему больше, чем конь, но волк еще не вернулся. Может быть, он теперь за много лиг отсюда и гложет убитого им лося. Пожалуй, оно и к лучшему.

Когда Джон подошел, конек шарахнулся от него, испугавшись крови, но Джон успокоил его тихими словами и поймал за узду. Сев в седло, он справился с приступом головокружения. Надо бы перевязать рану, но это потом. Пусть Король за Стеной посмотрит, что со мной сделал его орел. Размяв пальцы правой руки, Джон повесил Длинный Коготь за спину и подъехал к Костяному Лорду. Игритт со свирепым видом ждала, сидя на своем коне.

— Я тоже поеду.

— Убирайся. — Костяной Лорд громыхнул своим панцирем. — Меня послали за вороной, тебе там делать нечего.

— Я вольная женщина и еду, куда хочу.

Ветер швырнул снег в глаза Джону, и он почувствовал, как кровь замерзает на лице.

— Ну что, болтать будем или поедем?

— Едем, — сказал Костяной Лорд.

Они проскакали около двух миль вдоль колонны, сквозь летящий снег, проехали через скопище обозных кибиток и перебрались через Молочную в месте, где она закладывала большую излучину к востоку. Лошади проламывали копытами тонкий лед на мелководье. У восточного берега река была глубже, метель еще сильнее, и даже ветер казался более

холодным. Над лесом уже сгушалась ночь.

Но даже в метель белый холм, возвышающийся над деревьями, нельзя было спутать ни с чем. Кулак Первых Людей. Сверху донесся крик орла. Ворон каркнул с гвардейской сосны, увидев всадников. Что со Старым Медведем? Атаковал он или нет? Вместо лязга стали и гула летящих стрел Джон слышал только хруст подмерзшего наста под копытами коней.

Они молча проехали вокруг холма к южному склону, где подъем был легче. Там, у подножия, Джон увидел наполовину заметенный снегом труп лошади. Внутренности вывалились из ее живота, как мерзлые змеи, одной ноги не доставало. Волки, первым делом подумал Джон, но тут же понял, что ошибается. Волки съедают добычу целиком.

На склоне валялись другие мертвые лошади с вывернутыми ногами и выпученными в смертном ужасе глазами. Одичалые, кишачие вокруг, как мухи, снимали седла, уздечки, котомки, броню и разделявали туши каменными топорами.

— Наверх, — скомандовал Гремучая Рубашка. — Манс там.

У кольцевой стены они спешили и прошли через узкий пролом. На колья, которые Старый Медведь поставил у каждого входа, был насажен мохнатый бурый конек. Он пытался убежать, а не войти внутрь, понял Джон. Всадника нигде не было видно.

Внутри дело обстояло еще хуже... Джон никогда еще не видел, чтобы снег был розовым. Ветер свирепствовал, колебля его тяжелый овчинный плащ. Вороны перелетали с одной мертвой лошади на другую. Дикие птицы или вороны Дозора? Где-то теперь бедняга Сэм и что с ним случилось?

Под ногами хрустела замерзшая кровь. Одичалые сняли с лошадей всю сталь и кожу, даже подковы содрали. Несколько человек обшаривали поклажу, ища съестное или оружие. Труп одной из собак Четта лежал в густой луже стынущей крови.

В дальнем конце лагеря еще стояли палатки — там они и нашли Манса. Под рваным, зашитым красным шелком плащом на нем была черная кольчуга и мохнатые меховые штаны, на голове шлем из бронзы и железа с крыльями ворона на висках. Его окружали Ярл, Харма, Стир и Варамир Шестишкурый с волками и сумеречным котом.

Манс встретил Джона мрачным и холодным взглядом.

— Что у тебя с лицом?

— Орелл хотел выклевать ему глаз, — сказала Игритт.

— Я его спрашиваю, а не тебя. Он что, язык проглотил? Может, оно и к лучшему — меньше наврет.

Магнар Стир вытащил длинный нож.

— Авось одним глазом он будет видеть яснее, чем двумя.

— Хочешь сохранить глаз, Джон? — спросил Король за Стеной. — Тогда расскажи, сколько их было. И на этот раз постарайся говорить правду, бастард из Винтерфелла.

У Джона пересохло в горле.

— Милорд, что здесь слу...

— Я не твой лорд, а что здесь случилось, ясно и так. Твои братья мертвы. Вопрос в том, сколько их было.

Снег хлестал в изодранное лицо Джона, мешая думать. «Ты не должен колебаться, что бы от тебя ни потребовали», — сказал ему Куорен. Слова застревали в горле, но Джон заставил себя выговорить:

— Нас было триста человек.

— Нас? — резко повторил Манс.

— Их. — Ты не должен колебаться, сказал Куорен, — отчего же ему так скверно? — Двести человек из Черного Замка и сотня из Сумеречной Башни.

— Эта песня правдивее той, которую ты пел в моем шатре. Сколько лошадей мы нашли? — спросил Манс, обращаясь к Харме.

— Больше сотни, но меньше двухсот, — ответила она. — На восточной стороне под снегом есть еще — не знаю, сколько. — Позади Хармы стоял ее знаменосец с собачьей головой на шесте, совсем свежей — из нее еще капала кровь.

— Ты не должен был лгать мне, Джон Сноу, — сказал Манс.

— Да... знаю. — Что еще он мог сказать?

Король одичалых смотрел ему прямо в глаза.

— Кто здесь командовал? Говори правду. Риккер? Смолвуд? Уж точно не Уитерс, этот слишком немощен. Чья это палатка?

Джон чувствовал, что и так уже сказал слишком много.

— Значит, вы не нашли его тела?

Харма презрительно фыркнула, пустив пар из ноздрей.

— Ох и дураки же эти черные вороны.

— Если ты еще раз ответишь мне на вопрос вопросом, я отдам тебя моему Костяному Лорду, — пообещал Манс и подступил к Джону вплотную. — Кто ими командовал?

«Вот сейчас, — подумал Джон, переместив руку поближе к рукояти Длинного Когтя. — Если я промолчу...»

— Если ты схватишься за свой бастардный меч^[3], я снесу твою бастардову голову, — предупредил Манс. — Мое терпение на исходе, ворона.

— Скажи, — вмешалась Игритт. — Кто бы он ни был, он все равно мертв.

Джон нахмурился, заставив лопнуть корку подсохшей крови на щеке. Как это, оказывается, тяжело. Можно ли изображать предателя, не став им на деле? Куорен об этом ничего не сказал, но второй шаг всегда легче первого.

— Старый Медведь.

— Сам старик? — недоверчиво молвила Харма. — Кто же остался командовать в Черном Замке?

— Боуэн Мурш. — На этот раз Джон не стал тянуть с ответом. «Ты не должен колебаться, чего бы от тебя ни потребовали».

— Если так, то война нами выиграна, — засмеялся Манс. — Боуэн лучше умеет считать мечи, чем пользоваться ими.

— Здесь командовал Старый Медведь, — снова заговорил Джон. — Это хорошее, сильное место, а он укрепил его еще больше. Вырыл ямы, поставил колья, сделал запасы воды и пищи. Он готовился...

— ...Встретить меня? — закончил за него Манс. — Ну что ж, приготовился он на славу. Если б у меня хватило глупости полезть на этот холм, я потерял бы пять человек на каждую убитую ворону и еще считал бы, что мне повезло. — Он плотно стиснул губы. — Но когда мертвые встают, от стен, кольев и мечей нет никакой пользы. С мертвыми сражаться нельзя, Джон Сноу — я это знаю лучше, чем кто бы то ни было. — Манс взглянул на потемневшее небо. — Вороны сами не знают, как здорово нам помогли. А я-то думал, почему же нас никто не атакует. Однако нам надо пройти еще сотню лиг, а холод крепчает. Варамир, пусть твои волки поищут, нет ли поблизости упырей. Я не хочу, чтобы они застали нас врасплох. Костяной Лорд, удвой караулы и позаботься, чтобы у каждого были факел и огниво. Стир,

Ярл, вы отправитесь в путь на рассвете.

— Манс, — сказал Гремучая Рубашка, — отдай мне вороны кости.

Игритт выступила вперед, загородив Джона.

— Нет. Нельзя убивать человека за то, что он солгал, пытаясь защитить своих братьев.

— То-то и есть, что они ему до сих пор братья, — ответил Сир.

— Нет, — упорствовала Игритт. — Он не убил меня, как они ему велели. А вот Полурукого убил, мы все видели.

Дыхание вырывалось паром изо рта Джона. «Если я солгу, он узнает». Глядя Мансу в глаза, он сжал и разжал обожженные пальцы.

— Я ношу плащ, который дали мне вы, ваше величество.

— Овчинный! — подхватила Игритт. — И мы провели под ним много ночей!

Ярл засмеялся, и даже Харма ухмыльнулась.

— Правда это, Джон Сноу? — мягко спросил Манс. — Насчет ее и тебя?

За Стеной легко заблудиться. Джон не знал больше, где честь, а где позор, что хорошо и что дурно. «Да простит меня Отец», — подумал он и сказал:

— Да.

— Хорошо, — кивнул Манс. — Поедешь утром вместе с Ярлом и Стиром. И она тоже. Не в моих обычаях разлучать два сердца, которые бьются, как одно.

— Куда мы должны ехать? — спросил Джон.

— За Стену. Пришло время доказать свою верность не только на словах, Джон Сноу.

— На что мне ворона? — недовольно возразил Сир.

— Он знает Дозор, Стену и Черный Замок лучше любого нашего разведчика. Если ты не совсем дурак, он тебе пригодится.

— А если окажется, что его сердце осталось черным?

— Тогда ты его вырежешь. Костяной Лорд, колонна должна двигаться во что бы то ни стало. Если мы доберемся до Стены раньше Мормонта, победа будет за нами.

— Будет двигаться, — сердито проворчал Гремучая Рубашка.

Манс кивнул и зашагал прочь вместе с Хармой и Шестишкурый. Волки и сумеречный кот Варамира последовали за ними. Игритт и Джон остались с Ярлом, Гремучей Рубашкой и магнарм. Двое последних смотрели на Джона, не скрывая злобы, Ярл же сказал:

— Слыхали? Мы выезжаем на рассвете. Соберите съестного, сколько сможете, охотиться у нас времени не будет. И сделай что-нибудь со своей ободранной рожей, ворона.

— Ладно, — сказал Джон.

— Ты не врала бы, девушка, — сказал Гремучая Рубашка Игритт, поблескивая глазами сквозь глазницу великаньего черепа.

Джон вынул из ножен Длинный Коготь.

— Уйди прочь, не то получишь то же, что и Куорен.

— Тут нет твоего волка, чтобы помочь тебе, парень. — Гремучая Рубашка тоже взялся за меч.

— Ты уверен? — засмеялась Игритт.

На кольцевой стене, ошетилив свой белый мех, сидел Призрак. Он, как всегда, молчал, но его темно-красные глаза сулили кровь. Костяной Лорд убрал руку от меча и с проклятием отошел.

Призрак бежал рядом с лошадьми, когда Игритт и Джон спускались с Кулака. На середине Молочной Джон наконец счел безопасным сказать:

— Я не просил тебя лгать ради меня.

— А я и не лгала — просто умолчала кое о чем.

— Ты сказала...

— ...что мы с тобой провели много ночей под твоим плащом, но не сказала, когда это началось. — И она улыбнулась ему — почти застенчиво. — Пусть Призрак поспит сегодня где-нибудь в другом месте, Джон Сноу. Дела, как говорит Манс, правдивее слов.

— Новое платье? — Настороженность Сансы не уступала изумлению.

— Такого у вас еще не было, миледи, — заверила портниха, смерив ей бедра узловатой бечевкой. — Шелк и мирийское кружево, на атласной подкладке. Красавицей будете. Королева лично распорядилась.

— Которая? — Маргери еще не стала королевой Джоффа, но она была королевой Ренли. Или женщина имеет в виду Королеву Шипов? Или...

— Королева-регентша, конечно.

— Королева Серсея?!

— Она самая. Она уже много лет оказывает мне честь, заказывая у меня платья. — Женщина приложила бечевку к внутренней стороне ноги Сансы. — Ее величество сказали, что вы теперь взрослая и должны одеваться, как взрослая девушка. Вытяните, пожалуйста, руку.

Санса вытянула. Новое платье ей будет очень кстати, это правда. За последний год она подросла на целых три дюйма и притом испортила дымом почти весь свой гардероб, пытаясь сжечь свой тюфяк в день своей первой крови.

— Грудь у вас обещает быть такой же красивой, как у королевы, — сказала портниха, измеряя ее объем. — Вы напрасно ее прячете.

Эти слова вогнали Сансу в краску. Последний раз, собираясь кататься верхом, она не смогла зашнуровать камзол до конца, и конюх пялил на нее глаза, помогая ей сесть в седло. Она стала замечать, что и взрослые мужчины смотрят на ее грудь, и некоторые сорочки стали ей так тесны, что она едва могла в них дышать.

— А какого оно будет цвета? — спросила она.

— Это вы предоставьте мне, миледи. Останетесь довольны, ручаюсь. Кроме платья, у вас будет еще и белье, и чулки, и накидки, и плащи — все, что подобает молодой леди из благородного дома.

— Поспее ли все это к королевской свадьбе?

— Раньше, намного раньше. Ее величество так распорядилась. У меня шесть швей и двенадцать учениц, и мы отложили всю другую работу ради этой. Многие леди будут на нас в обиде, но такова воля королевы.

— Поблагодарите ее величество за проявленную ею заботу. Она слишком добра ко мне.

— Ее величество — само великодушие, — согласилась портниха, собрала свои вещи и ушла.

С чего это вдруг? — подумала встревоженная Санса, оставшись одна. Скорее всего к этому приложила руку Маргери или ее бабушка.

Присутствие Маргери изменило все. Она относилась к Сансе с величайшей добротой, а вслед за ней и ее дамы. Санса давно уже не бывала в женском обществе и успела позабыть, как это приятно. Леди Леонетта давала ей уроки игры на большой арфе, леди Янна делилась свежими сплетнями, Мерри Крейн рассказывала забавные истории, маленькая леди Бульвер напоминала Сансе Арию, но без ее свирепого нрава.

Ближе всего по возрасту Сансе были кузины Элинон, Элла и Мегга из младших ветвей дома Тиреллов. «Розы с нижних веток куста», — как говорила остроумная, гибкая Элинон. Говорливой толстушкой Меггой и хорошенькой застенчивой Эллой она командовала по праву

старшинства: Элинон уже расцвела, а две другие считались еще детьми.

Эти девочки приняли Сансу в свою компанию, как будто знали ее всю жизнь. Дни они проводили за шитьем, разговорами, лимонными пирожными и медовым вином, вечером играли в плашки, вместе молились в замковой септе. Часто одна или две из них спали вместе с Маргери и шушукались в постели до поздней ночи. Элла, обладавшая хорошим голосом, после долгих уговоров порой играла на маленькой арфе и пела о рыцарских подвигах и несчастной любви, Мегга петь не умела, но обожала целоваться. Она признавалась, что они с Эллой иногда играют в поцелуи, но это совсем не то, что целоваться с мужчиной, не говоря уж о короле. Любопытно, что бы сказала Мегга, если б ей, как Сансе, пришлось поцеловать Пса. Он пришел к Сансе в ночь битвы, разящий вином и кровью. Он поцеловал ее, и грозил ее убить, и заставил ее спеть для него.

— У короля Джоффри такие красивые губы, — знай себе щебетала Мегга. — Бедняжка Санса, твое сердце, должно быть, разбито оттого, что ты его потеряла. Как ты, наверное, плакала!

«Джоффри заставлял меня плакать чаще, чем ты полагаешь», — хотелось ответить Сансе, но Маслобая не было поблизости, чтобы заглушить ее голос, и ей приходилось молчать.

Элинон была помолвлена с молодым оруженосцем, сыном лорда Амброза, и они собирались пожениться, как только он получит шпоры. Он имел на себе знак ее отличия в битве при Черноводной, где убил мирийского арбалетчика и латника Маллендоров.

— Алин говорит, что ее лента сделала его бесстрашным, — рассказывала Мегга. — Он выкликал ее имя в бою — как это галантно! Я тоже хочу повязать свою ленту какому-нибудь воину, чтобы он убил сто человек. — Элинон велела Мегге замолчать, но видно было, что ей это приятно.

Какие они еще дети, думала Санса. Глупые маленькие девочки — все, даже Элинон. Они ни разу не видели боя, не знают, как умирают люди, не знают ничего. Головы у них набиты песнями и сказками — она была такой же до того, как Джоффри отрубил голову ее отцу. Санса жалела их и завидовала им.

А вот Маргери другая. Она мила и добра, но и от бабушки в ней тоже кое-что есть. Позавчера она взяла Сансу на соколиную охоту, и Санса впервые после битвы выехала за пределы города. Убитых уже похоронили или сожгли, но таран лорда Станниса разнес в щепки Грязные ворота, и вдоль обоих берегов Черноводной громоздились разбитые корабли; их сгоревшие мачты торчали вверх, как гигантские черные пальцы. По реке ходил только плоскодонный паром, перевезший их на тот берег, а Королевский лес превратился в пустыню из пепла, головешек и мертвых деревьев. Но болота близ залива по-прежнему изобиловали водяной птицей, и крик Сансы сбил трех уток, а сокол Маргери — цаплю в полете.

— Уиллас держит лучших охотничьих птиц в Семи Королевствах, — сказала Маргери, когда они ненадолго остались вдвоем. — Иногда он даже орла выпускает. — Маргери взяла руку Сансы и пожала ее. — Скоро сама увидишь, сестричка.

Сестричка... Раньше Санса мечтала о такой сестре, как Маргери, — красивой, благовоспитанной и очаровательной. Арья ее в качестве сестры совершенно не удовлетворяла. Может ли она допустить, чтобы ее сестра вышла замуж за Джоффри? Глаза Сансы наполнились слезами, и она через силу проговорила:

— Маргери, прошу тебя... не выходи за него. Он не такой, каким кажется с виду. Он будет тебя обижать.

— Не думаю, — спокойно улыбнулась Маргери. — Ты поступаешь храбро, предупреждая меня, но тебе не нужно бояться. Джофф избалован, тщеславен, и я не сомневаюсь в твоих словах о его жестокости, но отец заставил его взять в Королевскую Гвардию Лораса еще до того, как согласился на этот брак. Меня днем и ночью будет охранять лучший рыцарь Семи Королевств, как принц Эймон охранял Нейерис, и нашему львенку поневоле придется вести себя как следует! — Маргери засмеялась и предложила: — Давай поскачем обратно к реке наперегонки, сестричка. Пусть наша стража позлится! — И она, не дожидаясь ответа, ударила каблуками своего коня.

Какая она храбрая, подумала Санса, скача за ней следом, но сомневаться все же не перестала. Сир Лорас, конечно, великий рыцарь, но у Джоффри есть и другие королевские гвардейцы, и золотые плащи, и красные плащи, а когда он подрастет, то будет командовать целыми армиями. Эйгон Недостойный ни разу пальцем не тронул Нейерис, опасаясь, вероятно, их брата, Рыцаря-Дракона, но когда другой королевский гвардеец влюбился в одну из фавориток Эйгона, король отрубил головы им обоим.

Но сир Лорас — Тирелл, напоминала себе Санса, а тот рыцарь был всего лишь Тойн. У его братьев не было армии, и они могли мстить только собственными мечами. Но чем больше Санса думала об этом, тем больше ее одолевали сомнения. Положим, Джофф и будет сдерживаться с год или больше, но рано или поздно он покажет свои когти, и тогда... В стране может появиться новый Цареубийца, война на этот раз вспыхнет внутри городских стен, и кровь сторонников льва и сторонников розы побежит по сточным канавам.

Сансу удивляло, как сама Маргери этого не понимает. Впрочем, она старше и должна быть умнее, а лорд Тирелл, ее отец, конечно же, знает, что делает. «Я просто глупа», — решила Санса.

Она рассказала сиру Донтосу, что собирается замуж за Уилласа Тирелла, и думала, что он порадует за нее, но он схватил ее за руку и вскричал во власти хмеля и ужаса:

— Не делайте этого! Тиреллы — те же Ланнистеры, только убранные цветами. Молю вас, забудьте об этой безумной затее, поцелуйте своего Флориана и обещайте, что поступите согласно нашему плану. До свадьбы Джоффри осталось недолго — вы наденете свою серебряную сетку для волос, и мы убежим.

Он попытался чмокнуть ее в щеку, но Санса освободилась и сказала:

— Нет, я не могу. Вдруг у нас ничего не получится? Когда я хотела бежать, вы не соглашались, а теперь мне это больше не нужно.

Донтос уставился на нее с глупым видом.

— Но ведь все уже готово, дорогая. Корабль, чтобы отвезти вас домой, и лодка, чтобы доставить вас на корабль. Ван Флориан все подготовил для своей милой Джонквиль.

— Мне жаль, что я доставила вам столько хлопот, но ни корабли, ни лодки не нужны мне больше.

— Но ведь побег задуман ради вашей безопасности.

— В Хайгардене мне ничего не будет грозить. Уиллас обо мне позаботится.

— Он вас не знает и не будет любить вас. Джонквиль, Джонквиль, раскройте свои ясные глазки: Тиреллам нужны не вы, а то, что вы можете унаследовать.

— Унаследовать? — растерялась Санса.

— Дорогая, вы теперь наследница Винтерфелла. — Он снова схватил ее и стал умолять отказаться от мысли о замужестве, но Санса вырвалась и ушла, а он остался, пошатываясь, стоять под сердце-деревом. С тех пор она в богороще не бывала.

Однако его слов она забыть не могла. «Наследница Винтерфелла, — думала она в часы бессонницы. — Вот что им нужно, а не я». У Сансы было трое братьев, и ей не приходило в голову, что наследницей может стать она, но теперь, после смерти Брана и Рикона... Все равно, ведь есть Робб, и он теперь взрослый мужчина — скоро он женится, и у него родится сын. Притом Уиллас Тирелл наследует Хайгарден — зачем ему Винтерфелл?

Иногда она шептала его имя в подушку, просто чтобы послушать, как оно звучит. Уиллас, Уиллас, Уиллас. Почти так же красиво, как Лорас, и даже немного похоже. Что ей за дело до его ноги? Он будет лордом Хайгардена, а она — его леди.

Она воображала, как они сидят вдвоем в саду со щенятами на коленях или плавают по Мандеру, слушая пение под звуки лютни. Если я подарю ему сыновей, он, быть может, полюбит меня. Она назовет их Эддардом, Брандоном и Риконом и воспитает такими же отважными, как сир Лорас. И научит ненавидеть Ланнистеров. В мечтах Сансы ее дети походили на братьев, которых она потеряла. Иногда ей виделась даже девочка, похожая на Арию.

Но образ Уилласа недолго держался у нее в голове — ее воображение неизменно возвращалось к сире Лорасу, юному и прекрасному. «Ты не должна так думать о нем, — говорила она себе. — Уиллас может заметить разочарование в твоих глазах — как же он тогда женится на тебе, зная, что ты любишь его брата?» Она напоминала себе, что Уиллас вдвое старше ее, притом он хромым и, может быть, такой же толстый и краснолицый, как его отец. Но хорош он или дурен, другого заступника у нее не будет.

Однажды ей приснилось, что за Джоффа вышла все-таки она, а не Маргери, и что в свадебную ночь он превратился в палача Илина Пейна. Она проснулась, вся дрожа. Она не хотела, чтобы Маргери страдала так, как она, но боялась, что Тиреллы могут отказаться от свадьбы. «Я предупредила ее. Я рассказала ей правду. Но ведь Маргери могла и не поверить. С ней Джофф всегда изображает себя безупречным рыцарем, как раньше с Сансой. Впрочем, скоро ей откроется его истинная натура — сразу после свадьбы, если не раньше». Санса решила поставить свечу Матери в следующий раз, как пойдет в септу, и попросить ее оградить Маргери от Джоффри. И Воину тоже — за Лораса.

На церемонию в Великой Септе Бейелора она наденет свое новое платье. Должно быть, Серсея потому и заказала его, чтобы Санса на свадьбе не казалась замарашкой. Надо бы сшить еще одно, для свадебного пира, но туда можно надеть и что-нибудь старое. Новое, чего доброго, можно испачкать едой или вином. Она возьмет его с собой в Хайгарден, чтобы Уиллас Тирелл нашел ее красивой. Даже если Донтос прав и ему нужен Винтерфелл, а не Санса, он все-таки может полюбить ее ради ее самой. Санса крепко обхватила себя руками. Когда же платье будет готово? Скорее бы.

Дожди прошли, но небо чаще было серым, чем голубым, и ручьи сильно раздулись. Утром третьего дня Арья заметила, что мох растет не на той стороне деревьев.

— Мы не туда едем, — сказала она Джендри, проезжая мимо особенно мшистого вяза. — Мы едем на юг. Видишь, как мох растет на стволе?

Он откинул с глаз свои густые черные волосы.

— Мы едем по дороге — стало быть, она здесь сворачивает к югу.

Мы весь день едем на юг, хотела сказать она. И вчера, когда мы ехали вдоль ручья, было то же самое. Правда, вчера она не уделяла этому такого внимания и потому не могла быть уверена.

— По-моему, мы заблудились, — сказала она вполголоса. — Не надо было сворачивать в сторону от реки. Ехали бы по берегу, и все тут.

— Река все время извивается, а так, думаю, короче, — сказал Джендри. — Может, это тайная разбойничья дорога. Лим, Том и прочие здесь уже долго живут, им и знать.

Да, это верно. Арья прикусила губу.

— Но мох...

— От таких дождей он и у нас на ушах скоро вырастет.

— Только если они на юг смотрят, — стояла на своем Арья. Ну, да Быку разве что втолкуешь. Все равно он ее единственный настоящий друг теперь, когда Пирожок их бросил.

«Шарна говорит, чтобы я остался и пек ей хлеб, — сказал он Арье в день отъезда. — Да мне и самому надоели дожди и седельные болячки, и бояться тоже надоело. Тут есть эль и крольчатина, а хлеб станет лучше, когда им буду заниматься я. Сама увидишь, когда вернешься. Ты ведь вернешься, правда? Когда война кончится? — Тут он вспомнил, кто она, покраснел и добавил: — Миледи».

Арья не знала, кончится ли война когда-нибудь, но кивнула.

— Ты извини, что я тогда побила тебя, — сказала она. Пирожок, конечно, глуп и трусоват, но он проделал с ней весь путь от Королевской Гавани, и она к нему привыкла. — И нос тебе сломала.

— Лиму ты его тоже сломала, — ухмыльнулся Пирожок. — Здорово это ты.

— Лим так не думает, — мрачно сказала Арья, и тут настало время уезжать. Пирожок спросил, может ли он поцеловать миледи руку, и Арья двинула его кулаком в плечо. — Не называй меня так. Ты Пирожок, а я Арри.

— Тут я больше не Пирожок. Шарна меня зовет просто Мальчик, как и того, другого. Как бы путаницы не вышло.

Арья скучала по нему больше, чем ожидала, только Харвин немного ее утешал. Она рассказала ему про его отца, Халлена, о том, как нашла его умирающим у конюшен Красного Замка в день своего побега.

— Он всегда говорил, что умрет на конюшне, — сказал Харвин, — только мы думали, что его убьет какой-нибудь злонравный жеребец, а не стая львов. — Арья рассказала ему также о Йорене и их отъезде из Королевской Гавани, и почти обо всем, что случилось потом — умолчала только о конюшонке, которого заколола Иглой, и о стражнике, которому перерезала горло в Харренхолле. Сказать об этом Харвину было почти все равно что сказать отцу, а она не вынесла бы, если б отец узнал о ней кое-какие вещи.

Арья умолчала также о Якене Хгаре и о трех смертях, которые он задолжал и выплатил ей. Железную монетку, подаренную им, она прятала в поясе и вынимала только по ночам, вспоминая, как изменилось его лицо, когда он провел по нему рукой. «Валор моргулис, — шептала она при этом. — Сир Григор, Дансен, Полливер, Рафф-Красавчик, Щекотун и Пес. Сир Илин, сир Меррин, королева Серсея, король Джоффри».

Харвин сказал, что из двадцати винтерфеллцев, которых ее отец послал с Бериком Дондаррионом, осталось только шестеро, да и те разобщены.

— Это была ловушка, миледи. Лорд Тайвин послал своего Гору через Красный Зубец с огнем и мечом, чтобы заманить туда вашего лорда-отца. Он полагал, что лорд Эддард сам отправится на запад, чтобы разделаться с Григором Клиганом. Если бы так и вышло, его убили бы или взяли бы в плен и обменяли на Беса, который в ту пору был в плену у вашей леди-матери. Но Цареубийца ничего не знал о планах лорда Тайвина, и когда он услышал, что его брат попал в плен, он напал на вашего отца прямо на улицах Королевской Гавани.

— Я помню, — сказала Арья. — Он убил Джоффри. — Джоффри всегда улыбался ей, если только не велел не путаться под ногами.

— Верно, а вашего отца придавил собственный конь и сломал ему ногу — поэтому лорд Эддард не смог выехать на запад сам. Вместо себя он послал лорда Берика с двадцатью его людьми и двадцать человек из Винтерфелла, в том числе и меня. С нами были и другие: Торос и сир Реймен Дарри, сир Глэдден Уайлд и лорд Лотар Маллери, все со своими людьми. Но Григор устроил нам засаду у Скоморошьего брода, на обоих берегах. Когда мы стали переправляться, он напал на нас и спереди, и сзади.

Я видел, как Гора убил Реймена Дарри единственным страшным ударом, который отсек рыцарю руку по локоть и убил коня под ним. Глэдден Уайлд погиб тоже, лорд Маллери свалился с коня и утонул. Львы окружили нас со всех сторон, и я уж думал, что и мне пришел конец, но Элин, выкрикнув приказ, восстановил порядок в наших рядах. Те из нас, кто еще оставался в седле, собрались вокруг Тороса и пробились на свободу. Утром нас было сто двадцать человек, а к вечеру осталось не более сорока, и лорд Берик получил тяжелую рану. В ту ночь Торос вытащил из его груди кусок копья длиной в фут и залил дыру кипящим вином.

Каждый из нас был уверен, что его милость к рассвету умрет, но Торос всю ночь молился о нем у костра, и когда настал рассвет, лорд был еще жив и ему даже полегчало немного. Прошло две недели, прежде чем он смог сесть на коня, но его мужество придавало сил нам всем. Он сказал, что наша война не закончилась у Скоморошьего брода, а лишь началась там, и что каждый наш павший боец будет отомщен десятикратно.

В ту пору мы остались в стороне от военных действий. Люди Гора были только авангардом войска лорда Тайвина. Они перешли через Красный Зубец всей своей силой и двинулись по речным землям, сжигая все на своем пути. Мы своим малым числом только и могли, что нападать на них сзади, но говорили себе, что скоро соединимся с войском короля Роберта, когда он выступит на запад, чтобы подавить мятеж лорда Тайвина. Но затем мы услышали, что Роберт мертв и лорд Эддард тоже, а на Железном Троне сидит отродье Серсеи Ланнистер.

Это известие поставило мир с ног на голову. Нас послал десница короля, чтобы мы разделались с разбойниками, теперь же мы сами сделались разбойниками, а десницей короля стал лорд Тайвин. Некоторые из нас тогда захотели сдаться, но лорд Берик об этом и слышать не хотел. Мы остаемся людьми короля, сказал он, и должны защищать подданных

короля, которых терзают львы. Если уж мы не можем сражаться за Роберта, то будем сражаться за его народ, пока последний из нас не падет мертвым. Мы и сражались, а потом стали твориться странные вещи. На каждого потерянного нами человека прибывало двое. Иногда это были рыцари и оруженосцы, но в основном к нам шел простой люд — батраки, музыканты, трактирщики, слуги, сапожники, даже двое септонов явились. Шли мужчины, женщины, дети, собаки...

— Собаки?

— Ага. Один наш парень держит целую свору, и вы таких плохих тварей еще не видывали.

— Вот бы и мне такую собаку. Чтобы умела охотиться на львов. — Раньше у Арьи была лютоволчица, Нимерия, но Арья прогнала ее, швыряя в нее камнями, — иначе королева убила бы ее. Любопытно, может ли лютоволк убить льва?

Днем снова пошел дождь и лил до самого вечера. К счастью, у разбойников повсюду были тайные друзья, и им не нужно было ночевать под открытым небом или в каком-нибудь протекающем сарае, как Арье с ребятами, когда они путешествовали одни.

Этой ночью они нашли приют в сожженной покинутой деревне. Вернее, она казалась покинутой, пока Джек-Счастливчик не протрубил в свой охотничий рог — два раза коротко и два длинно. Тогда из руин и погребов стали вылезать люди. У них имелся эль, сушеные яблоки и черствый ячменный хлеб, а разбойники привезли гуся, подстреленного по дороге Энги, так что ужин получился на славу.

Арья обгладывала крылышко, когда один из деревенских жителей сказал Лиму:

— Два дня назад тут проезжали какие-то люди — они искали Цареубийцу.

— Пусть поищут его в Риверране, — фыркнул Лим. — В самой глубокой темнице, славной и сырой. — Его красный распухший нос походил на расквашенное яблоко, и настроение оставляло желать лучшего.

— Да нет, он сбежал, — сказал другой местный житель.

Цареубийца... Волосы на затылке у Арьи ошетинились, и она стала слушать, затаив дыхание.

— Неужто правда? — спросил Том-Семерка.

— Нет, я не верю, — сказал одноглазый разбойник в заржавленном шлеме. Другие называли его Джек-Счастливчик, хотя потеря глаза не казалась Арье таким уж счастьем. — Я сам хлебнул этих темниц — как он мог сбежать оттуда?

Деревенские не сумели ему на это ответить, а Зеленая Борода, огладив бороду, сказал:

— Если Цареубийца снова на свободе, волков утопят в крови. Надо сказать Торосу — Владыка Света покажет ему Ланнистера в пламени.

— Тут тоже огонь хорошо горит, — улыбнулся Энги.

Зеленая Борода засмеялся и дернул его за ухо.

— По-твоему, я похож на жреца, лучник? Когда Пелло из Тироша смотрит в огонь, он подпаливает себе бороду, только и всего.

— Думаю, лорд Берик был бы не прочь взять в плен Джейме Ланнистера, — заметил, хрустнув пальцами, Лим.

— Он ведь повесит его, если схватит? — спросила одна из деревенских женщин. — Просто срам вешать такого красавца.

— Сначала будет суд, — сказал Энги. — Лорд Берик всегда устраивает суд, сами знаете, — а уж потом вешает.

Все вокруг засмеялись, а Том, перебирая струны арфы, запел:

Вольные братья жили
Под сенью широких небес.
Замком их и оплотом
Был Королевский лес.
Бойся тех братьев, путник,
Расправа у них коротка:
Не сбережешь ни девицы,
Ни полного кошелька.

Арья, сидя в теплом уголке между Джендри и Харвином, задремала под звуки песни. Ей приснился дом — не Риверран, а Винтерфелл, но сон был нехороший. Она стояла одна за стенами замка по колени в грязи, а когда она делала шаг к воротам, они каждый раз отступали, и замок таял, словно созданный из дыма, а не из гранита. А среди деревьев шмыгали тощие серые волки с горящими глазами, и при каждом взгляде на них ей вспоминался вкус крови.

На следующее утро они съехали с дороги и двинулись напрямик через поля. Ветер швырял под ноги лошадям бурые листья, зато дождя по крайней мере не было. Солнце, выглянувшее из-за тучи, показалось Арье таким ярким, что она надвинула капюшон на глаза — и вдруг резко натянула поводья.

— Мы не в ту сторону едем!

— Опять твой мох, что ли? — простонал Джендри.

— Глянь на солнце. Мы едем на юг! — Арья вытащила из седельной сумки карту. — Не надо нам было поворачивать от Трезубца. Смотрите. — Она развернула карту у себя на ноге. — Вот он, Риверран, между двумя реками.

— Мы знаем, где стоит Риверран, — хорошо знаем, — сказал Джек-Счастливчик.

— И едем мы не туда, — напрямик заявил Лим.

«А ведь я была почти на месте, — подумала Арья. — Надо было отдать им лошадей и пройти остальной путь пешком». Ей вспомнился ее сон, и она прикусила губу.

— Не огорчайся так, дитя, — сказал Том-Семерка. — Ничего худого с тобой не случится, даю тебе слово.

— Слово лгуна!

— Никто тебе не лгал, — возразил Лим. — Мы ничего не обещали. Не наше это дело — решать, как с тобой быть.

Зная, что командует здесь не Лим и не Том, а тирошиец Зеленая Борода, Арья повернулась лицом к нему.

— Отвезите меня в Риверран, и вы получите награду, — в отчаянии пообещала она.

— Малютка, — ответил Зеленая Борода, — если крестьянину случится подстрелить обыкновенную белку, он сдирает с нее шкурку и кладет в свой горшок, но если ему попадется золотая белочка, он везет ее своему лорду — а если он не сделает этого, то пожалеет.

— Я не белка.

— Ошибаешься, — засмеялся тирошиец. — Ты маленькая золотая белочка, которую везут к лорду-молнии, хочется ей того или нет. Он будет знать, как с тобой поступить. Бьюсь

об заклад, он отошлет тебя к твоей леди-матери, как ты хотела сама.

— Скорее всего, — кивнул Том. — Лорд Берик поступит с тобой по справедливости, вот увидишь.

Лорд Берик Дондаррион. Арье вспомнилось все, что она слышала о нем в Харренхолле, как от Ланнистеров, так и от Кровавых Скоморохов. Лорд Берик — болотный огонек. Он убит Варго Хоутом, а до него сиром Амори Лорхом и еще дважды — Скачущей Горой. Если он не отправит меня домой, я его тоже убью.

— Зачем мне надо ехать к лорду Берику? — спросила она.

— Мы доставляем ему всех пленников знатного рода, — ответил Энги.

Пленников... Арья сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Спокойная, как вода. А теперь — быстрая, как змея. Ударив своего коня каблуками, она проскочила между Зеленой Бородой и Джеком-Счастливым. Кобыла Джендри шарахнулась в сторону, и перед Арьей мелькнуло его испуганное лицо. В следующий миг она уже скакала через широкое поле.

Сейчас все равно куда — на север, юг, восток или запад. Дорогу в Риверран она поищет после, когда оторвется от них. Арья пригнулась в седле и пустила коня галопом. Разбойники позади ругались и кричали, приказывая ей вернуться. Она старалась не слушать, но, оглянувшись через плечо, увидела, что четверо скачут за ней: Энги, Харвин и Зеленая Борода впереди, а Лим чуть поотстав, хлопая по ветру желтым плащом.

— Беги, — сказала она своему коню. — Быстро, как олень.

Она мчалась по бурым заросшим полям, через высокую траву и вихрящиеся сухие листья. Слева виднелся лес — там она сможет уйти от погони. С той стороны поле обводила сухая канава, но конь перелетел через нее, не теряя скорости, и поскакал среди вязов, тисов и берез. Арья быстро оглянулась — Энги и Харвин все еще скакали за ней, но Зеленая Борода отстал, а Лима и вовсе не было видно.

— Быстрее, — сказала она коню, — ты можешь, я знаю.

Она пронеслась между двумя вязами, не посмотрев, с какой стороны на них растет мох, перескочила через поваленное дерево и обогнула опасный, заваленный буреломом овраг. Конь взял небольшой подъем и снова спустился, высекая подковами искры из попадающегося внизу кремня. На новом пригорке Арья оглянулась снова. Харвин немного обогнал Энги, но оба неслись во весь опор. Зеленая Борода, как видно, отстал окончательно.

Дорогу преградил ручей, и Арья проскакала по воде, засыпанной палыми листьями, которые липли к ногам коня. На том берегу подлесок был гуще, а внизу столько камней и корней, что скачку пришлось замедлить, но Арья продолжала ехать так быстро, как только осмеливалась. Снова пригорок, покруче прежних. Вверх и снова вниз. Насколько он велик, этот лес? Конь у нее резвее — ведь она увела с харренхоллской конюшни лучших скакунов Русе Болтона, но здесь от его резвости мало проку. Надо бы снова выбраться в поле. Перед ней открылась звериная тропа, узкая и неверная, но все-таки лучше, чем ничего. Арья мчалась по ней, и ветки хлестали ее по лицу. Одна сорвала с головы капюшон, и Арье показалось, что разбойники ее поймали. Из кустов выскочила лисица, напуганная топотом копыт. Тропа привела Арию к другому ручью. Или это тот самый? Вдруг она скачет по кругу? Некогда было задумываться — лошади преследователей уже ломились через лес позади. Тернии царапали ей лицо, как кошки, за которыми она когда-то охотилась в Королевской Гавани. С ольхи вспорхнула стайка ласточек. Но лес уже редел, и внезапно она очутилась на открытом месте. Впереди простиралось сырое поле, заросшее сорняками и дикой пшеницей. Арья снова послала коня в галоп. Беги в Риверран. Беги домой. Отстала погоня или нет? Где

там — вот он, Харвин, в шести ярдах, уже нагоняет. Нет, только не он. Так нечестно. Взмывленные лошади поравнялись, и рука Харвина вырвала у Арьи повод. Арья дышала так же тяжело, как и ее конь, зная, что дело ее проиграно.

— Вы скачете, как настоящий северянин, миледи, — сказал Харвин, замедлив и остановив лошадей. — Совсем как ваша тетушка, леди Лианна. Но не забывайте, что мой отец был мастером над конями.

Она послала ему взгляд, полный горечи и обиды.

— Я думала, ты человек моего отца.

— Лорд Эддард умер, миледи. Теперь я служу лорду-молнии и своим братьям.

— Каким еще братьям? — У Халлена, насколько Арья помнила, не было других сыновей.

— Энги, Лиму, Тому-Семерке, Джеку, Зеленой Бороде — всем, сколько есть. Мы не хотим вашему брату Роббу зла, миледи, но сражаемся мы не за него. У него своя армия, и много знатных лордов склонили перед ним колена, а у простого народа нет никого, кроме нас. Вам понятно то, что я говорю?

— Понятно. — То, что он служит не Роббу, она поняла как нельзя лучше. Как и то, что она его пленница. Надо было остаться с Пирожком. Тогда они взяли бы лодку и поплыли в Риверран. Назвалась Голубенком — вот и держалась бы этого имени. Голубенка в плен брать никто бы не стал, и Нэн тоже, и Ласку, и сироту Арри. Она была волком, а теперь превратилась в глупую маленькую леди.

— Добром назад поедете, — спросил Харвин, — или мне вас связать и перекинуть через свою лошадь?

— Добром, — угрюмо пробурчала она. Пока да, а потом видно будет.

Рыдая, Сэм сделал еще один шаг. Это уж последний, самый последний, все, не могу больше. Однако ноги двигались вопреки ему — одна, потом другая. Они сделали еще шаг и еще, и он подумал: это не мои ноги, а кого-то другого, это кто-то другой идет, а не я.

Глядя вниз, он видел, как они загребают снег, бесформенные и неуклюжие. Раньше сапоги были вроде бы черные, но налипший снег превратил их в корявые белые шары, похожие на медвежьи лапы.

Этот снег никогда не перестанет идти. Сугробы намело уже по колено, и снежная корка одела икры, словно белые поножи. Он еле тащится, и тяжелая котомка делает его похожим на горбуна. Он так устал, так устал. Он не может больше идти. «Смилуйся, Матерь, не могу больше».

На каждом четвертом или пятом шагу он подтягивал вверх свой пояс. Меч он потерял на Кулаке, но при нем еще оставались два ножа — кинжал из драконова стекла, подаренный ему Джоном, и стальной, которым он резал мясо. Они тянули пояс вниз, и если Сэм забывал его подтягивать, пояс соскальзывал с круглого живота и спутывал лодыжки, как бы туго Сэм его ни застегивал. Однажды он попробовал пристроить пояс выше живота, но тогда тот всполз до самых подмышек. Гренн обхохотался от такого зрелища, а Скорбный Эдд сказал:

— Я знал одного малого, который носил меч на цепи вокруг шеи. Однажды он споткнулся, и рукоять залезла ему в нос.

Сэм тоже все время спотыкался. Под снегом попадались камни, корни и ямы. Черный Бернарр три дня назад ступил в такую вот впадину и сломал себе лодыжку. Три дня или четыре? Сэм уже не помнил, когда. Лорд-командующий после этого посадил Бернарра на лошадь.

Рыдая, Сэм сделал еще один шаг. Ему казалось, что он скорее падает, чем идет, падает, но не ударяется о землю, а продолжает падать, все вперед и вперед. Это слишком больно. Надо остановиться. Ему холодно, и он устал. Ему надо поспать, просто немного поспать у огня и съесть хоть что-нибудь не мерзлое.

Но если он остановится, он умрет. Сэм это знал. Они все это знали, те немногие, кто еще остался. С Кулака ушли человек пятьдесят, может, чуть больше, но одни отстали и заблудились в метели, другие, раненые, истекли кровью... и Сэм иногда слышал доносящиеся сзади крики, а однажды оттуда раздался жуткий вопль. Услышав его, Сэм пробежал двадцать или тридцать ярдов со всей доступной ему быстротой, расшвыривая снег заочневшими ногами. Он и до сих пор бы бежал, будь у него ноги покрепче. Они сзади, они все еще идут следом и забирают нас по одному.

Рыдая, он сделал еще один шаг. Он так давно заочневел, что забыл, как себя чувствуешь, когда тебе тепло. На нем три пары чулок, две смены белья под толстой шерстяной рубахой, а поверх теплая стеганая душегрейка, защищающая от холодной кольчуги. Поверх кольчуги надет камзол, а поверх камзола тройной плащ, туго застегнутый на костяную пуговицу. Капюшон надвинут на лоб, на руках поверх перчаток меховые рукавицы, лицо обмотано шарфом, уши прикрывает овчинная шапка. Но холод сидит в нем, несмотря ни на что. Особенно в ногах. Теперь Сэм их уже не чувствует, но еще вчера они болели так, что он едва мог стоять, не говоря уж о ходьбе. При каждом шаге он с трудом сдерживал крик. Неужели вчера? Он не помнил. Он не спал с самого Кулака, с того времени, как протрубил рог. Разве

что на ходу. Может ли человек спать на ходу? Он не знал — а если и знал, то забыл.

Рыдая, он сделал еще один шаг. Снег клубился вокруг. Иногда снег падает с белого неба, иногда с черного — вот и вся разница между днем и ночью. Сэм несет снег на плечах, как второй плащ, снег кучей громоздится на котомке, делая ее еще тяжелее. Поясницу ломит так, словно в нее воткнули нож и на каждом шагу крутят его туда-сюда. Плечи ноют под тяжестью кольчуги. Больше всего на свете Сэм хотел бы снять ее, но боится. Притом, чтобы сделать это, пришлось бы сначала снять плащ и камзол, и холод совсем его доконал бы.

Если бы он только был покрепче... но что толку желать. Он слаб и толст, так толст, что и собственный-то вес еле тащит, что уж там говорить о кольчуге. Ему казалось, что она стерла ему плечи до крови, несмотря на стеганую ткань под ней. Сэму оставалось только плакать, и он плакал, а слезы замерзали у него на щеках.

Рыдая, он сделал еще один шаг. Он шел по уже проложенному следу и только благодаря этому как-то передвигался. Справа и слева за деревьями смутно виднелись сквозь падающий снег оранжевые пятна факелов. Поворачивая голову, он видел, как они тихо плывут через лес, покачиваясь на ходу. Огненное кольцо Старого Медведя — горе тому, кто выйдет из него. Шагая, он как бы гнался за факелами впереди себя, но у них тоже есть ноги, длиннее и крепче, чем у него, — ему никогда не догнать их.

Вчера он просил, чтобы ему дали нести факел, хотя это означало, что ему пришлось бы идти с краю колонны, где тьма подступает к тебе вплотную. Он жаждал огня, мечтал об огне. Неся огонь, он не мерз бы так. Но ему напомнили, что он уже нес факел в начале пути, однако уронил его в снег, и огонь погас. Сэм этого не помнил, но так, вероятно, и было. Он слишком слаб, чтобы долго держать руку поднятой. Кто напомнил ему о том факеле — Эдд или Гренн? Сэм и это забыл. Я толстый, слабый, ни на что не годный, и даже мозги у меня застыли. Он сделал еще один шаг.

Шарф, которым он замотал нос и рот, весь пропитался соплями и уже, наверно, примерз намертво. Ему даже дышать тяжело, и воздух такой холодный, что вызывает боль.

— Мать, помилуй меня, — бормотал он под своей застывшей маской. — Мать, помилуй меня. Мать, помилуй меня. — Каждый раз, повторяя это, он делал еще один шаг. — Мать, помилуй меня.

Его собственная мать теперь на юге, в тысяче лиг от него — живет себе с сестрами и младшим братом Диконом в замке на Роговом Холме и горя не знает. Она не слышит его, как и та, небесная, Мать. Божественная Мать милосердна, все септоны на этом сходятся, но у Семерых нет власти за Стеной. Здесь правят старые боги, безымянные боги деревьев, волков и снега.

— Смиуйтесь, — шептал теперь Сэм, обращаясь к тем, кто мог его услышать, будь то новые боги, старые боги или демоны. — Смиуйтесь надо мной.

Меслин тоже молил о милосердии. Почему Сэм вдруг вспомнил его? Он не хотел ничего вспоминать. Меслин попятился, выронил меч и стал кричать, что сдается — он даже стащил с руки свою черную перчатку и поднял ее вверх, как боевую рукавицу. Он еще молил о пощаде, когда мертвец схватил его за горло, вскинул в воздух и чуть не оторвал ему голову. Мертвые не помнят, что такое милосердие, а Иные... нет, не станет он думать об этом, не думай, не вспоминай, только иди, иди, иди.

Рыдая, он сделал еще один шаг.

Споткнувшись о корень под снегом, Сэм тяжело упал на одно колено и прикусил себе язык. Выступила кровь — такого тепла во рту он не ощущал с самого Кулака. Это конец,

подумал Сэм. Теперь, когда он упал, у него уже не хватит сил встать. Он схватился за ветку дерева, пытаясь подняться, но онемевшие ноги не держали его. Кольчуга слишком тяжелая, а он слишком толст, слишком слаб и слишком устал.

— Вставай, Хрюшка, — проворчал кто-то, проходя мимо, но Сэм даже не взглянул на него. Надо просто лечь в снег и закрыть глаза. Смерть не хуже всякой другой. Холоднее ему уже не станет, и вскоре он уже не будет чувствовать боли в поясице и плечах, как не чувствует ног. Он умрет не первым — никто не сможет сказать, что он умер раньше всех. Многие погибли на Кулаке и еще больше потом, он сам видел. Весь дрожа, Сэм отпустил ветку и сполз на снег. Он знал, что тут должно быть холодно и мокро, но почти не ощущал этого сквозь все свои одежды. Снежинки с белого неба сыпались ему на живот, грудь и ресницы. Скоро снег укроет его толстым белым одеялом. Сэму станет тепло, и если зайдет о нем речь, все скажут, что он умер как брат Ночного Дозора. Это правда. Он исполнил свой долг. Никто не скажет, что он нарушил свою клятву. Он толст, слаб и труслив, но он исполнил свой долг.

Он отвечал за воронов — поэтому его и взяли в поход. Он не хотел идти — он так и сказал им и честно признался, что он трус. Но мейстер Эйемон слишком стар и к тому же слеп — поневоле пришлось взять Сэма. Когда они обосновались на Кулаке, лорд-командующий вызвал его к себе и сказал: «Ты не боец, парень, мы оба это знаем. Если случится, что на нас нападут, не пытайся доказать обратное — ты только под ногами будешь путаться. Твое дело — послать весть. Не прибегай ко мне и не спрашивай, что должно быть в письме. Напиши его сам и отправь одну птицу в Черный Замок, а другую в Сумеречную Башню. — Старый Медведь наставил палец в перчатке прямо в лицо Сэму. — Бойся сколько хочешь, мне наплевать, хоть полные штаны себе навали. Пусть хоть тысяча одичалых полезет через стену, вопя и требуя твоей крови — ты должен отослать этих птиц, не то, клянусь, я буду гнаться за тобой по всем семи преисподним и заставлю тебя пожалеть, что ты этого не сделал». А говорящий ворон Мормонта стал кивать и повторять: «Пожалеть, пожалеть».

Сэм и без того жалел о многом. Жалел, что не был храбрым и сильным, что плохо владел мечом, что был плохим сыном своему отцу и плохим братом Дикону и девочкам. Жалел он и о том, что умирает, но на Кулаке погибли люди гораздо лучше его, настоящие мужчины, а не такие толстые нытики, как он. Но преследовать его по всем кругам ада Старому Медведю не придется. Сэм отослал птиц — что-что, а это он сделал. Он написал письма заранее, кратко и просто, извещая о нападении на Кулак Первых Людей, и спрятал их в свою сумку, надеясь, что ему не придется их отправлять.

Когда затрубили рога, Сэм спал и подумал сначала, что это ему снится; но когда он открыл глаза, шел снег, а черные братья, хватая копья и луки, бежали к кольцевой стене. Рядом был только Четт, прежний стюард мейстера Эйемона с прыщавым лицом и большим жировиком на шее. Сэм еще ни на чьем лице не видел такого страха, как на лице Четта, когда рог затрубил в третий раз. «Помоги мне с птицами», — попросил Сэм, но тот повернулся и убежал с кинжалом в руке. Ему о собаках надо позаботиться, вспомнил Сэм. Может, лорд-командующий и ему отдал особый приказ.

Руки в перчатках застыли, и Сэм весь трясся от страха и холода, но все-таки выудил из сумки приготовленные письма. Вороны раскричались, и когда Сэм открыл клетку Черного Замка, один метнулся ему прямо в лицо. Вслед за этим на волю вырвались еще двое, а тот, которого Сэм поймал, клюнул его до крови сквозь перчатку. Но Сэм как-то удержал птицу и сумел прикрепить к ней маленький пергаментный свиток. Рога к тому времени умолкли, но

на Кулаке выкрикивались команды и бряцала сталь. «Лети!» — сказал Сэм и подбросил ворона в воздух.

Птицы в клетке Сумеречной Башни так вопили и хлопали крыльями, что он боялся открывать дверцу, но принудил себя и открыл. На этот раз он схватил первого же ворона, который попытался улететь, и миг спустя тот уже скрылся вместе с письмом в хлопьях снега.

Исполнив свой долг, Сэм стал одеваться, с трудом орудуя непослушными пальцами. Он надел шапку, камзол, плащ и туго-натуго затянул на себе пояс с мечом. Потом он нашел свою котомку и затолкал туда смену белья, сухие носки, наконечники для стрел и копий из драконова стекла, подаренные Джоном, и от него же полученный старый рог, пергаменты, склянки с чернилами, перья, карты, которые сам нарисовал, и твердую чесночную колбасу, сберегаемую с самой стены. Завязав мешок, он взвалил его себе на спину. Лорд-командующий не приказывал ему бежать к кольцевой стене, однако и не запрещал. Сэм перевел дух и понял, что не знает, как быть дальше.

Он топтался на месте, и страх, как всегда, рос в нем с каждым мгновением. Собаки лаяли, лошади ржали, но из-за снега все звуки казались приглушенными и далекими. Сэм не видел ничего в трех ярдах от себя, не видел даже факелов вдоль кольцевой стены. А вдруг они погасли? Даже подумать страшно. Рог протрубил три раза. Три длинных сигнала означает «Иные». Белые Ходоки, холодные тени, чудовища из сказок, которые заставляли его вскрикивать и дрожать в детстве; они ездят верхом на гигантских ледяных пауках и питаются кровью.

Сэм неуклюже вытащил меч и побрел с ним по снегу. Мимо с лаем пробежала собака, и он увидел нескольких человек из Сумеречной Башни, больших, бородатых, с длинными топорами и восьмифутовыми копьями. Чувствуя себя увереннее в их обществе, он последовал за ними к стене. Увидев, что факелы на ней горят по-прежнему, он испытал великое облегчение.

Черные братья, стоя с мечами и копьями в руках, вглядывались в падающий снег и ждали. Сир Малладор Локе проехал мимо на коне, в запорошенном снегом шлеме. Сэм держался позади, высматривая Гренна или Скорбного Эдда. Если уж умирать, то рядом с друзьями, думал он, помнится, тогда. Вокруг себя он видел только чужих, людей из Сумеречной Башни, которыми командовал разведчик по имени Блейн.

— Идут, — сказал кто-то из братьев.

— Целься, — крикнул Блейн, и двадцать черных стрел, вынутых из колчанов, легли на тетивы.

— Боги праведные, да их там сотни, — прошептал другой голос.

— Держать, — скомандовал Блейн. Сэм ничего не видел и не хотел видеть. Люди Ночного Дозора ждали с оттянутыми к уху тетивами, и что-то поднималось к ним сквозь снег по темному скользкому склону. — Держать, — снова повторил Блейн, а потом рявкнул: — Пли!

Стрелы с шорохом улетели в ночь.

Нестройное «ура» пробежало вдоль стены, но тут же и затихло.

— Они не останавливаются, милорд, — сказал один брат Блейну, а другой крикнул: — Еще! Вон они, из леса выходят! — Так и ползут, боги милостивые, — подхватил третий, — и близко как, рукой подать!

Сэм пятился, дрожа, как лист на ветру, — и от холода, и от страха. Той ночью было очень холодно — еще холоднее, чем теперь. В снегу почти тепло, и ему стало легче.

Немножко отдохнуть — вот все, что ему нужно. Он полежит еще чуть-чуть и пойдет дальше. Совсем чуть-чуть.

Рядом с его головой прошла мохнатая серая лошадь с заснеженной гривой и обросшими льдом копытами. Потом из снега появилась еще одна, которую вел под уздцы человек в черном. Увидев на дороге Сэма, он выругался и заставил лошадь обойти его. «Вот бы и мне коня, — подумал Сэм. — Сидел бы себе и ехал, даже дремал бы в седле». Но почти все их лошади погибли на Кулаке, а те, что остались, везут провизию, факелы и раненых. Сэм не ранен, он просто толст и слаб, и нет его трусливее в Семи Королевствах.

Ох, какой же он трус. Лорд Рендилл, его отец, всегда говорил так и был прав. Сэм не оправдал себя как его наследник, вот отец и отправил его на Стену. Дикон, младший брат, унаследует теперь земли и замок Тарли, и великий меч Губитель Сердец, которым их род гордился много веков. Уронит ли Дикон слезу над своим братом, умершим в снегу, на краю света? Да с какой стати. Трус не стоит ничьих слез. Отец повторял это матери раз сто, и Старый Медведь того же мнения.

— Зажигай стрелы, — ревел лорд-командующий в ту ночь на Кулаке, внезапно появившись верхом среди братьев. — Встретим их огнем! — Тут он заметил трясущегося Сэма. — Тарли, прочь отсюда! Твое место рядом с воронами.

— Я... я... отправил письма.

— Хорошо. — «Хор-рошо», — отозвался ворон на плече Мормонта. Лорд-командующий казался огромным в мехах и кольчуге, и глаза его в забрале черного шлема метали искры. — Здесь ты только мешаешь. Ступай назад к птицам. Чтобы мне не пришлось искать тебя, если понадобится отправить еще одну весть. Держи воронов наготове. — Не дожидаясь ответа, Мормонт повернул коня и поехал по кругу, крича: — Огня, огня! Встречай их огнем!

Сэму не надо было повторять этого дважды, и он во всю прыть пустился назад. Надо опять написать письма загодя, чтобы выпустить птиц, как только придет нужда. Провозившись дольше обычного с костром, он разогрел замерзшие чернила, сел на камень с пером и пергаментом и начал писать.

«Подвергшись нападению во время метели, мы отбросили врага назад огненными стрелами», — выводил он под громкие команды Торена Смолвуда:

— Целься, готовься... пли. — Шорох стрел был сладок, как материнская молитва.

— Горите ясно, дохлые ублюдки, — восклицал Дайвен, а братья торжествующе кричали и ругались.

«Мы остаемся на Кулаке Первых Людей», — писал Сэм, надеясь, что братья стреляют лучше, чем он.

Отложив написанное в сторону, он взял чистый лист.

«Сильный снегопад. Сражение на Кулаке продолжается», — написал он, услышав чей-то крик:

— Они все равно наступают! — «Исход неясен». — Копья вперед! — Эту команду, кажется, отдал сир Малладор, но поклясться Сэм не мог. «Ожившие мертвецы атакуют нас на Кулаке во время метели, но мы отгоняем их огнем». Сквозь снег он видел только огромный костер в середине лагеря, вокруг которого метались всадники. Он знал, что это резерв, который вступит в бой, если враг проломит стену. Вместо мечей они запаслись факелами, которые зажигали от костра.

«Мертвецы окружили нас со всех сторон, — написал он, услышав крики от северного склона. — Они поднимаются на холм с севера и с юга. Копья и мечи бессильны, их может

остановить только огонь».

— Стреляй, стреляй, — орал кто-то. — Здоровенный, скотина! — кричал другой. — Великан, что ли? — спрашивал третий, а четвертый отвечал: — Нет, медведь, медведь! — Завизжала лошадь, собаки подняли адский гам, и Сэм перестал понимать, что кричат. Торопясь, он строчил одно письмо за другим. «Нас окружают мертвые одичалые. Среди них великан, а возможно, медведь». Сталь обрушилась на дерево, что могло означать только одно. «Мертвецы преодолели кольцевую стену. Бой идет внутри лагеря». Дюжина конных братьев пронеслась мимо него к восточной стене с зажженными, дымящимися факелами. «Лорд-командующий Мормонт встречает их огнем. Мы побеждаем. Мы держим оборону. Мы пробиваемся вниз и отступаем к Стене. Мы в ловушке, и враг наступает со всех сторон».

Брат из Сумеречной Башни, шатаясь, появился невзвестно откуда и упал у ног Сэма. Он подполз к самому костру и умер. «Битва проиграна, — написал Сэм. — Мы погибли».

Зачем он вспоминает бой на Кулаке? Ему этого вовсе не хочется. Он попытался вспомнить мать, или сестренку Таллу, или ту девушку из Замка Крастера, Лилли.

— Вставай, — сказал кто-то, тряся его за плечо. — Нельзя здесь спать, Сэм. Вставай и пошли.

«Я совсем не сплю, я вспоминаю», — подумал Сэм и сказал:

— Уйди. — Слова тоже стыли на морозе. — Все в порядке. Я хочу отдохнуть.

— Вставай. — Это голос Гренна, резкий и хриплый. Он навис над Сэмом, весь в черном и в снегу. — Старый Медведь сказал, отдыхать нельзя. Ты умрешь.

— Гренн, — улыбнулся Сэм. — Мне правда хорошо. Ты иди. Я отдохну еще чуточку и догоню тебя.

— Нет. — Густая бурая борода Гренна вокруг рта вся обмерзла, и он из-за этого казался стариком. — Ты замерзнешь или Иные тебя заберут. Сэм, вставай!

В ночь перед их отъездом со Стены Пип все дразнил Гренна. Говорил, что Гренна выбрали не зря — ведь он слишком глуп, чтобы бояться. А Гренн спорил с пеной у рта, пока не уразумел, о чем спорит. Он плотный, толстошей и сильный — сир Аллистер Торне прозвал его Зубром, а Сэма сиром Хрюшкой, а Джона лордом Сноу. Но с Сэмом Гренн всегда обращался хорошо. Благодаря Джону — «Если б не Джон, они бы меня затравили». Но Джон пропал на Воющем перевале с Куореном Полуруким — скорее всего его и в живых уже нет. Сэм и о нем поплакал бы, но слезы все равно замерзают, да и глаза трудно держать открытыми.

Рядом остановился кто-то высокий, с факелом, и на один восхитительный миг Сэм ощутил тепло на лице.

— Брось его, — сказал факельщик Гренну. — Тот, кто не может идти, человек конченный. Побереги силы для себя самого, Гренн.

— Он встанет, — сказал Гренн. — Ему только помочь надо.

Факельщик ушел, унося с собой благословенное тепло, а Гренн попытался поставить Сэма на ноги.

— Больно, — пожаловался Сэм. — Перестань, Гренн, не тяни меня за руку.

— Уж больно ты тяжел. — Гренн, кряхтя, подхватил Сэма под мышки и поднял — но как только он его отпустил, Сэм снова плюхнулся в снег. Гренн наградил его пинком, таким увесистым, что даже снег осыпался с сапога.

— А ну вставай! — Он пнул Сэма снова. — Вставай и пошли. Надо идти.

Сэм в ответ лег на бок и свернулся клубком, чтобы защититься от пинков — впрочем, он

их почти и не чувствовал сквозь все свои одежды. «Я думал, ты мне друг, Гренн. Разве друзей бьют ногами? Ну что бы им не оставить меня в покое? Мне надо только отдохнуть, вот и все, отдохнуть и поспать, ну хоть бы и умереть, им-то что?»

— Если ты возьмешь мой факел, я понесу толстяка.

Сэм внезапно взмыл из мягкой снеговой постели в холодный воздух и поплыл. Кто-то нес его, подхватив под колени и спину. Сэм поморгал и увидел над собой широкое лицо с плоским носом и маленькими глазками, заросшее густой бородой. Он уже видел это лицо раньше, но не сразу вспомнил, чье оно. Паул. Малыш Паул. Снег, растопленный жаром факела, стекал ему в глаза.

— Ну как, сдюжишь? — спросил Гренн.

— Я раз теленка нес, а он был потяжелее. Я его снес к матке, чтобы он молока попил.

Голова Сэма болталась на каждом шагу.

— Перестань, — взмолился он, — поставь меня. Я не ребенок, я брат Ночного Дозора. — Он всхлипнул. — Дайте умереть спокойно.

— Тихо, Сэм, — сказал Гренн, — побереги силы. Думай о сестрах, о брате, о мейстере Эйемоне, о своей любимой еде. Или пой, если хочешь.

— Вслух петь?

— Нет, про себя.

Сэм знал не меньше ста песен, но вспомнить не мог ни одной. Все слова вылетели у него из головы. Он снова всхлипнул и сказал:

— Не знаю я песен, Гренн. Знал, да забыл.

— Знаешь, знаешь. Вот, к примеру, «Медведь и прекрасная дева» — ее все знают. «Жил-был медведь, косолапый и бурый! Страшный, большой и с косматою шкурой!»

— Только не эту, — поспешно прервал его Сэм. На том медведе, который явился к ним на Кулак, шерсти совсем не осталось. Ему даже думать о медведях не хочется. — Не надо песен, прошу тебя, Гренн.

— Ладно, тогда думай о своих воронах.

— Они никогда не были моими. Они принадлежат Черному Замку и Сумеречной Башне.

Малыш Паул нахмурился.

— Четт сказал, мне можно будет взять ворона Старого Медведя, который разговаривает. Я и корм ему припас. Ну да, и припрятал, а взять забыл. — Некоторое время он шел молча, дыша паром, и вдруг спросил: — А можно я возьму какого-нибудь из твоих? Только одного. Я не дам Ларку его съесть.

— Мне жаль, но теперь они все летят обратно к Стене. — Сэм выпустил их, когда рога затрубили «по коням» — два коротких сигнала и один длинный. Это могло значить только одно: они уходят с Кулака, а стало быть, битва проиграна. Сэм вконец обезумел от страха, и его хватило только на то, чтобы открыть клетки. Лишь когда последний ворон исчез в метели, он вспомнил, что все написанные им письма так и остались неотправленными.

— Нет, — застонал он тогда, — нет, нет, нет. Снег валил, и рога трубили: аооооо, аооооооооо, по коням, по коням. Сэм увидел двух воронов, сидящих на камне, и бросился к ним, но они лениво взлетели и скрылись в клубах снега. Сэм погнался за одним из них, выдыхая густые облака пара, споткнулся и увидел, что находится в десяти футах от кольцевой стены.

Потом... потом над стеной показались мертвецы, утыканные стрелами, одни в кольчугах, другие почти голые. Среди одичалых, которые составляли большинство, виднелось

несколько фигур в выпавших черных лохмотьях. Один человек из Сумеречной Башни насквозь продырявил копьем бледный живот мертвеца, но тот, продвинувшись вперед по древку, своими черными руками свернул дозорному шею так, что у него кровь потекла изо рта. Тогда-то, кажется, Сэм и обмочился в первый раз.

Он не помнил, как бежал, но, должно быть, бежал очень быстро, потому что опомнился уже у костра в середине лагеря, где были старый сир Оттин Уитерс и несколько лучников. Сир Оттин, стоя на коленях в снегу, беспомощно смотрел на творящийся вокруг хаос, и лошадь без седока, пронесшись мимо, ударила его копытом по голове. Лучники, не обращая на него внимания, пускали огненные стрелы во мрак. Пламя охватило одного мертвеца, но на его месте возникла дюжина других и с ними громадная бледная фигура, похожая на медведя, а у лучников скоро вышли все стрелы.

Вслед за этим Сэм оказался на коне. Это был не его конь, и Сэм не помнил, как сел на него. Быть может, это был тот самый, что размозжил сиру Оттину лицо. Рога продолжали трубить, и Сэм двинулся на их звук.

В самой гуще бойни, хаоса и летящего снега он нашел Скорбного Эдда, тоже конного, с черным знаменем на копье.

— Сэм, — сказал тот, — разбуди меня, а? Уж очень страшный сон мне снится.

Другие братья тоже садились на коней. Рога ревели: аооооооо, аооооооо.

— Они перелезли через западную стену, милорд, — крикнул Старому Медведю Торен Смолвуд, с трудом удерживая на месте коня. — Я пошлю туда резерв...

— НЕТ! — гаркнул во всю глотку Мормонт, перекрикивая рога. — Отзови их — будем пробиваться отсюда. — Он привстал на стремянах, его черный плащ трепетал на ветру, в броне отражался огонь. — Клинь! — проревел он. — Стройся клином, и марш. По южному склону, а потом на восток!

— Милорд, южный склон кишит ими!

— Остальные слишком круты. Нам надо...

Конь Мормонта отчаянно заржал, взвился на дыбы и чуть не сбросил седока, увидев бредущего через снег медведя. Сэм обмочился снова — как могла в нем сохраниться еще какая-то вода? Медведь был мертвый, бледный, полусгнивший, шерсть вместе с кожей давно сползла с него, одна передняя лапа обгорела до кости, но тем не менее он шел вперед. Только глаза в нем и жили — ярко-синие, точно как Джон говорил. Они сияли, как замерзшие звезды. Торен Смолвуд бросился на него с длинным мечом, отражавшим красно-рыжие блики костра, и наполовину снес зверю голову — а зверь оторвал голову ему.

— ЗА МНОЙ! — проревел лорд-командующий, разворачивая коня.

До стены они домчались галопом. Раньше Сэм всегда боялся прыгать через препятствия, но теперь, когда стена возникла перед ним, он понял, что выбора нет. Он послал коня вперед, зажмурился и заскулил, и конь, непонятно как, перенес его через стену. Всадник справа от него рухнул наземь грудой стали, кожи и вопящего лошадиного мяса, мертвецы накинута на него, и клинь снова сомкнулся. Они неслись вниз сквозь цепкие черные руки, горящие синие глаза и летящий снег. Лошади спотыкались и падали, людей выбрасывало из седел, факелы рассекали тьму, мечи и топоры рубили мертвую плоть, а Сэмвел Тарли, рыдая, вцепился в своего коня с силой, которой прежде в себе не подозревал.

Он скакал в самой середине клина, и братья окружали его со всех сторон. Одно время с ними бежала собака, шныряя между лошадьми, но потом не выдержала и отстала. Кони на скаку топтали мертвецов, а те, падая, хватались за мечи, стремяна и лошадиные ноги. Один

правой рукой вспорол брюхо коню, вцепившись в седло левой.

Внезапно их обступили деревья, Сэм проскакал через замерзший ручей, и звуки побоища стали утихать позади. Он оглянулся, едва дыша от облегчения... но тут из кустов выскочил человек в черном и сдернул его с седла. Сэм так и не узнал его — он сразу ускакал прочь. Сэм побежал было вдогонку, но споткнулся о корень, растянулся носом вниз и лежал так, рыдая, как младенец, пока его не нашел Скорбный Эдд.

Это было последнее связное воспоминание Сэма о Кулаке Первых Людей. Лишь позже, много часов спустя, он оказался, весь дрожа, среди других уцелевших, половина из которых была пешая, а половина конная. В это время они уже ушли на много миль от Кулака, но Сэм не помнил, как они проделали этот путь. Дайвен свел вниз пять выючных лошадей с грузом провизии, горючего масла и факелов, и трое из них дошли до этого места. Старый Медведь разделил весь груз поровну, чтобы потеря какой-то одной лошади не стала для них роковой, забрал коней у здоровых и отдал раненым, построил пеших в колонну и поставил факельщиков по бокам и сзади. «От тебя требуется одно: идти», — сказал себе Сэм и сделал первый шаг в сторону дома. Но не прошло еще и часа, как он начал запинаться и отставать...

Теперь они тоже отставали. Пип, бывало, говорил, что Малыш Паул самый сильный в Дозоре. Должно быть, так и есть, раз он несет на себе Сэма. Тем не менее снег был глубокий, почва неровная, и Паул шагал уже не так широко. Их обгоняли другие всадники, раненые, глядевшие на Сэма тупо, без всякого любопытства. Некоторые факельщики тоже прошли мимо них.

— Отстаёте, — сказал один, а другой добавил: — Никто тебя ждать не будет, Паул. Брось Хрюшку мертвякам.

— Он обещал дать мне птицу, — сказал Паул, хотя Сэм ничего такого ему не говорил — ведь вороны были не его. — Я хочу говорящую птицу, чтобы она клевала у меня с руки.

— Ну и дурак, — сказал человек с факелом и ушел.

Через некоторое время Гренн остановился и сказал хрипло:

— А ведь мы одни остались. Я не вижу других факелов. Это, наверно, задние были?

Малыш Паул вместо ответа пробурчал что-то невнятное, рухнул на колени и дрожащими руками уложил Сэма в снег.

— Больше не могу тебя нести. Рад бы, да не могу. — Его била дрожь.

Ветер пролетел между деревьями, осыпав их снегом. Холод стоял такой, что Сэм чувствовал себя голым. Он искал глазами другие факелы, но они все пропали. Пламя того, который нес Гренн, струилось, как бледно-оранжевый шелк, и Сэм видел сквозь него густой мрак позади. Скоро факел догорит, и мы останемся совсем одни, без пищи, друзей и огня.

Но он ошибался. Они здесь были не одни.

С нижних веток большого зеленого страж-дерева мягко осыпался снег, и Гренн выбросил в ту сторону руку с факелом.

— Кто идет?

Из мрака выступила лошадиная голова, и Сэм на миг испытал облегчение, пока не увидел ее, эту лошадь. Она вся обросла инеем, и черный клубок замерзших внутренностей болтался под ее распоротым брюхом. Верхом на ней сидел всадник, бледный, как лед. Из горла Сэма вырвался скулящий звук. Он так перепугался, что непременно обмочился бы еще раз, но холод, видно, и пузырь его заморозил вместе со всем остальным. Иной грациозно соскочил с седла и встал на снегу, стройный, как меч, и молочно-белый. Доспехи колебались на нем, как вода, и ноги стояли на свежем насте, не проламывая его.

Малыш Паул снял со спины топор на длинной рукояти.

— Ты что с лошастью сделал? Это была лошадь Мауни.

Сэм схватился было за меч, но вспомнил, что потерял его еще на Кулаке.

Гренн шагнул вперед, выставив факел.

— Убирайся прочь! Уходи, не то сожгу!

Меч Иного, сверкнув бледной голубизной, коснулся плавни, и скрежет пронзил уши Сэма, как игла. Отрубленный конец факела упал в глубокий сугроб, и огонь тут же погас. В руке у Гренна осталась только бесполезная деревяшка. Он с проклятием швырнул ее в Иного, а Малыш Паул бросился на врага с топором.

Сэм никогда в жизни еще не испытывал такого страха. В чем, в чем, а в страхах Сэмвел Тарли разбирался хорошо.

— Мать, помилуй меня, — прорыдал он, забыв в ужасе о старых богах. — Отец, защити, о-о... — Его пальцы нашарили на поясе кинжал и схватились за него.

Мертвецы двигались медленно и неуклюже, но Иной порхал, как снег на ветру. Он ускользнул от топора, переливаясь своими доспехами, и его хрустальный меч вошел меж звеньев кольчуги Паула, пронзая кожаные латы, шерсть и плоть. Меч вышел из спины со звуком «ш-шшшш», а Паул сказал «ох» и выронил топор. Кровь дымилась вокруг пронзившего его меча, и Паул пытался достать своего убийцу руками. Потом он упал, и его тяжесть вырвала бледный меч из руки Иного.

Вот оно. Перестань нюнить и дерись, плакса. Дерись, трус. Это был голос его отца, и Аллистера Торне, и брата Дикона, и новобранца Раста. Трус, трус, трус. Сэм истерически хихикнул, думая, что же с ним будет дальше. Должно быть, его превратят в упыря, в толстого белого мертвеца, ковыляющего на толстых ногах. Давай, Сэм. А это кто — Джон? Но ведь Джон умер. Ты можешь, ты можешь, сделай это. И он устремился вперед, скорее падая, чем бегом, зажмурился ткнул кинжалом перед собой, держа его обеими руками. Что-то хрустнуло, как лед под сапогом, а потом раздался скрежет, столь громкий и пронзительный, что Сэм отшатнулся назад, зажав руками уши, и хлопнулся задом в снег.

Когда он открыл глаза, доспехи стекали с Иного ручьями, а вокруг черного кинжала из драконова стекла, торчащего в горле, шипела и дымилась бледно-голубая кровь. Иной схватился за нож своими белыми руками, но его пальцы, коснувшись лезвия, тоже начали дымиться.

Сэм повернулся на бок, вытаращив глаза. Иной уменьшался и таял. Через каких-нибудь двадцать мгновений плоть сошла с него, как белый туман, и кости, похожие на молочное стекло, тоже стали таять. И вот на снегу остался только кинжал из драконова стекла, весь окутанный паром, словно он был живой и вспотел. Гренн подобрал его и тут же выронил.

— Мать, холодный-то какой.

— Это обсидиан. — Сэм привстал на колени. — Его еще называют драконовым стеклом. Драконовым. — Он засмеялся, заплакал, скрючился и выблевал свое мужество на снег.

Гренн поставил его на ноги, приложил ухо к груди Малыша Паула и закрыл ему глаза. Потом снова поднял нож и на этот раз удержал его.

— Возьми его себе, — сказал Сэм. — Я трус, а ты нет.

— Ага. Такой трус, что Иного убил. — Гренн указал ножом на полосу розового света между деревьями. — Гляди, Сэм, светает. Стало быть, восток там. Если пойдем в ту сторону, догоним Мормонта.

— Как скажешь. — Сэм пнул сапогом дерево, сбивая снежную кору, и проделал то же самое с другой ногой. — Я постараюсь. — Он сморщился и сделал шаг, один и другой.

Цепь из золотых рук сверкала на винно-красном бархатном камзоле лорда Тайвина. Лорда Тирелл, Редвин и Рован устремились к нему, как только он вошел. Он поздоровался с каждым поочередно, перемолвился словом с Варисом, приложился к перстню верховного септона, поцеловал в щеку Серсею, пожал руку великому мастеру Пицелю и занял королевское место во главе длинного стола, между дочерью и братом.

Тирион, обложившись подушками, устроился на старом месте Пицеля в конце стола, а великий мастер передвинулся к Серсее, как можно дальше от карлика. Пицель, тощий, как скелет, тяжело опирался на витую трость и трясся на ходу. Вместо прежней великолепной бороды над его цыплячьей шее болтались редкие белые волоски. Тирион не испытывал угрызений совести, глядя на него.

Остальным пришлось рассаживаться где попало. Их было четверо: лорд Мейс Тирелл, грузный человек с вьющимися каштановыми волосами и окладистой, тронутой проседью бородой; Пакстер Редвин из Бора, тощий и сутулый, с остатками рыжих волос вокруг лысины; Матис Рован, лорд Золотой Роши, плотный, бритый, обильно потеющий; верховный септон, ветхий старичок с жидкой бородкой. Слишком много новых лиц, думал Тирион, слишком много новых игроков. Пока я валялся в постели, правила игры поменялись, и никто мне не скажет, каковы они теперь.

Лорды, впрочем, вели себя весьма учтиво, хотя им было явно неприятно смотреть на него.

— Эта ваша цепь — славная выдумка, — весело сказал ему Мейс Тирелл, а лорд Редвин не менее приветливо добавил:

— Совершенно верно — милорд Хайгарденский высказался от имени всех нас.

Скажите это горожанам, с горечью подумал Тирион. И треклятым певцам, гнущим повсюду о призраке Ренли.

Дядя Киван в пылу родственных чувств даже поцеловал его в щеку и сказал:

— Лансель рассказал мне, как храбро ты себя вел. Он о тебе очень высокого мнения.

«Еще бы — ведь я тоже мог бы кое-что порассказать о нем». Вслух Тирион сказал, изобразив на лице улыбку:

— Мой славный кузен слишком добр. Надеюсь, он поправляется?

— Иногда ему как будто бы становится лучше, — нахмурился сир Киван, — но потом... я беспокоюсь за него, Тирион. Твоя сестра его часто навещает, чтобы подбодрить мальчика и помолиться за него.

Любопытно, о чем она молится — чтобы он выздоровел или чтобы отошел с миром? Серсея бессовестно использовала своего кузена и в постели, и вне ее, а теперь, когда отец здесь и Лансель ей больше не нужен, она, конечно, надеется, что он унесет этот маленький секрет с собой в могилу. Хватит ли у нее дерзости прикончить его? Стоит на нее посмотреть, чтобы все подозрения на ее счет развеялись как дым. Нынче она само очарование: щебечет с лордом Тиреллом по поводу предстоящей свадьбы Джоффри, расхваливает лорду Редвину достоинства его близнецов, улыбается ворчливому лорду Ровану, благочестиво поддакивает верховному септону.

— Быть может, начнем с приготовлений к свадьбе? — спросила она, когда лорд Тайвин занял свое место.

— Нет, — ответил он, — с войны, Варис.

— Новости просто замечательные, милорды, — с елеинной улыбкой заявил евнух. Вчера на рассвете наш бравый лорд Рендилл подошел к Роберту Гловеру у Синего Дола и прижал его к морю. Обе стороны понесли тяжелые потери, но наши доблестные воины в конце концов одержали верх. В донесении говорится, что враг потерял тысячу человек, в числе коих находится и сир Хелман Толхарт. Роберт Гловер с остатками своего разбитого войска повернул обратно в Харренхолл, не помышляя о том, что встретит на пути нашего славного сира Григора.

— Хвала богам! — сказал Пакстер Редвин. — Это великая победа короля Джоффри. Джоффри-то тут при чем? — подумал Тирион.

— И тяжелый удар для Севера, — заметил Мизинец, — Впрочем, нельзя сказать, что это Робб Старк потерпел поражение. Молодого Волка в поле пока еще никто не побил.

— Что нам известно о планах и передвижениях Старка? — со своей обычной прямоотой и деловитостью спросил Матис Рован.

— Он бежал в Риверран с награбленной им добычей, бросив взятые им западные замки, — ответил лорд Тайвин. — Наш кузен сир Лавен в Ланниспорте заново формирует остатки армии своего покойного отца. Закончив приготовления, он соединится с сиром Форли Престером у Золотого Зуба, и как только Старк выступит на Север, сир Форли и сир Лавен обрушатся на Риверран.

— А вы уверены, что он пойдет на Север? — усомнился лорд Рован. — Ведь Ров Кейлин занят островитянами.

— Возможно ли называться королем, не имея королевства? — вступил в разговор Мейс Тирелл. — Мальчику поневоле придется покинуть речные земли, вновь соединиться с силами Русе Болтона и ударить всей своей мощью на Ров Кейлин. Я бы на его месте поступил именно так.

Тут Тириону пришлось прикусить язык. Робб Старк за год выиграл больше сражений, чем лорд Хайгардена за двадцать. Своей репутацией Тирелл обязан единственной незначительной победе над Робертом Баратеоном у Эшфорда, да и ее, строго говоря, одержал авангард лорда Тарли еще до подхода главных сил. Осада Штормового Предела, которой тоже командовал Тирелл, затянулась на год и окончилась ничем, ибо после победы на Трезубце лорд Хайгардена покорно склонил свои знамена перед Эддардом Старком.

— Придется мне послать Роббу Старку суровое письмо, — говорил между тем Мизинец. — Его Болтон держит козлов в моем великом чертоге, чего я допустить никак не могу.

— Кстати, о Старке, — вставил сир Киван Ланнистер. — Бейлон Грейджой, объявивший себя королем островов и Севера, предлагает нам заключить с ним союз.

— Ему полагалось бы принести нам вассальную клятву, — отрезала Серсея. — По какому праву он именует себя королем?

— По праву завоевателя, — сказал лорд Тайвин. — Он охватил своими пальцами Перешеек. Наследники Робба Старка убиты, Винтерфелл пал, и островитяне заняли Ров Кейлин, Темнолесье и основную долю Каменного Берега. Ладьи короля Бейлона бороздят западное море, представляя весомую угрозу для Ланниспорта, Светлого острова и даже для Хайгардена, если мы подадим ему повод.

— А что, если в самом деле заключить с ним этот союз? — сказал Матис Рован. — Какие условия он предлагает?

— Мы должны признать его королем и отдать ему все, что находится к северу от Перешейка.

— Зачем разумному человеку нужно что-либо, лежащее севернее Перешейка? — засмеялся лорд Редвин. — Если Грейджой хочет обменять мечи и паруса на камень и снег, мне эта сделка представляется более чем выгодной.

— Верно, — поддержал его Мейс Тирелл. — Я тоже за союз. Пусть король Бейлон приканчивает северян, а мы тем временем добьем Станниса.

Лицо лорда Тайвина не выдавало никаких чувств.

— Остается еще Лиза Аррен. Вдова Джона Аррена, дочь Хостера Таяли и сестра Кейтилин Старк. Ее муж перед смертью состоял в заговоре со Станнисом Баратеоном.

— Женщины не созданы для войны, — беззаботно бросил Мейс Тирелл. — Думаю, ее мы можем не опасаться.

— Согласен, — сказал Редвин. — Леди Лиза держится в стороне и никакой открытой измены пока не совершила.

— Не считая того, что она держала меня в тюрьме и подвергла мою жизнь смертельному испытанию, — с немалой горячностью вмешался в прения Тирион. — Кроме того, она не вернулась в Королевскую Гавань, чтобы присягнуть на верность Джоффу, как ей приказывали. Дайте мне людей, милорды, и я разберусь с Лизой Аррен. — Ничто не могло бы доставить ему большего удовольствия, кроме возможности придушить Серсею. Ему все еще снились по ночам воздушные камеры Орлиного Гнезда, и он каждый раз просыпался в холодном поту.

Мейс Тирелл широко улыбнулся, но за этой улыбкой скрывалось презрение.

— Будет лучше, если войну мы предоставим воинам, — сказал он. — Полководцы получше вас теряли целые армии в Лунных горах и у Кровавых ворот. Мы знаем, чего вы стоите, милорд, и не надо искушать судьбу.

Рассерженный Тирион приподнялся со своих подушек, но тут в спор вмешался его отец.

— Относительно Тириона у меня другие замыслы. Мне думается, что ключ от Гнезда следует искать скорее у лорда Петира.

— Верно — он у меня между ног, — с озорной искрой в серовато-зеленых глазах подтвердил Мизинец. — С вашего разрешения, милорды, я готов отправиться в Долину и завоевать леди Лизу Аррен. Став ее супругом, я преподнесу вам Долину Аррен без малейшего кровопролития.

— Но захочет ли вас леди Лиза? — с сомнением спросил лорд Рован.

— Она уже хотела меня пару раз, лорд Матис, и жалоб я от нее не слышал.

— Постель — еще не брак, — сказала Серсея. — Даже такая корова, как Лиза Аррен, должна понимать разницу.

— Разумеется. Прежде дочери Риверрана было бы неприлично вступать в брак с человеком столь низкого положения, но теперь... думаю, леди Орлиного Гнезда и лорд Харренхолла могли бы соединиться.

Пекстер Редвин и Мейс Тирелл обменялись взглядом, не ушедшим от внимания Тириона.

— Это устроило бы нас, — сказал лорд Рован, — если вы уверены, что сумеете внушить этой женщине преданность по отношению к его величеству.

— Милорды, — произнес верховный септон, — у нас теперь осень, и все добрые люди устали от войны. Если лорд Бейлиш способен направить Долину на мирный путь, не

проливая крови, боги, безусловно, благословят его.

— Способен ли? — сказал лорд Редвин. — Орлиным Гнездом теперь правит сын Джона Аррена лорд Роберт.

— Он еще ребенок, — заметил Мизинец. — Я позабочусь, чтобы он вырос верным подданным Джоффри и нашим преданным другом.

Взгляд Тириона не отрывался от этого стройного человека с острой бородкой и дерзкими серо-зелеными глазами. Так значит, лорд Харренхолла — пустой титул? Полно, отец, даже если он никогда не ступит ногой в свой замок, этот титул сделает возможным задуманный им брак, о чем ему было известно с самого начала.

— Во врагах у нас недостатка нет, — сказал сир Киван Ланнистер. — Если Гнездо останется в стороне, тем лучше. Я за то, чтобы предоставить лорду Петиру свободу действий.

Тирион знал по опыту, что сир Киван в совете служит авангардом своего брата и никогда не выскажет мысль, которая до него не пришла бы в голову лорду Тайвину. Они обо всем договорились заранее, заключил Тирион, и весь этот спор ведется только для отвода глаз.

Овцы проблеяли свое согласие, не ведая, как ловко их остригли, и возражать выпало Тириону.

— Как же казна будет выплачивать свои долги без лорда Петира? Он наш монетный кудесник, нам нечем его заменить.

— Мой маленький друг слишком добр, — улыбнулся Мизинец. — Я всего лишь считаю медяки, как говаривал король Роберт. Всякий умный купец сможет делать то же самое... а уж Ланнистер, которого коснулся золотой перст Бобрового Утеса, несомненно, превзойдет меня во всем.

— Ланнистер? — с недобрый чувством повторил Тирион. Окропленные золотом глаза лорда Тайвина встретились с разномастным взором его сына.

— Мне думается, ты превосходно подходишь для этого дела.

— Истинно так! — сердечно молвил сир Киван. — Не сомневаюсь, что из тебя выйдет прекрасный мастер над монетой.

— Если Лиза Аррен согласится стать вашей женой, — сказал лорд Тайвин Мизинцу, — и не нарушит мира с королем, мы вернем лорду Роберту звание Хранителя Востока. Как скоро вы сможете уехать?

— Завтра, если ветер позволит. Сейчас за цепью грузится браавоская галера «Сардиний король» — я попрошу ее капитана взять меня на борт.

— Вы пропустите королевскую свадьбу, — заметил Мейс Тирелл.

— Приливы и невесты не ждут никого, милорд, — пожал плечами Петир. — С началом осенних штормов плавание станет куда более опасным, а из утопленника жених никудышный.

— И то верно, — усмехнулся лорд Тирелл. — Что ж, счастливого вам пути.

— И да сопутствуют вам боги, — добавил верховный септон. — Вся Королевская Гавань будет молиться за ваш успех.

— Не вернуться ли нам к союзу с Грейджоем? — предложил, взявшись за переносицу, лорд Редвин. — На мой взгляд, многое говорит в его пользу. Лады Грейджоя вкупе с моим собственным флотом дадут нам возможность взять штурмом Драконий Камень и покончить с притязаниями Станниса Баратеона.

— Корабли короля Бейлона в настоящее время заняты другим, — учтиво заметил лорд Тайвин, — и мы тоже. Грейджой требует за союз с ним полкоролевства, но что он готов

сделать взамен? Сразиться со Старками? Он и без того с ними воюет. Зачем нам платить за то, что можно получить даром? Мне думается, что лорд Пайка может пока подождать. Со временем нам может представиться лучший выбор, когда королю не понадобится отдавать половину своего королевства.

Тирион, пристально наблюдая за отцом, понимал, что тот чего-то не договаривает. Он помнил о важных письмах, которые писал лорд Тайвин в ту ночь, когда он потребовал для себя Бобровый Утес. Как бишь отец сказал тогда? Одни битвы выигрывают мечи и копья, другие — перья и вороны. Любопытно, что это за «лучший выбор» и какую цену запрашивают за него.

— Теперь, пожалуй, мы можем заняться свадьбой, — сказал сир Киван.

Великий септон рассказал о приготовлениях, производимых в Великой Септе Бейелора, Серсея же поделилась своими планами относительно празднества. В тронном зале разместится тысяча гостей, но намного больше народу будет пировать во дворах, внешнем и среднем. Там натянут шелковые навесы, поставят столы и бочонки с элем для всех, кто не поместится в чертоге.

— По поводу количества гостей... — сказал великий мейстер Пицель. — К нам прибыл ворон из Солнечного Копья. Триста дорнийцев в это самое время едут к Королевской Гавани, надеясь успеть к свадьбе.

— Как это — едут? — проворчал Мейс Тирелл. — Они не обращались ко мне за разрешением на проезд через мои земли. — Тирион заметил, как побагровела его толстая шея. Дорнийцы и хайгарденцы никогда не питали любви друг к другу. Их пограничным стычкам давно потерян счет, и даже в мирное время они то и дело совершают набеги на соседские земли. Эта вражда немного поутихла, когда Дорн стал частью Семи Королевств... пока дорнийский принц по прозвищу Красный Змей не изувечил на турнире молодого наследника Хайгардена. Да, дело щекотливое, подумал Тирион. Как-то отец его уладит?

— Принц Доран приезжает по приглашению моего сына, — спокойно ответил лорд Тайвин, — и не только ради участия в празднестве, но и для того, чтобы занять место в нашем совете, а также ради правого суда над убийцами его сестры Элии и ее детей, в котором отказал ему Роберт.

Тирион следил за лицами лордов Тирелла, Редвина и Рована. Хватит ли у кого-нибудь из этих троих смелости сказать: «Но разве не вы, лорд Тайвин, представили Роберту их тела, завернутые в плащи Ланнистеров?» Смелости не хватило ни у кого, но это ясно читалось на их лицах. Редвину-то, положим, наплевать, а вот у Рована такой вид, будто он сейчас поперхнется.

— Когда ваша Маргери выйдет замуж за короля, а Мирцелла — за принца Тристана, мы все станем одним великим домом, — напомнил Мейсу Тиреллу сир Киван. — Не пора ли забыть о былой вражде, милорд?

— Речь идет о свадьбе моей дочери...

— ...и моего внука, — твердо завершил лорд Тайвин. — А свадьба — не место для сведения старых счетов.

— С Дораном Мартеллом я не ссорился, — заявил лорд Тирелл, хотя его тон противоречил словам. — Если он желал пересечь Простор, ему стоило лишь спросить у меня разрешения.

Вряд ли он поедет через Простор, подумал Тирион. Он поднимется по Костяному Пути, повернет на восток у Летнего Замка и двинется по Королевскому тракту.

— Триста дорнийцев наших планов не нарушат, — сказала Серсея. — Латников мы посадим во дворе, для лордов и высокородных рыцарей втиснем в зал пару лишних скамеек, а принцу Дорану дадим почетное место на помосте.

Только не рядом со мной, прочел Тирион в глазах Тирелла, но на сей раз лорд промолчал и ограничился коротким кивком.

— Ну а теперь можно перейти к более приятным вещам, — сказал лорд Тайвин. — Плоды победы ждут, чтобы их роздали.

— Что может быть слышно? — воскликнул Мизинец, который свой плод, Харренхолл, уже проглотил.

Каждый из лордов имел свои виды на такой-то замок, такую-то деревню, земельный надел, на речку, на лес, на опеку над детьми, оставшимися сиротами после битвы. К счастью, плоды были обильны, и сирот с замками хватило на всех. Согласно спискам Вариса, сорок семь мелких лордов и шестьсот девятнадцать рыцарей лишились жизни под огненными сердцами Станниса и его Владыки Света, не считая нескольких тысяч простых латников. Их наследники, как родственники изменников, утратили права на свое достояние, и земли и замки перешли к тем, кто доказал свою преданность на деле.

Самый богатый урожай пожал Хайгарден. У этого аппетит хоть куда, думал Тирион, глядя на объемистый живот лорда Тирелла. Лорд Мейс потребовал себе поместья лорда Алестера Флорента, своего собственного знаменосца, имевшего неосторожность поддержать сначала Ренли, а затем Станниса. Лорд Тайвин охотно пошел ему в этом навстречу, и замок Брайтуотер со всеми землями и доходами стал собственностью второго сына лорда Тирелла, вследствие чего сир Гарлан в мгновение ока сделался одним из крупнейших лордов. Старший сын, само собой, остался наследником Хайгардена.

Другие поместья, хотя и не столь крупные, были дарованы лорду Ровану, а также лорду Тарли, леди Окхарт, лорду Хайтауэру и другим не присутствующим здесь вельможам. Лорд Редвин попросил только, чтобы его на тридцать лет освободили от налога, который Мизинец со своими виноторговцами ввел для лучших виноградников Бора. Получив эту привилегию, он объявил, что доволен, и предложил послать за бочонком золотого борского, дабы выпить за здоровье доброго короля Джоффри и его мудрого, щедрого десницы. Это превысило меру терпения Серсеи.

— Джофф нуждается в мечях, а не в здравицах, — заявила она. — Узурпаторы и самозванные короли по-прежнему угрожают его государству.

— Надеюсь, нам недолго осталось их терпеть, — еле слышно вставил Варис.

— Нам осталось рассмотреть еще несколько дел, милорды. — Сир Киван сверился со своими бумагами. — Сир Аддам нашел некоторое количество кристаллов от короны верховного септона. Теперь можно не сомневаться в том, что грабители выломали кристаллы, а золото расплавили.

— Отец наш небесный осудит и покарает их, — произнес нынешний верховный септон.

— Безусловно, — сказал лорд Тайвин, — однако вы должны получить свою корону. Мы сделаем это на королевской свадьбе. Серсея, вели своим золотых дел мастерам изготовить замену. Есть еще какие-нибудь донесения? — спросил он Вариса.

Евнух достал из рукава пергамент.

— Близ Перстов замечен кракен. Не Грейджой, — хихикнул он, — настоящий. Он напал на иббенийское китобойное судно и утащил его в глубину. На Ступенях дерутся, и назревает новая война между Тирошем и Лиссом, причем оба надеются заключить союз с Миром.

Моряки с Яшмового моря уверяют, что в Кварте вылупился трехглавый дракон, которому весь город дивится...

— Драконы и кракены меня не интересуют, сколько бы у них там ни было голов, — сказал лорд Тайвин. — Скажи лучше, не напали ли твои шептуны на след моего племянника?

— Увы, наш бедный храбрый Тирек исчез бесследно. — Казалось, что Варис вот-вот заплачет.

— Тайвин, — сказал сир Киван, прежде чем его брат успел выразить свое недовольство, — некоторые из золотых плащей, дезертировавших во время битвы, приходят обратно в казармы, надеясь снова поступить на службу. Сир Аддам спрашивает, как с ними быть.

— Их трусость могла подставить под удар Джоффа, — вмешалась Серсея. — Я хочу, чтобы их предали смерти.

— Они, безусловно, заслуживают смерти, ваше величество, — вздохнул Варис, — этого никто не отрицает. И все же разумнее, быть может, было бы послать их в Ночной Дозор. Со Стены последнее время приходят тревожные вести. Одичалые беспокойны...

— Одичалые, драконы и кракены, — хохотнул Мейс Тирелл. — Есть ли хоть кто-нибудь, кто вел бы себя тихо?

— Будет лучше, если дезертиры послужат уроком другим, — решил лорд Тайвин. — Пусть им раздробят колени, чтобы лишить их способности бегать, — это послужит наукой всякому, кто увидит, как они просят милостыню на улицах. — Он оглядел стол, чтобы убедиться, согласны ли с ним другие лорды.

Тириону вспомнилась собственная поездка на Стену и крабы, которых он ел со старым Мормонтом и его офицерами. И опасения Старого Медведя.

— Может, мы раздробим колени только некоторым — скажем, тем, кто убил сира Джаселина, а остальных все-таки отправим к Муршу? Дозору отчаянно не хватает людей. Если Стена падет...

— ...то одичалые хлынут на Север, — завершил его отец, — и у Старков с Грейджоями появится новый враг. Они, по всей видимости, больше не считают себя подданными Железного Трона — с какой же стати им ждать от него помощи? И король Робб, и король Бейлон утверждают, что Север принадлежит им — вот и пускай защищают его, если смогут. А если не смогут, то этот Манс-Разбойник еще, глядишь, и союзником нашим станет. Еще что-нибудь? — спросил лорд Тайвин, взглянув на брата.

Тот покачал головой.

— Это все. Милорды, его величество король Джоффри благодарит вас всех за мудрый совет.

— Я хотел бы поговорить наедине со своими детьми, — сказал лорд Тайвин, когда все поднялись с мест. — Ты тоже останься, Киван.

Остальные советники послушно откланялись. Варис вышел первым, Тирелл и Редвин — последними. В зале остались только четверо Ланнистеров, и сир Киван закрыл двери.

— Мастер над монетой? — тонким, напряженным голосом воскликнул Тирион. — Это кто же придумал, позвольте узнать?

— Лорд Петир, — ответил ему отец, — но нас устраивает, что казной будет распоряжаться Ланнистер. Ты сам просил, чтобы тебе доверили важное дело, а теперь боишься, что оно окажется тебе не под силу?

— Нет, просто чую здесь западню. Мизинец хитер и честолобив — я ему не доверяю,

да и вам бы не следовало.

— Он привлек Хайгарден на нашу сторону... — начала Серсея.

— ...и продал тебе Неда Старка. Знаю, знаю. Он и нас не замедлит продать. Монета в ненадежных руках не менее опасна, чем меч.

Дядя Киван посмотрел на племянника со странным выражением.

— Только не для нас. Золото Бобрового Утеса...

— ...добывается из земли, а Мизинец извлекает свое из воздуха, щелкая пальцами.

— Талант более полезный, чем любой из твоих, братец, — промурлыкала Серсея.

— Мизинец лжив...

— ...и черен, как говорила ворона о вороне.

Лорд Тайвин хлопнул рукой по столу.

— Довольно! Не желаю больше слушать, как вы препираетесь. Вы оба Ланнистеры, вот и ведите себя подобающим образом.

Сир Киван откашлялся.

— По мне, пусть лучше Гнездом правит Петир Бейлиш, чем кто-то еще из поклонников леди Лизы, Джон Ройс, Лин Корбрей, Хортон Редфорт — каждый из них по-своему опасен. И горд. Мизинец при всем своем уме не может похвалиться ни знатностью рода, ни мастерством в военном деле. Лорды Долины никогда не признают его своим сюзереном. — Сир Киван взглянул на брата. Тот кивнул, и он продолжил: — Притом лорд Петир постоянно доказывает нам свою лояльность. Не далее как вчера он доложил нам, что Тиреллы задумали увезти Сансу Старк в Хайгарден, будто бы погостить, и там выдать ее за старшего сына лорда Мейса Уилласа.

— Мизинец доложил? Не наш мастер над шептунами? — Тирион подался вперед. — Весьма любопытно.

Серсея взглянула на дядю с недоверием.

— Санса — моя заложница и никуда не уедет без моего разрешения.

— Тебе поневоле пришлось бы дать разрешение, если бы лорд Тирелл попросил, — заметил отец. — Отказ был бы равносителен заявлению, что мы ему не доверяем. Он счел бы это оскорблением.

— Ну и пусть себе — нам-то что?

Дура ты, дура, подумал Тирион, а вслух объяснил терпеливо:

— Сестрица, оскорбить Тирелла значило бы оскорбить Редвина, Тарли, Рована и Хайтауэра — и дать им повод задуматься, не окажется ли Робб Старк внимательнее к их желаниям.

— Я не допущу, чтобы роза переметнулась к лютоволку, — объявил лорд Тайвин. — Тиреллу надо помешать.

— Каким образом? — спросила Серсея.

— Заключение брака. Твой для начала.

Это прозвучало так неожиданно, что Серсея выпучила глаза, а потом вспыхнула, как от пощечины.

— Ну уж нет. Больше я замуж не пойду.

— Ваше величество, — учтиво молвил сир Киван, — вы еще молоды, прекрасны собой и способны к деторождению. Неужели вы хотите провести остаток ваших дней в одиночестве? Притом новый брак раз и навсегда прекратит все толки о кровосмешении.

— Оставаясь незамужней, ты даешь Станнису повод распространять его гнусную

клевету, — сказал лорд Тайвин дочери. — Ты должна разделить ложе с новым мужем и родить от него детей.

— Мне вполне достаточно троих. Я королева-регентша, а не племенная кобыла!

— Ты моя дочь и сделаешь так, как я тебе прикажу.

Серсея встала.

— Я не стану сидеть здесь и слушать подобные...

— Остаться в твоих интересах, если ты хочешь принять участие в выборе твоего нового мужа, — спокойно сказал лорд Тайвин.

Помедлив, она снова заняла свое место, и Тирион понял, что она проиграла, несмотря на ее громкое заявление:

— Замуж я снова не пойду!

— Пойдешь. И рожать будешь, чтобы каждое рожденное тобою дитя изобличало Станниса во лжи. — Взгляд отца прямо-таки пригвоздил Серсею к стулу. — У Мейса Тирелла, Пакстера Редвина и Дорана Мартелла молодые жены, которые их наверняка переживут. У Бейлона Грейджоя жена пожилая и хвора, но такой брак навязал бы нам союз с Железными островами, а я пока не уверен в разумности такого шага.

— Нет, — побелевшими губами проговорила Серсея. — Нет, нет, нет.

Тирион не сумел до конца подавить свою ухмылку при мысли об отправке сестрицы на Пайк. Надо же — именно теперь, когда он совсем было разуверился в милости богов, кто-то из них преподносит ему столь роскошный подарок!

— Оберин Мартелл мог бы тебе подойти, — продолжал лорд Тайвин, — но это вызвало бы возмущение Тиреллов. Перейдем к сыновьям. Ты ведь не возражаешь, если твой муж будет моложе тебя?

— Я возражаю против самой мысли...

— Я думал о близнецах Редвинах, Теоне Грейджое, Квентине Мартелле и других. Но мечом, сокрушившим Станниса, явился наш союз с Хайгарденом. Нам надлежит закалить и укрепить его. Сир Лорас надел белое, а сир Гарлан уже женат на одной из Фоссовеев, но остается еще старший сын — тот, кого замышляют женить на Сансе Старк.

Уиллас Тирелл. Тирион со злорадным удовольствием взирал на бессильную ярость Серсеи.

— Ну да, тот калека, — молвил он.

Взгляд отца обдал его холодом.

— Уиллас — наследник Хайгардена, и все отзываются о нем как о мягком и учтивом молодом человеке, который любит чтение и наблюдает звезды. Он увлекается также разведением животных и держит лучших соколов, лошадей и собак в Семи Королевствах.

Отменный брак, подумал Тирион. Серсея тоже увлекается племенным делом. Он жалел бедного Уилласа Тирелла и не знал, смеяться ему над участью сестры или плакать.

— Я бы остановился на наследнике Тиреллов, — подытожил лорд Тайвин, — но если ты предпочитаешь кого-то другого, я готов рассмотреть твои доводы.

— Как это любезно с вашей стороны, батюшка, — с ледяной вежливостью произнесла Серсея. — Впрочем, вы ставите меня перед трудным выбором. Кого же мне взять — старого спрута или калеку, разводящего собак? Так сразу не решишь, нужно подумать пару дней. Могу ли я уйти?

Ты же королева, хотелось сказать Тириону — это он должен спрашивать у тебя разрешения.

— Ступай, — сказал отец. — Поговорим, когда ты успокоишься. И помни о своем долге.

Серсея удалилась, не скрывая обуревающей ее ярости. Но в конце концов она поступит так, как велит отец — она уже доказала это в случае с Робертом. Впрочем, остается еще Джейме. Когда Серсею выдавали замуж в первый раз, брат был намного моложе, но со вторым ее браком он может и не смириться. Несчастного Уилласа Тирелла могут проткнуть мечом, что несколько омрачит союз Хайгардена с Бобровым Утесом. «Надо бы и мне высказаться по этому поводу, но как? Прости, отец, но муж, которого она желает, — это наш брат».

— Тирион.

— Мне кажется, я слышу герольда, вызывающего меня на ристалище? — с покорной улыбкой сказал карлик.

— Твоя слабость — это продажные женщины, — без обиняков начал лорд Тайвин, — но, возможно, в этом есть доля и моей вины. Из-за твоего малого роста я постоянно забываю, что ты уже взрослый мужчина со всеми свойственными ему низменными желаниями. Давно пора тебя женить.

«Я уже был женат — забыл?» Тирион скривил губы, издав нечто среднее между смехом и рычанием.

— Это мысль о женитьбе тебя так забавляет?

— Я просто представил, какой из меня получится красивый жених. — А ведь жена, пожалуй, — именно то, что ему нужно. Если она принесет ему земли и замок, у него появится свое место в мире, подальше от двора Джоффри, от Серсеи и отца.

С другой стороны, есть Шая. Ей это не понравится, хотя она и твердит, что согласна быть его шлюхой.

Но отца этот довод поколебать вряд ли мог, и потому Тирион, взгромоздившись повыше на своем сиденье, сказал:

— Ты хочешь женить меня на Сансе Старк. Но не оскорбит ли это Тиреллов, раз у них на девушку свои виды?

— Лорд Тирелл не станет заводить о ней речь, пока свадьба Джоффри не состоится. С какой же стати ему оскорбляться, что Санса вышла замуж раньше, если он не сказал нам ни слова о своих намерениях?

— Совершенно верно, — сказал сир Киван, — а если он и затаит обиду, мы сгладим ее, предложив его Уилласу Серсею.

Тирион потер рубец на носу — тот иногда чесался просто нестерпимо.

— Этот противный мальчишка, наше с вами величество, превратил жизнь Сансы в ад со дня смерти ее отца, а когда она наконец избавилась от Джоффри, вы собрались выдать ее за меня. Не слишком ли это жестоко даже для вас, отец?

— Разве ты намерен дурно с ней обращаться? — скорее с любопытством, чем сердито, осведомился лорд Тайвин. — Ее счастье — не моя забота, да и не твоя тоже. Хотя наши союзы на Юге незыблемы, как Бобровый Утес, остается еще непокоренный Север, а ключ к Северу — это Санса Старк.

— Она совсем еще ребенок.

— Твоя сестра уверяет, что она уже расцвела. Стало быть, она взрослая и годится для брака. Ты должен будешь лишиться ее невинности, чтобы никто не мог сказать, что брак не был осуществлен на деле. А после можешь подождать год или два, прежде чем снова лечь с ней в постель — это твое право как супруга.

Шая — единственная женщина, в которой я сейчас нуждаюсь, а Санса, что ни говори, еще девочка.

— Если вы не хотите отдавать ее Тиреллам, почему бы просто не отослать ее обратно к матери? Возможно, это убедило бы Робба Старка склонить колено.

— Отправь ее в Риверран, — презрительно ответил лорд Тайвин, — и мать мигом выдаст ее за Блэквуда или Маллистера, чтобы упрочить положение своего сына на Трезубце. Отправь ее на Север, и она еще до новой луны окажется за каким-нибудь Мандерли или Амбером. Но здесь, при дворе, она не менее опасна, что доказывает составленный Тиреллами заговор. Она должна выйти за Ланнистера, и как можно скорей.

— Тот, кто женится на Сансе, получит права на Винтерфелл, — вставил дядя Киван. — Это тебе в голову не приходило?

— Если ты не хочешь эту девушку, мы отдадим ее кому-нибудь из твоих кузенов, — сказал отец. — Как там твой Лансель, Киван, — в силах жениться или нет?

Сир Киван заколебался.

— Если мы приведем девушку к его постели, он сможет произнести слова, но осуществить брак — нет... Я предложил бы одного из близнецов, но Старки их обоих держат в Риверране. И Тион, сын Дженны, тоже у них.

Тирион не вмешивался в их разговор — он знал, что они говорят все это исключительно для его вразумления. Санса Старк... Тихая, сладко пахнущая, любящая шелка, песни, воинскую доблесть и высоких, красивых, галантных рыцарей. Он как будто снова оказался на корабельном мосту, и палуба колебалась у него под ногами.

— Ты просил у меня награды за свои заслуги в бою, — напомнил ему лорд Тайвин. — Вот тебе случай, Тирион, — лучшего у тебя не будет. — Он нетерпеливо побарабанил пальцами по столу. — Когда-то я хотел женить твоего брата на Лизе Талли, но Эйерис это поломал, взяв Джейме в свою Королевскую Гвардию. Тогда я предложил лорду Хостеру тебя, а он ответил, что его дочери нужен целый муж, а не половинный.

И выдал ее за Джона Аррена, который ей в дедушки годился... Памятуя, во что Лиза Аррен превратилась теперь, Тирион испытывал скорее благодарность, чем гнев.

— Я предложил тебя Дорну, и они сказали, что это для них оскорбительно. В последующие годы я получил сходные ответы от Джона Ройса и Лейтона Хайтауэра. В конце концов я опустил до девицы Флорент, которую Роберт обесчестил на брачном ложе своего брата, но и ту отец предпочел отдать одному из рыцарей своего дома. Если ты не захочешь взять Старк, я найду тебе другую жену. В стране, уж верно, найдется какой-нибудь захудалый лорд, готовый расстаться с дочерью ради приобретения дружбы Бобрового Утеса. Вот леди Танда предлагает свою Лоллис...

Тириона передернуло.

— Уж лучше я отрежу свое естество и скормлю его козлу.

— Ну так раскрой глаза. Санса Старк молода, пригодна для брака, послушна, знатного рода и девственница, да и собой недурна. Чего ты кочевряжишься?

В самом деле, чего?

— Так, каприз. Быть может, это странно, но я предпочел бы жену, которая хотела бы спать со мной.

— Если ты думаешь, что твои шлюхи хотят с тобой спать, то ты еще глупее, чем я полагал. Ты разочаровываешь меня, Тирион. Я думал, ты обрадуешься этому браку.

— О да, мы все знаем, как вы стараетесь меня порадовать, отец. Но дело ведь не только

в этом. Ключ к Северу, говорите вы? Север теперь в руках Грейджоев, а у короля Бейлона тоже есть дочь. Почему же Санса Старк, а не она? — И Тирион посмотрел в холодные, зеленые с золотыми искрами глаза отца.

Лорд Тайвин сложил пальцы домиком у подбородка.

— Бейлон Грейджой мыслит как разбойник, а не как правитель. Пусть наслаждается своей осенней короной и терпит прелести северной зимы. Вряд ли его новые подданные проникнутся к нему любовью. С приходом весны северяне поймут, что сыты кракенами по горло. Когда ты привезешь домой, в родовой замок, внука Эддарда Старка, лорды и простой люд поднимутся как один, чтобы посадить его на высокое место предков. Надеюсь, ребенка сделать ты способен?

— Думаю, что да, — озлился Тирион. — Доказать этого, правда, я не могу, но никто не скажет, что я не старался. Я сеял свое мелкое семя где только удавалось...

— В сточных канавах и на ничейной земле, где только дурное семя и приживается. Пора тебе возделывать собственный сад. — Лорд Тайвин встал. — Бобровый Утес ты никогда не получишь, но женись на Сансе Старк, и у тебя появится случай получить Винтерфелл.

Тирион Ланнистер, лорд-протектор Винтерфелла. Вероятность этого проняла его странным холодком.

— Все это хорошо, отец, — медленно произнес он, — но в вашем тростнике сидит большой противный таракан. Робб Старк, надо полагать, не менее способен на некоторые вещи, чем я, и помолвлен с одной из плодовитых девиц Фрей. Как только у Молодого Волка появится свой выводок, щенята, которых принесет Санса, не получают ничего.

— Можешь не опасаться: от плодовитой Фрей у Робба Старка детей не будет. Есть одна новость, которой я не счел пока нужным поделиться с советом, но наши добрые лорды и без того ее скоро услышат. Молодой Волк женился на старшей дочери Гавена Вестерлинга.

Тирион не поверил своим ушам.

— Он нарушил свое слово? — изумленно вымолвил он. — Порвал с Фреями ради... — Ему недоставало слов.

— Ради шестнадцатилетней девицы по имени Жиенна, — подсказал сир Киван. — Лорд Гавен предлагал ее в невесты для Виллема или Мартина, но мне пришлось ему отказать. Гавен сам по себе всем хорош, но он совершил оплошность, женившись на Сибелле Спайсер. У Вестерлингов честь всегда преобладала над здравым смыслом. Дед леди Сибеллы торговал шафраном и перцем и был почти столь же низкого рода, как тот контрабандист, которого держит при себе Станнис. Жену свою он привез откуда-то с востока. Жуткая была старуха — какая-то жрица, по слухам. Ее звали Мейега, а настоящего имени выговорить никто не мог. Половина Ланниспорта ходила к ней за лекарствами и приворотными зельями. Она, разумеется, давно уже умерла, и могу вас заверить, что Жиенна — прелестное дитя, хотя видел ее только однажды. Но столь сомнительная кровь...

Тирион, будучи когда-то женат на шлюхе, не мог в полной мере разделять ужаса дяди перед женитьбой на девушке, чей прадед торговал гвоздикой. И все же... Прелестное дитя, сказал сир Киван, но и яды бывают приятны на вкус. Вестерлинги — старинный род, но гордости у них больше, чем власти. Тирион не удивился бы, узнав, что приданое леди Сибеллы превышало состояние ее высокородного супруга. Рудники Вестерлингов давно истощились, лучшие земли распроданы или утрачены, а замок Крэг сильно обветшал. Теперь это развалина, хотя и весьма живописная на фоне моря.

— Вы меня удивили, — признал Тирион. — Я думал, у Робба Старка больше здравого

смысла.

— Ему шестнадцать, — напомнил лорд Тайвин, — а в этом возрасте любовь, похоть и честь всегда перевешивают рассудок.

— Он нарушил клятву и опозорил своего союзника. Где же тут честь?

— Честь девушки он поставил выше своей, — ответил сир Киван. — Он лишил ее невинности и не мог поступить иначе.

— Он поступил бы добрее, оставив ее с бастардом в животе, — сказал напрямик Тирион. Да, теперь Вестерлинги, похоже, лишатся всего: земель, замка и самой жизни. Ланнистеры всегда платят свои долги.

— Жиенна Вестерлинг — дочь своей матери, — ответил на это лорд Тайвин, — а Робб Старк — сын своего отца.

Как видно, измена Вестерлингов разъярила отца не столь сильно, как Тирион ожидал. До сих пор лорд Тайвин не спускал неверности своим вассалам. Гордых Рейнов из Кастамере и древний род Тарбеков из Тарбека он истребил под корень, будучи еще юношей. Об этом даже сложили песню, весьма мрачную. Несколько лет спустя, когда лорд Фармен из Светлого Замка начал вести себя подозрительно, лорд Тайвин послал к нему гонца с лютней вместо письма. Прослушав в своем чертоге «Рейны из Кастамере», лорд Фармен исправился раз и навсегда. А если бы песни оказалось мало, то разрушенные замки Рейнов и Тарбеков всегда могли напомнить об участии тех, кто бросил вызов власти Бобрового Утеса.

— Крэг не так уж далек от Тарбека и Кастамере, — заметил Тирион. — Казалось бы, Вестерлинги достаточно часто проезжали мимо, чтобы усвоить урок.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Примечания

Сноу, или снег, — фамилия, которую дают бастардам дома Старков.

Кракен — гигантский кальмар. — *Примеч. пер.*

Клинок из стали с крупнозернистой структурой.